

Святитель Макарий Коринфский
Добротолюбие. Том V
Серия «Добротолюбие. В 5 томах», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436545

*Добротолюбие: дополненное. В 5 тт. / В русском переводе святителя Феофана, Затворника
Вышенского. Том V.: Сибирская Благовонница; Москва; 2010
ISBN 978-5-91362-313-3*

Аннотация

Сборник аскетических творений отцов IV–XV вв., составленный святителем Макарием, митрополитом Коринфским (1731–1805) и отредактированный преподобным Никодимом Святогорцем (1749–1809), впервые был издан на греческом языке в 1782 г.

Греческое слово «Добротолюбие» («Филокалия») означает: любовь к прекрасному, возвышенному, доброму, любовь к красоте, красотолюбие. Красота имеется в виду духовная, которой приобщается христианин в результате следования наставлениям отцов-подвижников, собранным в этом сборнике. Полностью название сборника звучало как «Добротолюбие священных трезвомудрцев, собранное из святых и богоносных отцов наших, в котором, через деятельную и созерцательную нравственную философию, ум очищается, просвещается и совершенствуется».

На славянский язык греческое «Добротолюбие» было переведено преподобным Паисием Величковским, а позднее большую работу по переводу сборника на разговорный русский язык осуществил святитель Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров, 1815–1894).

Настоящее издание осуществлено по изданию 1905 г. «изданием Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря».

В пятый том «Добротолюбия» вошли переводы творений святых отцов: Симеона Нового Богослова, Симеона Благоговейного, прп. Никиты Стифата, Феолипта, митрополита Филадельфийского, Григория Синаита, Никифора Уединенника, Григория Паламы, архиепископа Солунского, Каллиста Патриарха и Игнатия Ксанфопулы, Симеона, архиепископа Солунского. В приложении помещены Жития святых: Никодима Святогорца и Макария Коринфского.

По благословию митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира

Содержание

Святой Симеон, новый богослов	4
Святой Симеон, новый богослов краткое сведение о нем	4
Преподобного Симеона, Нового Богослова деятельные и богословские главы	5
Старец Симеон Благоговейный	31
Подвижническое слово старца Симеона Благоговейного	31
Преподобный Никита Стифат	41
Краткое сведение о преподобном Никите Стифате	41
Никиты преподобного монаха и пресвитера святейшей обители студийской	42
Преподобный Никита Стифат	56
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Святитель Макарий Коринфский Добротолюбие. Том V

Святой Симеон, новый богослов

Святой Симеон, новый богослов краткое сведение о нем

Святой Симеон, родом из Пафлагонии, воспитывался в Константинополе у дяди, одного из придворных. По окончании учения был немного при дворе, но скоро все оставил и вступил в обитель Студийскую, где был старец его, Симеон Благоговейный, руководивший его еще со времени образования его. Слишком строгая жизнь его возбудила среди братства против него неудовольствие, и он с совета старца перешел в обитель св. Маманта, где по смерти настоятеля избран в игумены и посвящен в пресвитера Патриархом Николаем Хрисовергом. Благоустроив обитель сию, св. Симеон убезмолвился, поставив вместо себя достойного преемника, испытанного Арсения. – Но не до конца пришлось ему наслаждаться покоем безмолвия. Поднялась против него буря за то, что он установил праздник в честь усопшего старца своего Симеона Благоговейника, и выбросила его из Константинополя. Там недалеко облюбил он место, где стояла ветхая церковь св. Марины. Владелец сего места, чтитель его, один из вельмож, Христофор Фагура, уступил ему всю ту местность и помог устроить там обитель. Устроив все, и здесь св. Симеон опять убезмолвился и после тридцатилетнего покоя в безмолвии почил в начале XI века. Св. мощи его явились в 1050 году. Память его 12 марта – день кончины его. – Никодим Агиорит, поместив его в своем Синаксарнике под сим числом, замечает под чертою, что память его перенесена на 12 октября, – и что им составлена ему служба.

Св. Симеон оставил много писаний. Во время управления обителями он обычно говорил поучения в церкви и на покаях обоих писал послания и наставления, общехристианские и подвижнические. Послания более в виде кратких статей или глав.

Ученик его Никита Стифат, составитель жития его, собирал его писания и переписывал набело еще при жизни святого.

В печати, в особой книге, имеются на новогреческом 92 слова его, аскетические главы его и старца его и на еллинском 55 молитв, писанных стихами. Слова и главы переведены на русский и изданы и находятся на руках Афонских старцев.

Греческое Добротолюбие взяло из писаний св. Симеона аскетические его главы, включив в среду их и старца его главы, а некоторые из его глав опустив, и в конце своем прибавило два слова – из общего собрания.

Берем и мы себе аскетические главы и св. Симеона Богослова, и старца его, особо каждую, как они находятся не в греческом Добротолюбии перемешанно, а в особой книге. Берем и два слова, помещая их не после глав, а там же, где они стоят в греческом Добротолюбии, к концу всего сборника.

Преподобного Симеона, Нового Богослова деятельные и богословские главы

1) Вера есть (быть готову) умереть Христа ради за заповедь Его, в убеждении, что такая смерть приносит жизнь, – нищету вменять в богатство, худость и ничтожество в истинную славу и знаменитость, и в то время как ничто не имеется, быть уверену, что всем обладаешь, – особенно же (она есть) стяжание неисследимого богатства познания Христа и взирание на все видимое как на прах или дым.

2) Вера во Христа есть не только, чтоб небрежь о приятностях жизни, но и то, чтоб терпеливо и благодушно переносить всякое находящее искушение, в печалях, скорбях и неприятных случайностях, пока возблаговолит Бог призреть на нас, – подражая Давиду, который говорит: *терпя потерпех Господа и внят ми* (Пс. 39, 1). (То есть, терпя скорби, я уповал, что Господь поможет мне; почему и Господь, видя, что я не колеблясь чаю помощи от Него, призрел на меня и явил мне милость Свою).

3) Предпочитающие в чем-либо родителей своих Заповеди Божией не имеют веры во Христа. Конечно, и собственная совесть их обличает их в таком неверии, если только совесть жива в них. Ибо истинно верующих отличительный знак есть ни в чем никогда не преступать заповеди великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

4) Вера во Христа, Истинного Бога, рождает желание вечных благ и страх мучений; желание же сих благ и страх мук приводят к строгому исполнению заповедей, а строгое исполнение заповедей научает людей глубокому сознанию своей немощности; это сознание истинной немощности нашей рождает память о смерти; кто же возымел сию память сожителиницею себе, тот приболезненно взыщет узнать, каково будет ему по исходе и удалении из сей жизни; а кто тщательно старается узнать о будущем, тому прежде всего надлежит лишить себя настоящего (т. е. благ и вещей мира сего). Ибо обладаемый пристрастием к чему-либо из сего последнего, даже самому ничтожному, не может стяжать совершенного познания о том первом. Даже когда бы, по смотрению Божию, вкусил он сколько-нибудь такого познания, то – если тотчас не оставит того, к чему одержим пристрастием, и не предастся всецело стяжанию сего единого познания, не позволяя себе даже думать о чем-либо другом кроме него, – взято будет от него и это познание, какое мнится он имети.

5) Отречение от мира и совершенное из него удаление, – если восприимем при сем и совершенное отрешение от всех житейских вещей, нравов, воззрений и лиц, с отвержением тела и воли своей, в короткое время великую принесет пользу тому, кто с таким жаром ревности отрекся от мира.

6) Имея в намерении удалиться из мира, смотри не вдавай души своей в плотские утешения, в начале, пока еще живешь и возвращаешься в мире, хотя бы все сродники и друзья понуждали тебя к тому. Это им демоны внушают, чтобы погасить теплоту сердца твоего, – через что, если и не воспрепятствуют они исполнению твоего намерения, то всячески охлаждают и ослабят его.

7) Когда ты мужественно будешь отказываться от всех удовольствий житейских и держать себя чуждым всякого утешения, тогда демоны, возбудив сострадание в родных, заставят их плакать и рыдать о тебе перед лицом твоим. Что это истинно так есть, сие познаешь из того, что, когда ты останешься непоколебим и при этом искушении, то тотчас увидишь, как родные твои возгорятся яростью и ненавистью против тебя. Отвратятся от тебя как от врага и смотреть на тебя хотеть не будут.

8) Видя скорбь о себе родителей, братьев и друзей, посмевайся демону, разнообразно сим против тебя вооружающемуся; но поспеши и удалиться со страхом, прилежною докучая Богу молитвою сподобить тебя поскорее достигнуть в пристанище доброго Отца, в коем Сей

упокоил бы душу твою, утружденную и обремененную, ибо житейское море представляет много бедственного и крайне пагубного.

9) Желаящий возненавидеть мир из глубины души должен возлюбить Бога и память о Нем стяжать непрестанную, ибо ничто другое, как сие, не побуждает с радостью оставить все и отвращаться от того, как от уметов.

10) Ни по благословным, ни по бессловесным причинам не оставайся долго в мире; но как только позван будешь, спеши послушаться. Ибо ничему другому не радуется так Бог, как нашей скорости (в исполнении воли Его), так как лучше скорое послушание с бедностью, нежели медлительность со множеством имений.

11) Если мир и что в мире преходит все, а Бог нетленен и бессмертен; то радуйтесь все, которые ради Него оставили тленное. Тленно же не только богатство и деньги, но и всякое удовольствие и наслаждение греховное есть тля. Одни Заповеди Божии свет суть и жизнь, – и так всеми именуются.

12) Если, брате, пламенем ревности о спасении объятый, бегом притек ты в киновию или к духовному отцу, то, когда будет предлагать тебе он или сподвизающиеся тебе братия бани, или брашна, или другие какие утешения в упокоение плоти, не соглашайся на то. Но всегда будь готов (желай, ищи, стремись) к пощению, к злостраданию (произвольным лишениям), к крайнему воздержанию. Если отец твой о Господе повелит тебе дать некое утешение телу, послушай его, отсекая и в этом собственную волю свою; а если нет, то с радостью исполняй терпеливо, что делать произвольно восхотел ты (т. е. всячески воздерживаться от всего). Соблюдая сие, будешь всегда во всем как постящийся и воздерживающийся и своей воли по всему отрекшийся. И не это только, но и сущий в сердце твоём пламень, все презирать тебя принуждающий, сохранишь ты неугасимым.

13) Когда демоны, сделав все с своей стороны, не успеют расстроить наше по Богу намерение или воспрепятствовать исполнению его, тогда приходят они в притворяющихся благочестивыми (братий) и посредством их покушаются воспрепятствовать начавшим уже подвизаться, в добрых подвигах их. И во-первых, будто любовью и состраданием движимые, советуют им не чуждаться телесных утешений, чтоб и тело, говорят, не изнемогло, и самим не впасть в уныние. Потом, вызывая их на бесполезные беседы, целые дни попусту проводить в них заставляют. Затем, если кто из ревностных послушает их советов и станет подобен им, то они начинают смеяться над тем, будто радуясь его гибели; если же не послушает их слов, но сохранит себя чуждым всего, себе внимающим и бездерзновенным (скромным и робким перед всеми), то подвигаются на зависть и вооружаются против него, употребляя все способы, чтоб изгнать его даже из монастыря: ибо для бесчестного тщеславия несносно видеть, как у него перед глазами хвалят истинное смирение.

14) Томится болезненно тщеславный, видя, как смиренный, проливая слезы, и Бога ими умилоствует, и людей подвигает к новой похвале.

15) После того, как предашь ты всего себя духовному отцу своему, знай, что ты чужд всему, что принес совне, – вещи ли какие, или деньги. Почему ничего не делай с ними без его воли и ничего не проси себе у него из того: ни малого, ни большого; разве только сам он, по собственному произволению, или тебе велит взять что, или собственноручно даст тебе то.

16) Без воли отца твоего по Богу не загадывай давать милостыню из принесенных тобою денег; но и через посредника какого не домогайся взять у него что-либо из них. Ибо лучше быть и именоваться нищим и странным, нежели расточать и раздавать деньги, когда ты еще новоначальный. Все предать в волю духовного отца своего, как в руку Божию, есть дело совершенной веры.

17) Даже плотка воды проглотить не проси, хотя бы случилось тебе быть палиму жаждою, пока духовный отец твой, сам в себе подвигнут будучи, не велит тебе это сделать. Утешай себя и нудь во всем, уговаривая себя такими словами: если хочет Бог и достоин будешь

напиться, то Он откроет всеконечно отцу твоему сказать тебе: «напейся». И тогда напьешься с чистою совестью, хотя бы это было и не вовремя.

18) Некто, опытом познавший духовную пользу и неотложную стяжавший веру, предлагая Бога свидетелем истины, сказал: я положил в себе такой помысл, чтоб никогда не просить у отца моего ни есть ни пить и вообще ничего другого не принимать, пока Бог не внушит ему приказать мне это. И действуя так, я никогда, говорит, не был тщетен в надежде моей.

19) Действенную стяжавший веру к отцу своему по Богу, видя его, мнит видеть Самого Христа, и бывая с ним или последуя ему, верует несомненно со Христом быть и Ему последовать. Таковой никогда не пожелает беседовать с кем-либо другим и не предпочтет что-либо из мирских вещей памяти и любви Его. Ибо что лучше или что полезнее в настоящей и в будущей жизни того, чтоб быть со Христом? Что прекраснее или сладче созерцания Его? Если же и беседы от Него сподобляется кто, то конечно почерпает из нее Жизнь Вечную.

20) Благорасположенно любящий тех, которые его поносят и обижают и причиняют ему ущерб, и молящийся о них в короткое время достигает великого преуспевания. Ибо когда так бывает в чувстве сердца, тогда это благонастроенного сим образом вводит в бездну смирения и изводит из него источники слез, в которых погружается вся троичность души (т. е. разумная, желательная и раздражительная ее силы), – возводит ум на небо бесстрастия и делает его созерцательным, – вкушением же тамошних благ располагает вменять в уметы все блага настоящей жизни и самую пищу и питье принимать не в сладостях и не так часто.

21) Не от дел только злых должно подвижнику удаляться, но надобно стараться быть свободным и от помыслов, и от мыслей противных (Заповедям и воле Божией), – и всегда быть заняту в себе душеспасительными и духовными воспоминаниями, пребывая беспечительным о вещах житейских.

22) Как тот, кто обнажил все тело свое, если оставит при сем глаза свои закрытыми каким-либо покровом и не захочет взять сей покров и сбросить, не может от одного этого обнажения прочего тела видеть свет: так и тот, кто оставил все свои вещи и деньги, избавился и от самых страстей сих, если не освободит при сем и ока души своей от воспоминаний житейских и помышлений худых, никогда не увидит умного Света, Господа нашего Иисуса Христа и Бога.

23) Что покров, на глаза наложенный, то помыслы мирские и воспоминания житейские для ума, или ока души. До тех пор, пока попустим им быть, ничего не увидим; когда же изгоним их памятью о смерти, тогда узрим свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир.

24) Кто слеп от рождения, тот не может знать силу пищевого, ни верить тому; но если он когда-либо сподобится прозреть, то станет свидетельствовать, что пищенное и читаемое истинно.

25) Видящий чувственными очами знает, когда бывает день и когда ночь, а слепой не знает ни того ни другого. И духовно прозревший и зрящий умными очами, если после того, как повидит истинный и незаходимый свет, по нерадению и беспечности опять возвратится к прежнему ослеплению и лишится света, то, находясь в благочувствии, добре чувствует лишение сего света и того, от чего случилось с ним такое лишение, не неведает, но пребывающий от рождения слепым (духовно) ничего такого не знает ни по опыту, ни по действию, – разве слухом что услышит и узнает о том, чего никогда не видал, и станет рассказывать о том другим, хотя ни он, ни слышащие ничего верно не знают о тех вещах, о коих разговаривают.

26) Невозможно и плоть наполнять досыта брашнами, и духовно наслаждаться умными и божественными благами. Ибо в какой мере кто работает чреву, в такой лишает себя вкушения духовных благ; напротив, в какой мере кто станет утончать тело свое, соразмерно с тем будет насыщаем пищею и утешением духовными.

27) Оставим все земное, – не богатство только и золото и другие вещи житейские, но и самое похотение к ним совершенно изгоним из душ наших. Возненавидим не только удовольствия тела, но и бессловесные движения его, и постараемся умертвить его трудами и подвигами; ибо через него возбуждаются похоти и приводятся в дело. И пока оно живо, по всей необходимости душа наша бывает мертвою, – труднодвижною. Или и совсем неподвижною на всякую Заповедь Божию.

28) Как пламень огня всегда поднимается вверх, особенно когда станешь ворочать вещество, в котором возгорелся и горит огонь; так и сердце тщеславного не может смириться. Но как только скажешь ему что-либо для его пользы, он более и более воздымается; если его обличают и вразумляют, он противоречит сильно; если хвалят и привечают, он напыщается зле.

29) Человек, научившийся противоречить, сам для себя есть обоюдоострый меч: он убивает душу свою, не сознавая того, и делает ее чуждою Жизни Вечной.

30) Противоречивый подобен тому, кто произвольно предается противникам царя своего, врагам. Противоречие есть удочка, имеющая затравую правдословие (защиту правды, себяоправдание), которым будучи прельщаемы, проглатываем мы удочку (крючок удильный) греха. Так обыкновенно похищается такая бедная душа за язык и гортань духами злобы. И то воздымается горе, то погружается в хаотическую бездну греха и осуждается вместе с ниспадшими с неба.

31) Кто, будучи бесчестим или досаждаем, сильно болит от этого сердцем, о том ведомо да будет из сего, что он носит древнего змия в недрах своих, если он станет молча переносить наносимое ему или противоотвечать с великим смирением, то сделает своего змия немощным и расслабленным (и совсем убьет). А если будет противоречить с горечью и говорить с дерзостью, то станет придавать силы змию – изливать яд в сердце свое и немилосердно пожирать внутренности свои: так что змий тот, будучи таким образом каждодневно усиливается, поглотит наконец самое намерение бедной души его исправить себя и держать исправною в добрых порядках жизни; и силу к тому отымет. И станет таковой после сего жить греху и совсем мертвым быть правде.

32) Если захочешь отречься от мира и научиться евангельскому житию, то отдай себя не неопытному и не нечуждому страстей учителю, чтоб вместо евангельского диавольскому не научиться житию. Ибо у добрых учителей и уроки бывают добрые, а у худых – худые; от худых же семян и произрастения бывают всегда худые.

33) Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого. Исследуй и сам Божественные Писания, и особенно деятельные писания свв. отцов, чтоб, с ними сличая то, чему учат тебя учитель и настоятель, мог ты, как в зеркале, видеть, насколько они согласны между собою, – и затем согласное с писаниями усвоить и удерживать в мысли, а несогласное – рассудив добре – отлагать, чтоб не прельститься. Ибо знай, что во дни сии много явилось прелестников и лжеучителей.

34) Всякий не видящий (слепой духовно), если берется руководить других, есть прелестник, и последующих ему ввергает в ров пагубы, по слову Господа: *слепец слепца аще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15, 14).

35) Слепой в отношении к Одному (Богу), слеп и весь, в отношении ко всему; и видящий в Едином (Боге) в видении есть всего; между тем он и отстоит от видения всего, и бывает в видении всего, и есть вне всего видимого. Будучи так в Едином, видит он все, и во всем будучи, не видит ничего из всего, видя во Едином, через Него видит и себя, и всё и всех; будучи сокрыт в Нем, ничего из всего не видит.

36) Кто во внутреннем своем умном или духовном человеке не облекся во образ Господа нашего Иисуса Христа, Небесного Человека и Бога, с чувством и сознанием, тот кровь только есть и плоть. И не может посредством слова только воспринять чувство духовной

славы, подобно тому, как и слепые от рождения не могут познать, что такое есть свет солнца, из слов только о нем.

37) Кто слышит так и видит, и чувствует, тот знает силу того, что говорится, как уже облекшийся во образ небесного и пришедший *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). Будучи таковым, может он добре руководить на пути Заповедей Божиих и стадо Христово. А кто не знает этого и не таков есть, в том, очевидно, чувства души не просвещены и не здравы. И ему гораздо лучше быть руководимым, нежели руководить с опасностью для других и себя.

38) Напряженно внимающий своему учителю и руководителю, как Богу, противоречить не может. Кто думает и говорит, что имеет то и другое (т. е. что он и внимает отцу своему, как Богу, и противоречит), тот да ведает, что находится в заблуждении: ибо не знает, какое расположение к Богу имеют люди Божии.

39) Кто верует, что в руке пастыря его находится его жизнь и смерть, тот никогда не воспротиворечит. Неведение же сего рождает прекословие, причиняющее духовную и вечную смерть.

40) Пока не состоится решение над подсудимым, ему дается слово самооправдания говорить судье о том, что наделал; по раскрытии же дел его и произнесении над ним решения судии, он уже ни мало, ни много не противоречит тем, кои наказывают его (во исполнение приговора).

41) Прежде чем вступит монах в это судилище (покаяния – монастырь) и откроет лежащее на сердце его, может быть, можно ему говорить что против, одно по неведению, другое по замыслению скрыть иные свои дела. По открытии же и искренней исповеди своих помыслов уже нельзя ему никогда противоречить своему по Богу судье и владыке, даже до смерти. Ибо монах, вступивший в сие судилище и вначале обнаживший сокровенности сердца своего с самых начатков жизни здесь, носит, если имеет здравый смысл, убеждение, что он достоин бесчисленных смертей, но верует, что через свое послушание и смирение избавится от всякого мучения и наказания, если, конечно, истинно знает силу таинства сего.

42) Кто неизгладимо сохраняет сие в уме своем, тот никогда не подвигнется сердцем на недолжное, когда его учат, вразумляют и обличают. Ибо впадающий при сем в пагубный грех прекословия и неверия духовному отцу своему и учителю, еще живой бедственно низводится во глубину ада и становится жилищем сатаны и всего его нечистого воинства, как непокоривый сын погибели.

43) Умоляю тебя, взявшего на себя иго послушания, часто обращать сие в мысли своей и со всяким старанием подвизаться, чтоб не попасть, как сказано, в ад на муки вечные; но всякий день так молиться тепло Богу и говорить: Боже и Господи всяческих, имеющий власть над всяким дыханием и всякою душою, Един могущий утешать меня, услыши моление мое. И во мне бедном гнездящегося змия, наитием Всесвятого Духа Твоего, умертвив, истреби. Научи и настрой меня, нищего и обнаженного от всякой добродетели, припадать к стопам отца моего, и его святую душу расположи к состраданию и милости ко мне. Даруй, Господи, смирение в сердце мое и помыслы, подобающие грешнику, положившему каяться Тебе. Не остави вконец душу, единожды сочетавшую Тебе, Тебя исповедавшую, Тебя вместо всего мира избравшую и всему предпочетшую. Ты ведаешь, Господи, что я желаю спастися, хотя злой обычай мой полагает тому препятствие. Но Тебе, Владыко, возможно все, невозможное для людей.

44) Те, которые во дворе благочестия со страхом и трепетом положили доброе основание веры и надежды и ноги свои незыблемо утвердили на камне послушания духовным отцам, слушая заповедуемое ими, как из уст Божиих, и на сем основании послушания без колебаний в смирении души устрояя исполнение того, – скоро преуспевают. И исправляется в них великое и первое дело, состоящее в том, чтобы отвергнуть себя самих. Ибо исполне-

ние чужой, а не своей воли не только самоотвержение душевное укореняет, но и умертвие всему миру производит.

45) Тому, кто прекословит отцу своему, сорадуются демоны; тому же кто до смерти смиряется перед ним, удивляются Ангелы. Ибо таковой дело Божие совершает, уподобляясь Сыну Божию, Который исполнил послушание Отцу Своему даже до смерти, смерти же крестной.

46) Безмерное и безвременное сокрушение сердца о чем-либо чувственном омрачает и возмущает ум. Оно изгоняет из души чистую молитву и умиление, а всаждает в нее болезненное томление сердечное. Отсюда жесткость и томление безмерное; а через это демоны обыкновенно отчаяние наводят на взявшихся жить духовно.

47) Когда случится с тобою таковое, монаше, ты же между тем находишь в душе своей ревность и великое желание совершенства, так что сильно стремишься исполнить всякую Заповедь Божию, не погрешить даже в праздном слове и нисколько не отстать от древних святых ни в деянии, ни в ведении, ни в созерцании, но видишь, что тебе препятствует в этом враг, всевая плевелы малодушия и не попуская тебе воспарить на такую высоту святости тем, что наводит расслабление через возметание помыслов страшливых такими внушениями: невозможно тебе спастись среди мира и неопустительно исполнять все Заповеди Божии; тогда ты, севши в угол, сожмись и собери помыслы свои, – и дай благой совет душе своей, сказав ей: *вскую прискорбна еси, душе моя? И вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповеся Ему. Спасение лица моего не дела мои, а Бог мой есть* (Пс. 41, 6). Кто оправдится от дел закона? И царепророк говорит: *не оправдится пред Тобою всяк живой* (Пс. 142, 2). Но верую, какую имею в Бога моего, надеюсь спасенным быть по неизреченному благоутробию Его даром. Ступай прочь с глаз моих, сатана! Господу Богу моему поклоняюсь и от юности моей служу Ему, могущему спасти меня по единой милости Своей. Отступи же от меня. Бог, создавший меня по образу и подобию Своему, да сокрушит тебя.

48) Бог от нас человек не требует ничего другого, кроме одного: чтоб мы не грешили. Но это не есть исполнение закона, а только ненарушимое хранение образа и горнего достоинства, в коих стоя по естеству и нося светло-осиянную одежду Духа, мы пребываем в Боге и Он в нас, бываем по благодати богами и сынами Божиими и знаменуемся светом познания Бога (по слову: *знаменася на нас свет лица Твоего, Господи* (Пс. 4, 7)).

49) Расслабление и тягота телесная, прибывающие в душу от лености и нерадения, отбивают от обычного правила и производят омрачение ума и малодушие. Отсюда почаству появляться начинают помыслы страхования и хулы, и искушаемый демоном расслабления и уныния нередко от робости не может войти в обычное место молитвы и предается лености, а нередко испытывает нападки неуместных помышлений о Творце всяческих. Итак, зная причину, откуда это тебе нашло, поспеши войти в обычное место молитвы твоей и падши перед человеколюбивым Богом, молись со стенаниями сердечными, в сокрушении и слезах, испрашивая избавления от тяготы расслабления и уныния и от помыслов злых. И вскоре дано будет тебе освобождение от них, если будешь толкать (в дверь милосердия Божия) притрудно и неотступно.

50) Кто стяжал чистое сердце, тот победил страхование. А кто еще очищает его, тот иногда побеждает его, а иногда бывает побежден им. Кто же совсем не подвизается (о своей высоте), тот *или* всеконечно ниспал в состояние нечувствия и, как друг страстей и бесов, при тщеславии болезнует еще и самомнением, *мнит себе быти что, ничтоже сый* (Гал. 5, 3), – *или* есть раб, преданный в руки страхования, и как младенчеству умам, трепещет и боится страха там, где для боящихся Бога нет страха, ни страхования.

51) Боящийся Бога не боится устремления против него бесов, ни их немощных нападений, равно как угроз злых людей; но будучи весь как пламень некий и огонь палящий, когда даже проходит по скрытым и неосвященным местам, обращает в бегство демонов,

которые больше, чем он от них, бегут от него, чтоб не быть опаленными от исходящего от него пламеневидного луча божественного огня.

52) Кто проникнут страхом Божиим, тот не боится обращаться среди злых людей. Имея внутри себя страх Божий и нося непобедимое оружие веры, он силен бывает на все и может делать даже то, что многим кажется трудным и невозможным. Он ходит среди них, как гигант среди обезьянок, или лев рыкающий среди псов и лисиц, уповая на Господа, твердостью мудрования своего изумляет их, ужасает смыслом их, поражая их словом премудрости, как жезлом железным.

53) Не только безмолвник или послушник, но и игумен, настоятель над многими, – и он, все устроая, должен быть беспечален, т. е. свободен от печальной заботы о житейских потребностях. Ибо если печемся, то оказываемся преступниками Заповеди Божией, которая говорит: *не пеццетеся душею вашею, что ясте, или что пиете, или во что облечетея, всех бо сихязыцы ищут* (Мф. 6, 32). – И еще: *зрите, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пианством, и печальми житейскими*. (Лк. 21, 34).

54) У кого помысл занят попечением о житейских вещах, тот не свободен: ибо попечение о них держит его в своих руках и делает рабом своим, для себя ли он заботится о них, или для других. Свободный же от сего ни для себя, ни для других не печется о житейском, будь он епископ, или дьякон, или игумен. Но и праздным он никогда не бывает и ни о чем, даже самом последнем и ничтожном, никакого небрежения не оказывает; а богоугодно все делая и устроая, о всем беспечален пребывает, – и это на всю жизнь.

55) Смотри не разори своего дома, желая построить дом ближнего. Трудное это дело и неудобь исполнимое; почему поопасись, как бы не случилось, что, взявшись за это, ты свой дом разорить разоришь, но и того дом построить отнюдь не сможешь.

56) Если не стяжал ты совершенного беспристрастия к житейским вещам и деньгам; то не желай, чтоб тебе поручена была экономия (смотрение за этими вещами и распоряжение ими по обители); чтобы не быть пленену ими и вместо воздаяния за труд служения обители не подпасть осуждению за воровство и святотатство. Если же будешь принужден настоятелем взять сие дело: то води его так, как бы ты обращался с палящим огнем. Расстраивай и самый первый прилог помысла (о чуждоприсвоении) исповедью и покаянием, и молитвою настоятеля сохранный будешь невредим.

57) Не сделавшийся бесстрастным не знает даже, что есть бесстрастие, и не верит, чтоб был кто-либо такой на земле. Ибо тому, кто сам не отвергся прежде себя и крови своей усердно не истощил за эту, воистину блаженную, жизнь, – как подумать, что другой кто сделал это, чтоб стяжать бесстрастие? Таким же образом и тот, кто мнится иметь Духа Святого, ничего не имея, когда слышит, что действия Духа Святого явно познаваемы бывают в тех, кои имеют Его, никак тому не верит, равно как и тому, что есть кто-либо и в настоящем роде равный апостолам Христовым и всем от века святым, подобно им движимый и действующий Божественным Духом, или в видении Его бывающий с сознанием того и чувством. Ибо всякий по собственному своему состоянию судит о том, что касается ближних, – по тому, т. е. каков сам, по добродетели ли сказать, или по грехам.

58) Иное есть бесстрастие души и иное бесстрастие тела. То (душевное) и тело освящает своим собственным сиянием и свето-излиянием Духа; а это одно само по себе ни на что не полезно для того, кто стяжал его.

59) Как тот, кто из последней бедности обогащен царем и возведен в светлый сан, облечен им в блестящее одеяние и определен стоять перед лицом его, – и самого царя с вожделем видит и как благодетеля чрезмерно любит, и на одеяние, в кое облечен, весело смотрит, и сан свой сознает, и данное ему богатство знает: так и монах, который, истинно оставив мир и все мирское, приступил ко Христу и, влеком будучи добрыми чувствами, восшел на высоту духовного созерцания через исполнение заповедей, – и Самого Бога непрелестно созерцает,

и совершившееся в нем изменение ясно видит. Ибо всегда видит осиявающую его благодать Св. Духа, именуемую и одеянием, и царскою багряницею, – чем наипаче для верующих есть Сам Христос Господь, так как верующие в Него облачаются в Него.

60) Многие сами читают Божественные Писания, другие слушают читающих оные; но не многие бывают в силах правильно уразуметь значение и смысл читаемого. Иные полагают, что читаемое в Писаниях Божественных невозможно; иные, почитая прямой смысл пишемое неудобоприемлемым, берутся истолковывать то по-своему и истолковывают зле. Что сказано о настоящем времени, о том судят, что оно будет иметь место в будущем; а что сказано о будущем, то понимают как сбывшееся уже или сбывающееся каждый день. Таким образом, у них нет правильного суждения и истинного распознавания отличий в вещах божественных и человеческих.

61) На всех верных должны мы смотреть как на одного и думать, что в каждом из них прибывает Христос, и такое любовное иметь к нему расположение, чтоб быть готовыми положить за него души свои. Отнюдь не должно нам говорить или думать, что кто-либо зол, но всех видеть добрыми, как сказано. Хотя увидишь кого-либо боримым страстями, не брата, а страсти ненавидь, борющие его. А когда увидишь такого, над которым тиранствуют похоти и недобрые привычки, имей к нему еще большее сострадание, чтоб иначе и самому не быть искушену подобно ему, – как изменчивому и состоящему под влиянием изменчивого вещества.

62) Если кто фальшив от лицемерия, или по делам виновен, или немного уязвлен какою-либо страстью, или несколько неисправен в каком-либо отношении по нерадению: то такой не приемлется в число исправных во всем. Но как непотребный и неискусный на доброе, отмечается, чтобы он не произвел разрыва в союзе, которому должно пребывать неразрывным, и разделения между теми, которые должны пребывать нераздельными, тех и других ввергнув в печаль, – так как те, кои впереди (преуспевают), станут болезненно печалиться о тех, кои позади их, а сии о разлучении с теми, кои упредили их.

Примечание. Перевод делается по тексту греческого Добротолюбия. Место темно. Новогреческий перевод делает ему такой перифраз, со *чтобы*: «чтоб не сделал он того, что связь цепи расторгнется, когда ее натянут, т. е. чтоб не причинил он расторжения единения братий в то время, когда они вдадутся в большие подвиги добродетелей, не произвел разделения между братиями, которые должны пребывать нераздельными, и не стал причиной печали для обеих частей, так как те, которые идут впереди, т. е. преуспевают в добродетели, станут печалиться о тех, кои оказались позади, а оставшиеся назади станут печалиться о разлучении с первыми».

63) Как тот, кто на пламень разжженной печи набрасывает земли, угашает оный, так и житейские попечения и всякий вид пристрастия к чему-либо, даже последнему и ничтожному, истребляет возжегшуюся вначале теплоту сердца.

64) ¹ Кто с радостью и совершенным чувством отрекся от всего внешнего, от вещей, разумею, и людей, и забыл все сие, преходя, как стену, всякое пристрастие к тому (оставляя позади себя): тот чужд мира и всего, что в мире, и, в собранности держа ум свой, в одном поучается всегда – в памяти и помышлении о смерти. Почему и печется всегда о том, что касается суда и воздаяния, весь пленен бывает сим и, как узами, окован, внедряя неизреченный страх в сердце свое такими помыслами и углублением в них.

¹ Сего пункта нет в греч. и слав. Добротолюбии.

65) ² Кто вселит во глубине сердца своего страх суда, тот является на зрелище мира, как некий осужденник, закованный в цепи. Почему пребывает объят страхом, как бы был схвачен палачом немилостивым и влеком на место казни, не думая ни о чем другом, кроме страданий и терзаний, какие имеет претерпеть от мук в вечном огне. Это чувство мук хранится неизгладимо в сердце его страхом, породившим его, и (вместе с ним) не дает ему заботиться о чем-либо человеческом; так как он всегда находится в таком состоянии, как бы был повешен на крест и чувствовал во всей силе болезни и страдания крестной смерти, — что и не попускает ему ни внимать лицу чьему-либо, ни думать о чести или бесчестии человеческих. От всей души почитая себя достойным всякого презрения и бесчестия, и внимания не обращает он на поношения и унижения, какие ему делают.

66) ³ Всяким яством и питием и украшением гнушается чреватый страхом смерти; и в удовольствие ни хлеба не ест, ни воды не пьет, доставляя телу только потребное, сколько нужно для поддержки жизни; всякой воли своей отвергается и бывает рассудительным рабом, исполняя все, что ни приказывают ему.

67) Предавший себя в рабы свои по Богу отцам не станет ради страха мук избирать из повелеваемого то, что облегчало бы болезнь сердца его и разрешало узы страха, и тех не послушает, которые дружески, или льстительно, или повелительно поощряли бы его к тому. Но паче предпочтет то, что возвращало бы сию болезнь. Возжелает того, что крепче стягивало бы сии узы, и возлюбит то, что делало бы более сильным палача. В таких расположениях пребудет он навсегда, не питая надежды когда-либо совсем освободиться от заслуженных крайностей; ибо надежда избавления делает болезнь сердца легчайшею, что не полезно теперь кающемуся.

68) Всякому, начавшему жить по Богу, полезен страх мук и порождаемая им болезнь сердца. Кто же без такого болезнования и без таких уз страха желает положить начало доброй жизни, тот не на песке только полагает основание своих деяний, но мечтает построить дом на воздухе без основания, что конечно невозможно. Между тем болезнование то скоро порождает всякую радость, узы сии разрывают узы всех грехов и страстей. И плач сей не смерти, а Вечной жизни бывает виновником.

69) Кто не станет уклоняться и бегать сердечного болезнования, порождаемого страхом вечного мучения, но будет последовать ему произволением сердца (следовать с ним по доброму пути или последовать решениями произволения с сочувствием сердца тому, что внушает оно со страхом) и по мере успеха все более и более стягивать себя узами его, — тот поспешнее будет шествовать. Оно представит его и перед лице Царя царствующих. И когда сие будет, тогда, — лишь только воззрит он, еще не так ясно, на славу Его, тотчас разрешатся узы его, страх — палач — далеко отбежит от него, и сердечное болезнование его преложится в радость, которая сделается в нем живым ключом или бьющим источником, источающим всегда чувственно реки слез, а духовно тишину, кротость и неизреченное услаждение, но при этом — и мужество с готовностью свободно и невозбранно теши ко всякому исполнению Заповедей Божиих. Что для новоначальных еще невозможно, а свойственно восшедшему к середине преуспевания; для тех же, кои подходят к совершенству, источник сей бывает светом при внезапном изменении и преложении сердца.

70) Имеющий в себе свет Всесвятого Духа, не в силах бывая стерпеть зрение Его, падает на землю ниц, взывает и вопиет в ужасе и страхе великом, как увидевший и испытавший нечто такое, что выше естества, выше слова и разума. И бывает он подобен человеку, у которого от чего-нибудь возгорелись внутренности огнем, от которого жегомый и жжения пламени не могли терпеть, становится он весь измученным и совсем не имеющим силу быть

² Сего пункта нет в греч. и слав. Добротолюбии.

³ В Доброт. гр. и сл. 64; 67-й здешний, там 65... и т. д.

в себе. Но будучи непрестанно орошаем слезами и ими прохлаждаем, еще сильнее воспламеняется он огнем желания божественного, а от этого слезы еще обильнее у него текут, и он, будучи омываем излиянием их, еще блистательнее сияет. Когда же весь разжегшись, станет он, как свет, тогда исполняется на нем сказанное (Богословом): «Бог с богами соединяем и ими познаваем» (так Бог соединяется с обожаемыми от Него и Его познающими), и притом в такой, может быть, степени (исполняется сие на нем), в какой соединился он уже с Сочетавшимся с ним и в какой оказался познавшим Его.

71) Прежде плача и слез, – никто да не прельщает нас пустыми словами, и сами себя да не прельщаем, – нет в нас покаяния, ни истинного намерения перемениться, ни страха Божия в сердцах наших; ни сознали мы себя еще виновными и не осудили, и душа наша не была еще в чувстве будущего суда и вечных мук. Ибо если б мы осудили себя, если б возымали такие движения сердца, если б были в таких чувствах, то тотчас извели бы и слезы. Без этого же ни жестокосердие наше никак не может умягчиться, ни душа наша стяжать духовное смирение, ни мы ни в силах сделаться смиренными. А кто не таков, тот не может соединиться с Духом Святым; не соединившийся же с Ним через очищение себя от всего страстного, созерцания Бога и Боговедения сподобиться не может, и недостойн сокровенно научаемым быть добродетелям смирения.

72) ⁴ Сначала от плача по Богу бывает смирение; от него приходят потом радость и веселье неизреченные; окрест же смирения по Богу вырастает надежда спасения. Ибо чем кто грешнейшим всех людей считает себя от всей души, тем более вместе с смирением разрастается в нем надежда, цветет внутри сердца его и исполняет его удостоверением, что он несомненно имеет быть спасен посредством смирения.

73) Чем более кто нисходит в глубину смирения и осуждает себя самого как недостойного спасения, тем более плачет и изводит источники слез; по мере слез и плача источается в сердце его духовная радость, а вместе с нею соисточается и совозрастает надежда и дает вернейшее удостоверение во спасении.

74) Всякому надлежит рассматривать себя и внимать себе разумно, чтоб ни на надежду одну не полагаться без плача по Богу и смирения, ни опять на смирение и слезы не полагаться без споследования им надежды и радости духовной.

75) Есть мнимое смирение, происходящее от нерадения и лености и от сильного осуждения совести. Возымевшие его нередко почитают его виною спасения, но оно не есть таково воистине, потому что не имеет радостотворного плача, который бы соединен был с ним.

76) Бывает и плач без духовного смирения, и те, которые плачут таким образом, думают, что такой плач очищает грехи; но они тщетно обманывают себя, потому что лишены бывают сладости Духа, таинственно порождающейся в мысленном сокровище – хранилище души, и не вкушают благодати Господа. Почему таковые скоро воспаляются гневом и не могут совершенно презреть мира и то, что в мире. А кто не презрит сего совершенно и не стяжет ненависти к нему от всей души, тот никогда не возможет стяжать твердую и несомненную надежду спасения, но всегда влается сомнением туда и сюда, так как не основал надежды своей на камне.

77) Плач двоякое имеет действие: и, как вода, погашает слезами весь пламень страстей и омывает душу от скверны, причиняемой ей ими; и опять, как огонь, присутствием Святого Духа животворит, согревает, воспаляет сердце и возбуждает в нем любовь и вождение к Богу.

78) Внимай себе и познай действия, происшедшие в тебе от смирения и плача, и замечай, какую пользу приносят они тебе каждый час. В новоначальных же и такая еще бывает от них польза, – отвержение всякой земной заботы и пристрастия и отречение от всех людей, –

⁴ Сего нет в греч. Добротолюбии и следующих до 78.

родителей, родных и друзей, – беспопечение и презрение всех вещей, – денег и всего, не только до последней нитки, но даже и до самого тела своего.

79) ⁵ Притворяющихся добродетельными и иными являющихся по внешнему виду, иными же бывающих по внутреннему человеку, – исполненных иной раз всякой неправды, полных зависти, рвения и зловония сластей чувственных, – многие почитают, как бесстрастных и святых, имея неочищенным око души (чтоб познать их прямо) и не в состоянии будучи познать их по плодам их; а тех, которые живут в благоговействе, добродетели и простоте сердца и суть воинству святы, не отличают от прочих людей, мимоходят их с небрежением и вменяют ни во что.

80) Такие почитают говоруна и показливого более учительным и духовным; а молчаливого и блюдущегося от празднословия почитают дикарем, необразованным и безгласным.

81) От того, кто говорит в Духе Святом, высокоумные и недугующие диавольскою гордынею отвращаются как от высокоумного и горделивого, будучи словами его паче поражаемы, чем приводимы в умиление и сокрушение; а того, кто мелет, как жернов, и говорит от чрева своего или по науке, хвалят и принимают, хотя он о деле спасения все лживо толкует. Таким образом между такими нет никого, кто бы мог добре и как есть на самом деле распознать и видеть (людей или дело спасения).

82) *Блажени, говорит Бог, чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Чистым же сердце делают не одна, не две, не десять добродетелей, а все вместе, слившись, так сказать, во едину добродетельность, достигшую последних степеней совершенства. Однако ж и в таком случае добродетели одни не могут сделать сердца чистым без воздействия и присещения Духа Святого. Ибо как ковач, как бы искусно ни умел он действовать орудиями, ничего не может сработать без содействия огня, так и человек пусть все делает со своей стороны (для очищения сердца), пользуясь для сей цели добродетелями, как орудиями, но без присещения огня Духа все делаемое им останется бездейственным и бесполезным для его цели, так как это – одно – не имеет силы очищать нечистоту и скверну души.

83) В Божественном Крещении мы получаем отпущение прегрешений, освобождаемся от прародительской клятвы и освящаемся наитием Святого Духа; но совершенную благодать, как она означается в словах: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16), – не тогда получаем. Ибо это есть достояние совершенно утвержденных в вере и доказавших ее делами. Если же мы по крещении уклоняемся на скверные и злые дела, то совершенно теряем и всякое освящение. И уже покаянием, исповедью и слезами, соответственно делам, получаем опять сначала отпущение прегрешений, а потом и освящение вышнюю благодатью.

84) Через покаяние совершается омытие скверны прежних непотребных дел, а после такого очищения бывает причастие Святого Духа; но не просто, а в силу веры, расположения (крепкой решимости стоять не падая) и смирения кающихся от всей души; и не только после проявления таких расположений, но и после того, как получится разрешение грехов от духовного отца и восприемника. Почему хорошо каждодневно каяться, как повелевает заповедь. Ибо слова: *покайтесь, приблизися бо Царствие Небесное* (Мф. 3, 2) возлагают на нас делание, не ограничиваемое определенным временем, а всегдашнее.

85) Благодать Всесвятого Духа дается уневестившимся Христу душам, как обручение или залог. И как жена без обручения не имеет твердой уверенности, что несомненно сочтается некогда с мужем; так и душа никогда не воспримет верного удостоверения, что будет вечно сопребывать с Владыкою своим и Богом или таинственно и неизреченно сочетаваться с Ним и наслаждаться неприступною красотою Его, если не получит обручения, или залога благодати Его, и не возымеет в себе сознательно Его Самого.

⁵ В греч. и слав. Добротолюбии 70.

86) Как обручение не бывает надежно, пока согласительные бумаги, в коих пишутся условия брака, не будут подписаны достойными веры свидетелями: так не бывает твердо воссияние благодати прежде делания заповедей и стяжания добродетелей. Ибо что суть при заключении условия свидетели, тем при духовном обручении бывает делание заповедей и добродетелей: через них всякий имеющий спастись получает совершенное обладание обручением (т. е. благодатью Св. Духа).

87) Сначала как бы пишутся брачные условия деланием заповедей, потом добродетелями они запечатлеваются и подписываются: и тогда Жених-Христос невесте-душе дает перстень, т. е. обручение Духа.

88) Как невеста прежде брака получает от жениха только залог обручения, условленное же приданое и прочие обещанные дары ожидает получить после брака: так и невеста Христова – Церковь верных и душа каждого из нас сначала получает от Жениха только обручение Духа, вечные же блага и Небесное Царство чает получить по исходе отсюда, будучи удостоверяема в том залогом обручения, который показывает ей все то, как в зеркале, и подтверждает несомненность получения того, на чем состоялось соглашение ее с Владыкою своим и Богом.

89) Как если невеста, разгневавшись по тому случаю, что жених замедлил в отлучке или, будучи занят другими делами, отложил на время совершение брака, презрит любовь его и брачный договор или изгладит, или раздерет; то вместе с сим тотчас лишается и всех надежд, столь многое обещавших ей от жениха: так обыкновенно бывает и с душою. Ибо когда кто из подвижающихся, сказав себе: доколе же должен я злострадать (терпеть всякие лишения)? – вознебрежет о подвижнических трудах и подвигах, и через нерадение о заповедях и оставление всегдашнего покаяния как бы изгладит и раздерет свои с Господом условия: то вместе с сим тотчас лишается и залога обручения (благодати) и совершенно теряет всякую надежду на Бога.

90) Как невеста, обратив к другому любовь, какою обязана к обрученному с нею жениху, и начав жить с ним явно или тайно, не только не получает ничего обещанного ей женихом, но должна ожидать и достойного наказания и позора по закону: так то же бывает и с нами. Ибо если какая душа явно или тайно преложит любовь к Жениху Христу на возлюбление какого-либо другого предмета и сердце ее будет завладено им, то бывает ненавистна и омерзительна Жениху и недостойна сочетания с Ним. Ибо Он сказал: *Аз любящие Мя люблю* (Притч. 8, 17).

91) По таким признакам каждому надлежит распознавать, получил ли он обручение Духа от Жениха и Владыки Христа. Если получил, да тщится держать сие и хранить; а если еще не сподобился получить, да потщится посредством дел благих, благопотребных деланий и теплого покаяния поскорее получить его и потом сохранить деланием заповедей и приумножением добродетелей.

92) ⁶ Обручение Святого Духа неизъяснимо и для того, кто стяжал его, так как оно постигается непостижимо, держится недержимо, видится невидимо; живет, глаголет и движет того, кто стяжал его; отлетает из таинницы, в коей пребывает запечатленным, и опять обретается там нежданно, чем образует убеждение, что оно как присещения своего не делает утвержденным однажды навсегда, так отшествия своего – невозвратным, после которого уже не возвратилось бы. Таким образом, стяжавший его, и когда не имеет его (присущим обязательно), есть как бы имел его, и когда имеет его, в таком находится расположении, как бы не имел его.

93) Как если когда кто стоя в доме будто ночью при дверях и окнах, со всех сторон заключенных, отворит одно какое окно, то свет внезапно обдаст его блестящим сиянием, и

⁶ Нет в Добротолюбии 92–94.

он, не вынося такого сияния, тотчас закрывает очи свои, закутывается и прячется: так и когда душа, заключенная отовсюду в чувственное, выглянет как-нибудь умом своим, как сквозь окно, во внечувственное и облистается сиянием сущего внутри нее обручения Св. Духа, то не вынося блистания Божественного непокровенного света, тотчас трепетать начинает умом своим, вся прячется в саму себя и убегает как бы в дом какой, под покров чувственного и человеческого.

94) *Ввяжет ли кто огонь в недра*, говорит премудрый Соломон, *риз же своих не сожжет ли?* (Притч. 6, 27). А я говорю: кто, прияв внутрь сердца своего непокровенный небесный огонь Духа Святого, не возгордится и не облистается, не воссияет и не возымеет облистаний Божества, в меру своего очищения и восприятия огня? Ибо восприятие огня идет вслед за очищением сердца, и опять очищение сердца идет вслед за восприятием огня, — т. е. сколько очищается сердце, столько приемлет и божественной благодати, и опять: сколько приемлет оно благодати, столько и очищается. Когда же завершится сие (т. е. и очищение сердца, и приятие благодати достигнут совершенства и полноты), тогда человек весь всецело бывает бог по благодати.

95) ⁷ Как в доме кровля держится на основании с прочим зданием, а основание (с прочим зданием) кладется для держания кровли, — поскольку то и другое необходимо и благо- необходимо, — и ни кровля обыкновенно не устроится без основания (с прочим зданием), ни основание (с прочим зданием) без кровли не составляет жилища пригодного для жизни: так и в душе благодать Святого Духа блюдетсЯ исполнением заповедей, а исполнение заповедей полагается, как основание для получения дара благодати Божией, и ни благодать Святого Духа обыкновенно не остается в нас без исполнения заповедей, ни исполнение Заповедей Божиих не бывает благопотребно и полезно без благодати Божией.

96) Как дом бескровный, оставленный таким по нерадению строителя, не только не гоЖ ни к чему, но еще служит в посмешище строителю: так и положивший основание исполнением заповедей и стены высоких добродетелей воздвигший, если не получит и благодати Святого Духа с видением и ощущением того душевным, несовершен есть и составляет предмет сожаления для совершенных. А лишен благодати бывает таковой по следующим двум причинам: или потому, что пренебрег покаянием, или потому, что возмалодушествовав пред полным стяжанием добродетелей, как делом безмерно великим, оставил некоторые из них, которые, однако ж, хотя кажутся нам маловажными, но существенно необходимы для полного устроения и окончания дома добродетелей, так как невозможно, чтобы без них дом сей покровен был благодатью Святого Духа.

97) Если Сын Божий и Бог для того снизшел на землю, чтобы посредничеством Своим примирить с Отцом Своим нас, сущих врагов Ему, и с Собою сочетает нас осязательно, посредством Святого и Единосущного Духа Своего; то лишаящийся такой благодати какую другую получит? Всеконечно таковой ни с Тем (Отцом) не примирился, ни с Сим (Сыном) не имеет сочетания благодатью Святого Духа.

98) Соделавшийся причастным Божественного Духа от страстных похотей и сластей избавляется, а от естественных потребностей телесных не освобождается. Почему как освободившийся от уз страстного похотения, вкусивший бессмертной славы и сладости и сочетавшийся с нею, понуждается непрестанно возноситься горе и с Богом пребывать, не позволяя себе даже на мгновение отступить от созерцания Его и ненасытного Им наслаждения; а как связанный телом и тлением, отторгается им от горнего, влечется долу и возвращается к земному. Тогда такая бывает у него печаль о сем (разлучении с горним), какую, полагая, испытывает душа грешника, разлучающаяся с телом.

⁷ В Добротолюбии 83.

99) Как для теплолюбивого и жизнелюбивого, для сластолюбивого и миролюбивого разлучение с сими предметами его любви есть смерть: так для любителя чистоты и Бога невещественного и добродетели воистину смерть есть даже малое отступление от них сердцем. Ибо если видящий чувственный свет, когда смежит очи свои сам, или другой кто закроет ему их, тяготится, скорбит и долго сносить этого не может, особенно – если он смотрел на предметы нужные и дивные, – не тем ли паче просвещаемый Духом Святым и видящий ясно, в видении наяву и мысленно, в бодрственном состоянии и во сне, те блага, которых око не видало, о которых ухо не слыхало, которые на сердце человеку не всходили, и в которые сами Ангелы Божии желают приникнуть, будет печалиться и скорбеть, если чем-нибудь будет отторгнут от созерцания их? Ибо это праведно кажется ему смертью и отчуждением от Жизни Вечной.

100) Одни ублажают пустынную жизнь, другие общежительную, третьи начальственную, чтоб предстоять народу, вразумлять его и учить и устроить церкви, от которых обыкновенно многие питаются и душевно и телесно. Я же не желал бы предпочтение дать никакой из них пред другими, ни сказать, что та достойна похвалы, а эта – порицания. Во всяком образе жизни преблагенна жизнь, во всех делах и деяниях ведомая для Бога и по Богу.

101) Как обыкновенная жизнь человеческая строится и течет под взаимодействием разных житейских предприятий, мастерства и искусств, – т. е. один одно, другой другое делает и приносит другим на потребности, и таким образом, друг другу передавая и друг от друга принимая, живут люди, удовлетворяя естественные свои телесные потребности: так то же самое можно видеть и в духовной жизни, – один одну добродетель проходит, другой – другую, – один такой путь жизни избирает, а другой – другой, но все вместе текут к единой цели, друг другу содействуя.

102) Цель всех по Богу живущих есть – благоугодить Христу Богу нашему и примириться с Богом Отцом чрез приятие Святого Духа, – и таким образом устроить свое спасение: ибо в этом состоит спасение всякой души. Если этого нет у нас (в цели и действии), то тщетен всякий другой труд и суетно всякое другое делание наше. – Бесполезен всякий путь жизни, не ведущий к сему того, кто течет по нему.

103) Оставивший мир весь и в гору удалившийся на безмолвие, и оттуда тщеславно пишущий к сущим в мире, одних ублажая, другим ласки и похвалы расточая, подобен тому, кто, разведясь с женой, блудной, непотребной и всезлой, и отшедший на страну далеко, чтоб изгладить и саму память о ней, забыл потом о сей цели, для которой удалился на страну – в гору, – и пишет с вожделением к тем, которые обращаются с той женой, или прямее сказать, оскверняются, и ублажает их. Таковой, хотя телом не оскверняется, но сердцем и умом всячески оскверняется, как бы сочувствуя тем произволением в их связи с той женой.

104) Сколько живущие среди мира и очищающие чувства и сердца свои от всякой греховной похоти достойны похвалы и ублажения, – столько же живущие в горах и пещерах и возделывающие похвал и ублажений от людей достойны порицания и отвержения. Таковые пред Богом, испытующим сердца, равны прелюбы творящим. Ибо страстно желающий, чтобы его жизнь, имя и дела слышны были в мире, любодействует от Бога, по образу древнего народа иудейского, как говорит Давид.

105) С несомненной к Богу верой отрекшийся от мира и всего, что в мире, верует, что милостивый и щедрый Господь приемлет приходящих к Нему в покаянии, – и ведая, что Он рабов Своих чрез бесчестие возводит к чести, чрез крайнюю нищету обогащает их, чрез поношения и унижения прославляет, чрез смерть соделовывает наследниками и причастниками Жизни Вечной, – посредством их (т. е. бесчестия, нищеты и пр.) усиливается теши, как елень жаждущий, к бессмертному источнику и по ним восходит к горнему, как по лестнице, – по коей Ангелы восходят и нисходят на помощь восходящим, а Бог восседитверху ее, ожи-

дая наших посильных трудов и усилий, не потому, чтоб Ему радостно было видеть нас трудящимися, но потому, что, будучи человеколюбив, желает награду нам даровать, будто долг.

106) Бог не попускает тем, которые всеусердно текут к Нему, совсем ниспасть (с той лестницы), но, видя их изнемогающими, содействует им и помогает, простирая к ним свыше руку силы Своей и к Себе возводя, – содействует и явно и неявно, и ведомо и неведомо, – пока они, прошедши всю лестницу, к Нему Самому приблизятся и, всецело с Ним соединясь, забудут все земное, с Ним сопребывая там и сожительствова, – аще в теле, аще ли кроме тела, не вем, – и неизреченных наслаждаясь благ.

107) Праведно есть *прежде* игу Заповедей Христовых подклонить нам выи свои, ни в сторону не уклоняясь, ни вспять не возвращаясь и не отставая, но право и усердно шествуя в них даже до смерти, паче и паче обновляя себя и новым воистину делая себя Божиим раем, пока со Отцом Сын чрез Духа Святого внидет и станет обитать в нас. И тогда уже, когда таким образом стяжем Его себе жителем и учителем, – тогда кому из нас повелит Он (взять на себя какое служение) и кому какое служение вверит, тому оно и да вручится; и он да ведет его так, как сие благоугодно Богу. Но прежде времени не следует сего служения искать, не следует и принимать его, когда дают его люди (сами от себя), но надлежит пребывать в заповедях Владыки нашего и Бога и ожидать повеления Его (взять на себя какое служение).

108) Если, – после того, как вверено нам будет служение в божественных вещах и мы потрудимся в нем достохвально, – направлены мы будем Духом перейти на другое служение, или делание, или дело, – да не сопротивляемся. Ибо Бог не хочет ни того, чтобы мы были праздны, ни того, чтоб оставались на одном и том же делании, с которого начали; но хочет, чтоб преуспевая, все более и более подвигались к достижению лучшего, не своей, однако ж, но Божией руководясь в сем волею.

109) Старающийся умертвить свою волю должен творить волю Божию, – вместо своей воли вводить в себя волю Божию, насаждать и внедрять ее в сердце свое. И при этом тщательно смотреть, прорастает ли насаждаемое и внедряемое, пустив вглубь корни; если проросло и дало ствол, то ствол сей, будучи надрезан для принятия прививка, сросся ли с сим прививком и стал ли в одно с ним древо, затем, вырос ли прививок, расцвел ли и дал ли плод прекрасный и сладкий, – чтоб не неведомы были ему и земля, прежде приившая в себя семя, и корень, на котором глубоко утвердилось сие непостижимое и неизреченное живоносное растение (Перифраз; место очень темно).

110) Кто страха ради Божия отсекает свою волю, тому Бог, неведомо для него, так что он не знает, как то бывает, дарует Свою волю и соделоваеет ее неизгладимой в сердце его, открывая при сем очи сердца его, чтоб он познал ее (т. е., что это Божия воля), и силу подавая исполнять ее. Творит же сие благодать Святого Духа, а без нее ничего не бывает.

111) Если ты получил прощение всех своих грехов, просто ли только чрез таинство покаяния и исповеди, или с приятием при сем и святой ангельской схимы; то какой любви, какого благодарения и смирения должно быть сие для тебя источником – что, будучи достоин бесчисленных мук, ты не только избавлен от этого, но еще удостаиваешься сыноположения, славы и Царства Небесного?

Обращая сие в уме своем и всегда помня, будь готов и настраивайся к тому, чтобы не обесчестить собою Сотворшего тебя и почтившего, и бесчисленные простившего тебе согрешения, но всеми делами своими прославить Его и почтить, чтобы и Он тебя, почтенного Им паче всякой видимой твари (в творении), еще паче почтил в воздаяние за то (во благодати), – и другом Своим искренним наименовал тебя.

112) Сколько душа честнее тела, столько разумный человек лучше и выше всего мира. Не на великость сущих в мире творений смотри, чтоб ради того думать, будто они честнее тебя, человек; но на данную тебе благодать возрев и достоинство умной и славной души своей уразумев, прославляй в песнях Бога, почтившего тебя паче всего видимого.

113) Будем смотреть и умудряться, как прославить Бога. Прославляется же Он нами не иначе, как так, как прославлен был Сыном. Но чем Сын прославил Отца Своего, тем и Сам прославлен был от Отца. Будем и мы делать то же (что Сын) со тщанием, чтоб тем прославить Отца нашего, *Иже есть на небесех*, благоволившего так наименоваться и от Него быть прославленными славою Сына, *которую имел Он у Него прежде мир не бысть*. Это суть – крест, или умертвие всему миру, скорби, искушения и другие страсти Христовы, – которые перенося с полным терпением, подражаем мы Христовым страстям и прославляем тем Отца нашего и Бога, как сыны Его по благодати и сонаследники Христовы.

114) Душа, не освободившаяся совершенно от мирских навыков и пристрастия к видимым вещам, в самих чувствах и расположениях сердца своего не может беспечально переносить приключаящихся ей печалей и находящихся на нее напраслин и искушений от демонов и людей. Но, как узами, связанная пристрастием к человеческим вещам, уязвляется ущербом в деньгах, тяжкою поражается скорбью от потери вещей и сильно болезнует о наносимых телу ее ранах.

115) Кто отторг душу свою от пристрастия и привязанности к чувственному и тесным союзом сочетал ее с Богом, тот не только равнодушен будет к сущим около него деньгам и вещам и, терпя потерю в них, будет беспечален, как бы они были не его, а чужие, но и самому телу его причиняемые боли будет переносить с радостью и подобающим благодарением, видя всегда, по слову божественного Апостола, что когда *внешний человек тлеет, внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). Иначе же с радостью переносить скорби по Богу невозможно. Потребны для сего ведение совершенное и мудрость духовная, – которых лишенный всегда ходит во тьме безнадёжия и неведения, не имея никакой возможности видеть свет терпения и утешения (молитвы).

116) Всякий, мнящийся быти мудрым, потому что прошел все науки и сведущ во внешней мудрости, никогда не сподобится проникнуть в тайны Божии и увидеть их, если прежде не смирится и не сделается в чувствах сердца своего буим, вместе с сомнением отвергая и приобретенную ученость. Ибо кто так поступает и с колеблющеюся верою последует мужам мудрым в божественных вещах, тот, будучи ими руководим, вместе с ними входит в град Бога Живого, и, Духом Святым наставляемый и просвещаемый, видит и познает то, чего никто из других людей видеть и познать не может. Так делается он богонаученным.

117) Богонаученных ученики мудрых века сего людей почитают буими, между тем как сами воистину суть буии и наострились только по внешней премудрости обьюродевшей, которую, по божественному Апостолу, *обуи Бог* (1 Кор. 1, 20) и богословный глас признал *земною, душевною, бесовскою, исполненною рвения и зависти* (Иак. 3, 15). Таковые, будучи вне Божественного света, не могут видеть чудес, находящихся в нем, и тех, которые, водворяясь в сем свете, видят, что в нем, и поучают тому, почитают прельщенными, между тем как сами прельщены и никогда не вкушали божественных благ.

118) И ныне есть и среди нас возвращаются люди бесстрастные, святые и исполненные Божественного света, которые так умертвили уды свои, сущие на земли, отребив их от всякой нечистоты и всякого страстного похотения, что не только сами от себя не помышляют делать что-либо худое, но и когда влекут их к тому другие, не терпят никакого изменения в присущем им бесстрастии. Их узнали бы и те, которые презрительно об них относятся и не верят им, когда они поучают о божественных вещах в премудрости Духа, если б добре разумели божественные словеса, каждодневно ими читаемые и поемые. Ибо если б они знали совершенно Божественное Писание, то веровали бы обещанным нам от Бога и дарованным благам. Но как они не причастны сих благ за свое сомнение и нерадение, то охуждают и тех, которые сподобились причастия их и учат о них, не веря им.

Примеч. Так в греческом Добротолубии. В новогреческом эта глава перифразирована так: «Те, которые говорят, что во времена сии нет ни

одного бесстрастного, и не верят тем, которые в премудрости Духа ведут беседы о божественных вещах, если бы понимали божественные слова, какие каждодневно читают и поют, узнали бы, что и ныне есть бесстрастные, святые и исполненные Божественным светом, и живут среди нас, отребив себя от всякой нечистоты и всякого страстного похотения, – так что не только сами от себя не помышляют делать что-либо худое, но и когда другой кто влечет их к тому, не терпят никакого изменения в бесстрастии, которое в них. Но те, не зная Писаний, говорят, что ныне нет никого такого. Ибо, если б разумели, как должно, Божественное Писание, то верили бы тем благам, которые Богом нам обещаны и дарованы. Но как они не причастны таких благ, по причине самомнения и нерадения своего, то, не веря им, оуждают и оклеветывают тех, которые сделались причастными их и учат о них».

119) Исполненные благодати Божией и совершенные в ведении и премудрости, которая свыше, для того только желают ходить в мир и видеть сущих в нем, чтоб напоминанием о Заповедях Божиих расположить их к доброделанию и чрез то дать случай заслужить награду некую, – если конечно послушают их, возьмут в толк и убедятся. Так как они, не Божиим водимы будучи Духом, во тьме ходят и не знают, куда идут, и преуспевают ли в каких заповедях; то (во благодати живущие идут к ним с показанными напоминаниями в желании и надежде) не восприимут ли когда-нибудь истинного учения Святого Духа, воспрянув от обдержавшего их самомнения, и искренно, а не с притворством и самохвальством, вняв воле Божией, не покаются ли, чтоб, исполнив ее, соделаться причастными какого-либо дарования духовного. Если же не случится им быть виновниками такой для посещаемых мирян пользы, то они, плача об ожесточении и ослеплении сердец их, возвращаются в свои кельи и начинают день и ночь молиться о спасении их. Ибо о другом чем не печалются с Богом непрестанно пребывающие и преисполненные всякого блага.

120) Какая цель воплощенного Домостроительства Бога Слова, которая во всем Божественном Писании проповедуется, но которой мы, читая сие Писание, не знаем? Не другая какая, как та, чтоб, приобщившись тому, что наше, соделать нас причастными того, что есть Его. Сын Божий для того соделался Сыном Человеческим, чтобы нас человеков соделать сынами Божиими, возводя род наш по благодати в то, что Сам Он есть по естеству, рождая нас свыше благодатью Святого Духа, и тотчас вводя нас в Царство Небесное, или, лучше сказать, даруя нам иметь сие Небесное Царствие внутри нас (Лк. 17, 21), чтобы мы, не надеждою только внити в него питаясь, но уже в обладание им быв введены, взывали: *живот наш сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3, 3).

121) Крещение не отъемлет самовластия и самопроизволения нашего, но дарует нам свободу от тиранства диавола, который не может уже более против воли нашей властвовать над нами. По крещении в нашей же состоит воле: или пребывать самоохотно в заповедях Того, в Кого крестились, Христа, Владыки и Бога, и ходить путем повелений Его, – или, уклонясь от правого пути сего, опять возвратиться к диаволу, противоборцу и врагу нашему.

122) Те, которые по Святом Крещении повинуются хотениям лукавого и угодное ему творят, отчуждают себя от святых ложесн святого Крещения, по сказанному Давидом: *очуждишися грешницы от ложесн* (Пс. 57, 4). Ибо каждый из нас не изменяется или не предлагается из естества, как создан, в другое. Но быв создан от Бога благим (ибо Бог ничего злого не сотворил), и пребывая непреложным по естеству и существу, как создан, что свободной своей волей произволяет и желает, то и делает, доброе ли то, или злое. Ибо как нож, на зло ли кто его употребляет, или на добро, не предлагается из своего естества в другое, но остается железом по естеству: так и человек действует и содевает, как сказано, что хочет, но из естества своего не выступает.

123) Не то спасает, если кто однажды и одному кому окажет милость, хотя то, если кто и одного презрит, повинным делает огню вечному. Ибо – *взалкахся и возжадахся* – сказано не про один случай и не про один день, но указывает на всю жизнь. Равным образом *напитасте, напоисте, одевасте* и прочее, что следует, не на однократное дело указывает, но на всегдашнее и в отношении ко всем. Христос Господь и Бог наш исповедал, что Он такую милость Сам приемлет от рабов Своих (в лице нуждающихся).

124) Кто подал милостыню сотне нуждающихся, но, могши дать и другим, накормить и напоить многих, – отказал умолявшим его и вопиющим к нему, тот будет судим от Христа, как не напивавший Его. Потому что и в этих всех Он есть Тот же Самый, Которого питаем мы в каждом из бедных.

125) Кто ныне всем нуждающимся все потребное для тела доставил, тот, если завтра, имея возможность то же сделать, вознерадит о некоторых братиях и оставит их умирать с голода, жажды и холода, – Того Самого оставил умирать, Того Самого презрел, Кто сказал: *понеже сотвористе единому сихмениших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40).

126) Того ради Господь благоволил воспринять лицо каждого бедного и каждому бедному Себя уподобил, чтоб никто из верующих в Него не возносился над братом своим. Но чтоб каждый, видя в брате своем Бога своего, почитал себя меньшим и худшим брата своего, как есть меньше Сотворшего его, и как Сего, принимал его и чтил, и в помощь ему готов был истощить все имение свое, как Христос и Бог наш истощил кровь Свою для спасения нашего.

127) Кому повелено иметь ближнего своего, как самого себя, тот, конечно, не один день, но всю жизнь свою должен иметь его таковым. Также и тот, кому заповедано давать всякому просящему, заповедь имеет всю жизнь свою поступать так. Равно как и от желающего, чтоб другие делали ему добро (всегда разумеется), требуется, чтоб он и сам то же делал для других.

128) Так как имеющий ближнего своего как самого себя не может позволить себе иметь что больше ближнего, то если кто, имея, не раздает независтно, пока и сам не сделается бедным и не уподобится ближним своим, тот не оказывается точным исполнителем Заповеди Владычней. Равным образом (не оказывается) хотящим давать всякому просящему тот, кто, имея хоть грош или кусок хлеба, отошлет ни с чем просящего у него, – или не делая сам для ближнего, чего тот желает (отошлет), чтоб сделал для него это другой кто. Таким образом, и тот, кто всякого бедного и нищего кормил, поил, одевал и все другое для него делал, а презрел только одного и об одном понерадел, – и этот сочтен будет презревшим Христа Бога, алчущего и жаждущего.

129)⁸ Как иные заключают Христа Господа в одном бедном, тогда как Он нераздельно разделяется и есть весь во всяком бедном? Предположим теперь в уме своем, что сто бедных суть, как один Христос, – ибо Христос совершенно нераздельно пребывает. Кто потому дал по монете девяносто девяти бедным, а одного разбранил, прибил и выгнал ни с чем, кому тот, думаешь, сделал это? Конечно, Самому Христу, Который сказал, говорит и всегда будет говорить: *понеже сотвористе единому сих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40).

130) Из сказанного видно, что Господь Себе усваивает и принимает за сделанное собственнo для Него Самого, что сделано для бедных братий наших. И слово Господа: *Мне сотвористе*, не ограничивается только теми, к которым мы немилостивы были, ни теми, которых онеправдовали, или которых собственностью покорыствовались, или которыми наделали всякого рода других зол, но включает и тех, которых мы презрели. И этого одного достаточно к нашему осуждению, потому что, презирая их, мы презираем Самого Иисуса Христа.

⁸ Сего нет в Добротолюбии.

131) ⁹ Может быть, это всем покажется тяжелым, и они потому сочтут благословным говорить в себе: кто может до точности все это исполнить, чтобы всех удовлетворить и напитать, и отнюдь никого из них не оставить неудовлетворенным? Но да послушают они Павла, который ясными взывает словами: *любь Христова обдержит нас суждших сие* (2 Кор. 5, 14).

132) Как главные заповеди объемлют все заключающиеся в них частные заповеди, так и главные добродетели заключают в себе все частные объемлемые ими добродетели. Продавший, например, все свое и раздавший то бедным, и сделавшийся сам бедным, за раз исполнил все частные, относящиеся сюда заповеди. Почему не имеет уже нужды просящему давать и от хотящего занять у него не отвращаться. Таким же образом и непрестанную стяжавший молитву, в сем едином исполненными имеет все заповеди о молитве, — и не состоит уже под необходимостью седмицею в день хвалить Господа, или в вечер, завтра и полудне, как исполненными уже имеющий в себе все молитвы, какими молимся мы и какие поем, по уставу, в определенные времена и часы. Равно, сознательно имеющий в себе дающего ведение человекам Бога, все прошел Святое Писание, — и как плод, собрал всю могущую от чтения его произойти пользу, — и не имеет уже нужды в чтении книг. Ибо какую будет иметь в сем нужду тот, кто, стяжав собеседником себе Того, Кто вдохновлял писавших Божественные Писания, имеет запечатленными в себе от Него неизреченности сокровенных тайн? Напротив, он сам будет для других вдохновенной книгой, носящей новые и древние тайны, написанные перстом Божиим в нем, как совершившим все и почившем в Боге от всех дел своих, — что есть верх совершенства.

133) Бывающее во время сна истечение от многих обычно происходит причин: от чревонеистовства, от тщеславия и от зависти бесов. Но бывает и от долгого бдения, вследствие которого тело разнеживается во сне, и от страха, когда страшится кто, как бы не пострадать сего, или ради Божественной литургии, которую имеет совершать, будучи иереем, или ради Св. Причастия (к коему готовится, будучи простым братом). С занятым такими помыслами на одре своем, с боязнью, как бы сего не пострадать, бывает, что он лишь только заснет, как страждет то: что самое также происходит по зависти демонов. — И вот еще что бывает: иной увидит днем красивое лицо и нарисует его в мысли, потом отходит ко сну с блудными помыслами, по расслаблению не отогнав их, и подпадает истечению во сне, а иногда и не заснувши еще, лежа на одре. Бывает и так: сидят иные нерадивые, подобно мне, и разговаривают о страстных движениях, страстно или бесстрастно; потом и отходя ко сну, возвращают такие образы в уме своем и засыпают в сочетании с ними, — во сне и подвергаются сказанной неприятности; может же быть, что еще во время беседы один из них приял вред от другого. Почему внимать должно самим себе всегда и поучаться в слове пророка: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8), — и слух заграждать от таковых словес. Иные нередко подвергались плотским движениям, когда упразднились от молитвы (оставляли молитву), как мы показали и в главе о молитве.

134) ¹⁰ Ни к тому, кто богословствует, не идет покаяние, ни к тому, кто кается, не идет богословствование. Ибо сколько отстоит восток от запада, столько богословие выше покаяния. Кто находится в состоянии покаяния и воистину творит дела покаяния, тот себя имеет, как человек больной, день за днем проживающий среди разнемоганий, или как бедный, одетый в рубища и просящий милостыню. А кто богословствует, тот походит на человека, который проводит время в царских палатах, в светлом царском уборе, всегда находится близ царя,

⁹ Добротолюбие, 117.

¹⁰ С сей главы до главы 182 включительно в Добротолюбии нет. Следующие за предыдущей главы Добротолюбия, — 120–152 — заимствованы из глав Симеона, духовного отца его, которые помещаются вслед за сим.

беседует с ним и от него самого слышит ясно повеления его и все, чего он хочет (разумеется состояние созерцания, – а не научное богословствование).

135) Умножение познания Бога бывает причиной умаления знания всего другого. То есть чем больше кто познает Бога, тем больше оскудевает в знании всего прочего. И не только это (бывает с ним), но он все больше и больше приходит в сознание, что не знает и Самого Бога. Обилие воссияния Его в духе бывает совершенным Его невидением, и выше чувства воспаряющее чувство – нечувствием всего того, что вне. И как может быть и называться чувством такое чувство, которое не знает, что такое есть, каково и где есть то, в чем оно пребывает, и узнать то или понять совершенно не может? Да и как возможно, чтоб подлежало чувству то, чего око не видало, о чем ухо не слыхало что на сердце человеку не восходило?

136) Дарующий нам то, что выше чувства, дает нам благодатью Святого Духа и другое чувство выше чувства, чтоб мы им чувствовали чисто и ясно дары Его и дарования, кои выше чувства.

137) Кто глух к слову Бога, тот глух и ко всякому гласу Его; как, напротив, кто слышит слова Бога, тот слышит (способен слышать) их все (всякие слова Божии), и никого он не слышит, кроме тех, которые говорят слова свои (поучения) благодатью Слова, и не их слышит он, но только слово, которое безгласно говорится голосом их.

138) Когда ты долу – в земном, тогда не исследуй того, что горе, т. е. небесного; и восходя горе, прежде, чем достигнешь верха, не любопытствуй дольного, чтоб поскользнувшись не упасть, или лучше сказать, чтоб не оставаться долу (мняся восходить горе).

139) Кто обогатился небесным сокровищем, – разумею, пришествием и вселением в него Христа, Который сказал: *Аз и Отец приидем и обитель у Него сотворим* (Ин. 14, 23), тот знает знанием душевным (опытно, сознанием, чувством), какую получил радость, koliko и каковое сокровище имеет в царских сокровищницах сердца своего. Беседуя с Богом, как друг с другом, с дерзновением стоит он пред лицом Того, Кто обитает в нем во свете неприступном.

140) Кто верует тому, что я сказал, тот блажен. Кто деятельно подвизается посредством священных подвигов достигнуть ведения о том (опытно познать то), тот треблажен. Кто посредством делания и созерцания достиг высоты такого состояния и как сын дошел до Самого Бога, тот, чтоб не сказать нечто большее, есть Ангел.

141) Как тот, кто стоит на берегу моря, видит безмерную пучину вод, но предела их не достигает зрением, а видит только малую некую часть их: так и тот, кто сподобился чрез созерцание узреть безмерное море славы Божией и видеть мысленно Самого Бога, видит умными очами Бога и бездну славы Его, не всю, сколько ее есть, но лишь столько, сколько сие возможно для него.

142) Как тот, кто находится близ моря, не только видит его, но и в самые воды его входит сколько хочет: так бывает и духовно (с достигшими совершенства духовного), что они, когда хотят, входят в свет Божий и созерцают его и причащаются его сознательно в меру подъятых трудов, усилий и желательных стремлений.

143) Как тот, кто стоит на берегу моря, пока находится вне воды, все видит вокруг и обозревает пространство моря; когда же начнет входить внутрь воды и погружаться в нее, тогда чем больше сходит в нее, тем больше ничего не видит вне ее: так и те, которые сделались причастными Божественного света, чем более преуспевают в познании Бога, тем в большее, соответственно тому, приходят неведение (всего что вне Бога).

144) Как тот, кто входит в воду моря по колени или до пояса, ясно видит все, находящееся вне воды; а когда низойдет в глубь и станет весь под водою, ничего уже не может видеть, что вне, – и одно только знает то, что он весь в глубине моря: то же бывает и с теми, кои возрастают в духовном преуспевании и восходят в совершенство видения и созерцания.

145) Преуспевающие в духовном совершенстве, когда просвещаются, или осияваются в уме, тогда видят мысленно славу Господа и научены бывают мысленно божественною благодатью ведению за ведением, восходя от созерцания сущего к познанию того, что воистину есть выше всего сущего.

146) Приближающиеся к совершенству, видя еще только отчасти беспредельность (духовных вещей) и сознавая непостижимость того, что видят, удивляются и приходят в изумление; а чем более входят они, неведомо как, в свет ведения, тем более сознают свою немощь. То, что является им некоторым образом примрачно, показывает себя как бы зеркалом в гадании, и отчасти осиявая ум, мыслящий о том, когда благоволит явить себя в большем свете и соединиться по причастию с тем, кто им освещается, вовлекая всего его в себя, так что он бывает весь в глубине Духа, как бы в глубине безмерных светлых вод, — тогда он восходит неизъяснимо в совершенное неведение, как вступивший туда, где все выше ведения.

147) Ум наш, будучи прост, когда обнажится от всякого стороннего помышления и вникнет в простой свет Божий, тогда, будучи объят и сокрыт весь сим светом, не может уже встретить ничего кроме того света, в коем находится, чтоб подвигнуться к помышлению о том, но пребывает внутри Божественного света, не бывая попускаем посмотреть вовне. И сие то показывает изречение: Бог свет есть и свет высочайший; почему когда бывает сказанное выше, тогда последует успокоение (почитие) всякого созерцания.

148) Тогда приснодвижный ум становится недвижимым и немыслящим, — без мыслей, — когда весь покроется божественным облаком и светом, пребывая, однако ж, в сознательном созерцании и чувстве и вкушая те блага, среди коих находится. Глубины Святого Духа не таковы, как глубины воды морской; но они суть живая вода вечной жизни. Все, что находится там, в глубинах Святого Духа, непостижимо и неизъяснимо. Ум входит внутрь того, после того как минует все видимое и мысленное, и среди тех непостижимых вещей недвижно движется и вращается, живя паче жизни в жизни, будучи светом в свете, и не светом, поколику есть сам в себе. Тогда он видит не себя самого, но Того, Кто есть выше него, и будучи изменяем мысленно от тамошней славы, становится совсем не знающим себя самого.

149) Достигший в меру совершенства бывает мертв и не мертв, а живущ паче жизнью в Боге, с Коим пребывает, так как он не живет более сам по себе, как говорит Апостол: *живу же не тому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Бывает он также слеп и не слеп; он смотрит не естественными очами, так как стал выше всякого естественного зрения, получив новые очи, несравненно лучше естественных очей, коими и смотрит выше естества. Бывает бездействен и недвижим, как исполнивший всякое собственное действие. Бывает немыслящ, как соделавшийся едино с Тем, Кто выше всякой мысли, и почивший там, где нет места действию ума, — т. е. движению его в воспоминании, или помысле, или размышлении. Не имея возможности постигнуть и познать непостижимое и дивное, он некоторым образом опочивает на сем совершенным почитием, оным недвижением блаженного нечувствия, т. е. нелюбопытно наслаждаясь неизъяснимыми благами, с чувством, однако ж, верным и определенным.

150) Кто не сподобился достигнуть в такую меру совершенства и проникнуть до таких благ, тот пусть винит себя одного, а не говорит в извинение, что это дело невозможно, или что бывает в нас совершенство, такое, однако ж, о котором мы и не знаем. Удостоверяем будучи Божественным Писанием, да ведает он, что дело сие возможно, и в истинной своей силе бывает в действительности, и совершается заведомо с сознанием его, но по причине неисполнения и нарушения Заповедей Божиих всякий собственно сам себя лишает таких благ, соответственно своей неисправности.

151) Бог от начала сотворил два мира, видимый и невидимый, и царя над видимым, который носит в себе характерные черты обоих миров — одного в своей видимой части, а

другого в части мысленной, – в душе и теле. В этих мирах сияют и два солнца, – это видимое, и другое – мысленное. И что есть для видимого и чувственного солнце, то есть для невидимого и мысленного Бог, Который есть и именуется Солнцем Правды. Чувственный мир и все, что в нем, освещается чувственным сим и видимым солнцем; а мир мысленный и те, которые находятся в нем, освещаются и осияваются мысленным Солнцем Правды. И чувственное освещается чувственным солнцем, а мысленное – мысленным отдельно, особо одно от другого, так как не смешаны и неслиянны между собою ни мысленное с чувственным, ни чувственное с мысленным.

152) Из всего видимого и мысленного только один человек создан от Бога двояким. У него есть тело, составленное из четырех стихий, чувство и дыхание, – и душа мысленная, невещественная, нетелесная, соединенная неизреченно и неисследованно, срастворенная неслиянно, и сочетанная несмешно с тем, что есть в теле. И вот что есть человек, – животное смертное и бессмертное, видимое и невидимое, чувственное и мысленное, способное видеть видимое творение и познавать мысленное. Как два солнца отдельно действуют каждое на свой мир, так отдельно действуют они и на каждую сторону человека: одно освещает тело, а другое душу, и каждое подает из собственного своего света соответствующей себе стороне или богато или скудно, сколько может вместить освещаемый.

153) Чувственное солнце видимо, но не видит; мысленное же Солнце и зримо бывает достойными, и само зрит всех, паче же тех, которые на него смотрят. Чувственное солнце не говорит и никому не дает силы и способности говорить; мысленное же Солнце и само говорит друзьям своим, и всем дает способность и силу говорить. Чувственное солнце, светя на чувственный сад, иссушает только теплотой лучей своих сырость земную, а не насыщает и не ботит растений и семян; мысленное же Солнце, когда воссияет в душе, оба сии оказывает действия: иссушает сырость страстей, очищая вместе скверноту и зловоние, происходящие от них, и сообщает мысленной земле души удобрение (жирною делает), т. е. божественную благодать, коей будучи насыщаемы, произрастания добродетелей мало-помалу возрастают в довольстве.

154) Чувственное солнце, восходя, освещает чувственный мир и все, что в нем: людей, зверей и прочее все, над которыми одинаково простирает свет свой, царствует в полдень, затем опять скрывается, оставляя во тьме те места, над которыми светило. Солнце мысленное, воссияв, всегда светит, невместно вмещаясь все во всем, и вместе отособляясь от тварей Своих, и неотделимо отдельно пребывая от них, – будучи все во всем и не будучи нигде в тварях Своих исключительно (так чтобы не быть в других местах). Оно – все в видимом и все в невидимом, – все всюду присуще и нигде – все исключительно.

155) Христос есть начало, середина и конец. Он есть и в первых, и в средних, и в последних, – и как есть в первых, так и во всех. Для Него нет разности между сими, как *нестъ* у Него *ни варвар, ни скиф, ни еллин, ни иудей, но всяческая и во всех Христос* (Гал. 3, 28).

156) Святая любовь, проникая всех от первых до последних, от головы до ног, всех с собою сочетает, сцепляет, связывает и единит и делает их крепкими и непоколебимыми. Будучи познаваема, она открывается каждому из них одной и той же. Она есть Бог, с Коем и последние бывают первыми, и первые, как последние.

157) Как мысленные чины Небесных Сил освещаются Богом по порядку, так что Божественное светолитие проникает из первого чиноначалия во второе, из этого в третье, и так во все: так и святые, будучи освещаемы святыми Ангелами, связуемы и соединяемы союзом Святого Духа, делаются равночестными с ними и подобными им. Затем святые, которые являются из рода в род, от времени до времени, после святых, предшествовавших им, посредством исполнения Заповедей Божиих прицепляются к ним, – к тем прежним, и получая благодать Божию, осияваются подобно им, – все же последовательно составляют таким образом некую златую цепь, каждый, будучи особым звеном сей цепи, соединяющимся с

предыдущим посредством веры, добрых дел и любви, – цепь, которая, утверждаясь в Боге, неудоборазрываема есть.

158) Кто не изволяет со всей любовью и желанием в смирennemудрии соединиться с самым последним (по времени) из всех святых, имея к нему некое неверие, тот никогда не соединится и с прежними и не будет вчинен в ряд предшествовавших святых, хотя бы ему казалось, что он имеет всю веру и всю любовь к Богу и ко всем святым. Он будет извержен из среды их, как не изволивший в смирении стать на место, прежде век определенное ему Богом, и соединиться с тем последним (по времени) святым, как предопределено сие ему Богом.

159) Сколько хочет Бог быть нами познанным, столько открывается, – и сколько откроется, столько зрим бывает и познается достойными. Но сподобиться сего и испытать сие никто не может, если прежде не соединится с Духом Святым, стяжав наперед трудами и потами сердце чистое, простое и сокрушенное.

160) Как тот, кто станет предлагать уроки по риторике и философии изучающему лишь азбуку, не только никакой не принесет ему пользы, но отвратит его и от того, что он проходит, и сделает, что он забудет выученное, потому что ум его не вмещает предлагаемых ему учений: так и тот, кто толкует о последних степенях совершенства новоначальным и особенно более ленивым из них, не только не принесет им пользы, но еще сделает, что они возвратятся вспять. Потому что как взглянут они ни высоту добродетели и увидят, как далеко отстоят от вершины ее, то, подумав, что им никак не возможно взойти на верх ее, бросят и те немногие добрые дела, которые уже начали делать, как бесполезные, и погрузятся в безнадежие.

161) Которых держат в своей власти и над которыми господствуют страсти, те, – когда услышат, что совершенный по Богу человек почитает себя нечистым паче всякого человека, всякого животного и всякого зверя, – и что он, будучи бесчестим, радуется, будучи злословим, благословляет и хвалит, будучи гоним, терпит, и со слезами и болезнью сердечною молит Бога о врагах своих, – во-первых, не верят всему этому, почитая и выставляя себя подобными им; потом, будучи обличаемы Божественным Писанием и опровергаемы святыми, показавшими все сие на самом деле, сознаются, что не могут достигнуть в такую меру совершенства; а когда услышат, что если они не станут так поступать, то и спастись не могут, тогда, не желая отстать от греховных навыков и покаяться, в чем согрешили, впадают в безнадежие.

162) Где глубокое смирение, там и слезы обильные; а где есть сие, там есть и приселение Святого Духа; когда же придет благодать поклоняемого Духа, тогда в том, кто начинает быть под действием Его, является всякая чистота и святость, – тогда он зрит Бога, и Бог призывает на него. Ибо Господь говорит: *на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливаго, и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2).

163) Человек может побеждать страсти, но не может их искоренить. Он получил власть не делать зла, но не и не помышлять о нем. Благочестие же настоящее состоит не в том только, чтоб не делать зла, но чтоб и не помышлять о нем. Кто помышляет о зле, в том нет чистоты. Ибо как может быть чисто сердце у того, кто оскверняется нечистыми помыслами, как зеркало затемняется пылью?

164) Чисто сердце, я полагаю, у того, кто не только не бывает тревожим и тяготим какой-либо страстью, но и не помышляет даже ни о чем худом или мирском, хотя бы и хотел того, и одну память о Боге держит в себе с неудержимой любовью. Ибо око души, ум, когда ничто не мешает его созерцанию, чисто в чистом свете видит Бога.

165) Бесстрастием почитаю я то, когда кто не только удаляется от действий по влечению страстей, но чужд бывает и самой похоти их; и не только это, но когда ум его обнажен от самого помышления о них и свободно возносится превыше небес, как ни захочет, заходя за пределы всего видимого и чувственного, как бы чувства его были совсем закрыты и ум

превита́л в области вы́шечувственнóй, имея́ одна́ко ж с собою́ и чувства́, как орел имеет свои перья́ (в вы́си при себе).

166) Ни ум без чувства не проявляет своих действий, ни чувство без ума.

167) Сердце чисто есть и называется то, которое не находит в себе никакого помышления или помысла мирского, но все прилеплено к Богу и сочетано с Ним так, что не вспоминает уже ничего мирского, ни печального, ни радостного, но превита́ет в созерцании, возносясь до третьего неба, восторгаясь в рай и видя наследие благ, обетованных святым, — применительно к чему представляет потом, сколько возможно сие для немощи человеческой, и блага вечные. Вот что служит знамением чистоты сердечной и верным признаком, по которому всякий может определить меру своей чистоты и видеть себя как в зеркале.

168) Как тот, кто находится вне дома, не видит тех, которые заперты в доме, так и тот, кто распялся и умер миру, не имеет никакого чувства о вещах и делах мира.

169) Как мертвое тело не имеет никакого чувства ни к живым телам, ни к мертвым, лежащим вместе с ним, так и исшедший из мира благодатью Святого Духа и су́щий с Богом не имеет чувства к миру, ни пристрастия к вещам мира, хотя подлежит потребностям тела.

170) Бывает смерть прежде смерти физической, и прежде воскресения тел бывает воскресение душ, — делом, опытом, силой и истиной. Ибо когда смертное мудрование уничтожается бессмертным умом и мертвенность изгоняется жизнью, тогда душа, как бы воскресшая из мертвых, узревает чисто себя саму, как узревают себя пробудившиеся от сна, и познает Истинного Бога, ее воскресившего, и Коего благодаря, выходит она за пределы чувств и всего мира, преисполненная неизреченной сладости, и тем заставляет утихнуть всякое мертвенное движение.

171) Иное вносится (в жизнь спасительную) нами самими, иное подается нам Богом. Чем больше мы очищаемся посредством собственных наших трудов и священных потов, тем более светимся Божественным светом, тем более очищаемся собственными слезами нашими, принося от себя слезы и вместо них получая от Бога свет сокрушения.

172) Многие, принося собственное свое, не получали того, что обыкновенно подается Богом. Это явно из того, что сделали и что пострадали Каин и Исав. Ибо если кто не привнесет своего с правым помыслом, с благочестным расположением, с верой и великим смирением, то нельзя, чтобы Бог призрел на него милостиво и принял приносимое им, а не принявши сего, нельзя, чтобы дал вместо того и то, что обыкновенно Им подается в таком случае.

173) Мертв для святых мир и люди мира. Почему, как мирские видя не видят добрых дел святых мужей, и слыша не могут нисколько понять божественных словес, предлагаемых им благодатью Святого Духа, так и духовные и святые мужи не могут видеть лукавых дел лукавых мирских людей, и понять страстных речей их — т. е. и они, видя, не видят, что в мире, и слыша о том, что касается мирских людей, находятся в таком божественном состоянии и расположении, как бы не слышали то, по неимению к тому чувства. Таким образом, не бывает никакого общения ни у духовных с мирскими, ни у мирских с духовными.

174) Как явно разделение света и тьмы и смешение их невозможно: *кое бо общение свету ко тме, или какая часть верну с неверными* (2 Кор. 6, 14. 15): так такое же бывает разделение одного с другим и в тех, кои имеют Святого Духа, и в тех, кои не имеют Его. Ибо духоносцы имеют житие свое на небесах, сделавшись из людей более Ангелами, а эти (не имеющие Духа) сидят еще во тьме прародительской и в сени смерти, прикованные к земле и земному. И те освещаются обильно мысленным не вечерним светом, а эти только чувственным; те видят и себя самих и ближних, — а эти, видя каждый день и себя самих и ближних умирающими душевной смертью, не знают и не верят, что есть воскресение мертвых, суд и воздаяние каждому по делам его.

175) Имеешь ли ты Духа Святого, это можешь ты верно узнать из действий Его в тебе, как говорит о сем св. Павел, – что *где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17), – и что там *плоть убо мертва греха ради, дух же живет правды ради* (Рим. 8, 10), – что *иже Христовы суть, плоть распята со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Ибо крестившиеся в Духе Святом облеклись во всего Христа, стали сынами света и ходят в невечернем свете, видя мир, не видят и, слыша мирское, не слышат. Как о плотских людях написано, что они видя не видят, и слыша о божественных вещах, не разумеют того и не могут вместить духовного, потому что оно кажется им буйством: таким же образом рассуждай и об имеющих в себе Духа, что они хотя носят тело, но не плотяны суть, как говорит Апостол: *вы несете во плоти, но в Дусе, понеже Дух Божий живет в вас* (Рим. 8, 9). Они мертвы для мира, и мир мертв для них, как он же говорит о них в своем лице: *мне мир распял и аз миру* (Гал. 6, 14).

176) Как человек двояк, состоя из души и тела: так и мир, подобно ему, двояк – видимый и невидимый, и в каждом из них свои особые идут дела по духу каждого, и свои заботы о делах. То же нахожу и я в видениях и снах. Чем душа занята и о чем разглагольствует наяву, о том мечтает или философствует она и во сне: или проводя весь день в работах о делах человеческих, об них же суетится она и в сновидениях, или поучаясь все время в вещах божественных и небесных, в видение их входит и во время сна и умудряется видениями, по пророку: *юноши ваши видения узрят* (Иоиль в Деян. 2, 17). И не прельщается ложными сновидениями, но сновидит истинное и поучается откровениями.

177) Когда желательная часть души движется на страсти, утехы, наслаждения и удовольствия мира сего, тогда душа видит и сны, подобные сему. И опять, когда раздражительная часть души звереет и свирепствует против однородных себе людей, тогда и в сновидениях видятся нападения зверей и пресмыкающихся, войны и брани, споры и бой в судах с теми, с коими состоят в раздоре. Когда же умственная часть души надымается в тщеславии и гордости, тогда во сне мечтаются воспарения на воздух на крыльях или восседания на высоких креслах судей и властителей народных, торжественные выходы и встречи и т. п.

178) У тех только бывают истинные во сне видения (их не следует называть снами, а видениями), – которых ум благодатью Святого Духа сделался прост и свободен от всякого давления со стороны страстей и от рабства им, – у которых вся забота и попечение о божественном и все помышление о будущих наградах и воздаяниях, – которых жизнь выше жизни живущих, беспопечительна, не развлеченна, тиха, чиста, исполнена милости, мудрости, небесного ведения и других плодов благих, возделываемых в них Духом Святым; у тех же, кои не таковы, сны ложны и беспорядочны, и все в них обман и прелесть явная.

179) Кто делает мертвой волю свою, тот всеконечно делается безвольным, не имеющим воли; из живых же и самодвижных тварей нет ни одной безвольной, кроме не имеющих чувства и движения. Растения движутся как-то внутри и возрастают; но не говорится, что они делают это движение и рост по естественной воле своей, потому что они бездушны. Но всякая воодушевленная тварь имеет и естественную волю. Итак, кто умертвит волю свою подвигом и особым направленным к тому вниманием и тщанием и сделается безвольным, тот очевидно вышел из естества своего и стал вне его, и ничего уже не хочет собственным хотением своим, и ничего не делает сам, ни доброго, ни худого.

180) Из тех, которые сподобились сделаться едино с Богом, соединяясь с Ним содействием Святого Духа, и вкусить неизреченных благ Его, никто не услаждается пустой, скажу – бесчестной и ничтожной славой, приносимой ему от людей; не вожделевает он также ни денег, ни одежд дорогих, ни камней многоценных, как называют их люди неразумные, – не любит прилеплять сердца своего, или пристрастие иметь, и к богатству, текучему и непостоянному, переносящемуся от одного к другому, – не любит и того, чтоб знаему быть царям и начальствующим, которые не суть поистине начальники, властители и господственные, будучи обладаемы и господствуемы многими страстями; он и не почитает их за что-либо

великое и высокое и не думает, чтоб они особой какой облакали славой тех, кои близкими становятся к ним, – не желает быть близким и к другому кому из именитых и славных в мире сем, как никто не желает из богатого сделаться бедным, или из властного начальника, великого и славного сделаться бесчестным, бесславным, презренным, низшим всех.

181) Тому, кто много говорит устами в молитве своей, неудобно сознавать все, что говорит; но кто молится немногословно, тот может сознавать, что говорит в молитве. Тем, которые не все сознают хорошо, что говорят, положено много говорить; тот же, кто научился сознавать, что говорит в молитве, не может говорить много, чтоб не рассеиваться умом. Нет нужды много говорить к Богу, но немного с разумным сознанием того, т. е. чтоб понималось было то. Впрочем, молиться с разумным сознанием никак невозможно, не сделавшись причастником Духа Святого. Если кто не сдружился с Богом чрез Господа Иисуса Христа в Святом Духе, то душа его не может молиться с разумным сознанием, как сказал один из великих отцов: то, силою чего мы молимся, как должно, есть Дух Святой. Итак, кто думает, что молится настоящим образом без Духа Святого, тот, и прославляя Бога песнословно, то же, что хулит Его, поскольку нечист есть и не сдружился еще с Богом.

182) Как тот, кто всегда смотрит на солнце чувственное, и нехотя претерпевает изменение в зрении, т. е. начинает смотреть иначе, потому что не может ничего другого из видимого видеть, а во всем видит одно солнце: так и тот, кто умом своим и сердцем всегда смотрит на умное Солнце Правды, – и нехотя претерпевает изменение в умном зрении, потому что он ничего уже из земного воображать не может, но во всем видит Единого Бога.

183) ¹¹ Спросили однажды святого и блаженного сего Симеона, каков должен быть иерей, и он ответил, говоря: я недостойн быть иереем, но каков должен быть иерей, верно знаю. Во-первых, он должен быть чист не только телом, но и душой, и при этом непричастен никакому греху. Во-вторых, он должен быть смирен не по внешнему только облику и обычаю действовать, но и по внутреннему настроению. Потом, когда предстоит священной и святой трапезе, должен всеконечно, видя чувственно святыя дары, мысленно созерцать Божество. И не это только, но и Самого Того, Кто невидимо присущ в дарах, должен он стяжать и иметь обитающим в себе в сердце своем сознательно, чтоб таким образом с дерзновением мог он возносить моления к Богу и, как друг с другом беседуя, говорить: *Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое*, потому что молитва сия показывает, что произносящий ее имеет живущим в себе сущего по естеству Сыном Божиим, со Отцом и Святым Духом. Таких видел я пресвитеров, простите мне, отцы и братия.

184) Говорил он еще и следующее, будто об ином ком, себя прикрывая и бегая славы человеческой, понуждаемый однажды объявить то по любви к ближнему на общую пользу: слышал я, говорит, от одного монаха иерея, доверявшего мне, как другу своему: никогда (говорил он) не литургисал я, не увидев Духа Святого, как видел Его сошедшим на меня в то время, когда меня рукополагали и митрополит читал надо мною молитву иерейского посвящения и Евхологий¹² лежал на бедной главе моей. Я спросил его: как он Его тогда видел и в какого рода образе? Он сказал: простым и безвидным, однако ж, как свет; и когда я, увидев то, чего никогда не видел, удивился сначала и сам в себе рассуждал, что бы это было такое, – тогда Он таинственно, но внятным гласом сказал мне: Я так нисхожу на всех пророков, и апостолов, и нынешних избранных Божиих и святых; ибо Я есмь Святой Дух Божий. – Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

¹¹ Это и след. и в Добротолюбии есть, – тоже в конце.

¹² Омофор с возложением рук; а Евхологий, или служебник, держит книгодержец.

Старец Симеон Благоговейный

Подвижническое слово старца Симеона Благоговейного

Предлежащее слово подвижническое и нравоучительное, состоящее из многих глав, не св. Симеону Новому Богослову принадлежит, а Симеону Благоговейному, старцу св. Симеона Нового Богослова

1) ¹³ Брате, в самом начале отречения своего от мира потщися насадить в себе благие добродетели, чтоб и братству ты был полезен, и самого тебя Господь возвеличил напоследок. Не стяжай себе особого дерзновения пред игуменом и не ищи себе особой от него чести. Не стяжай дружбы с наибольшими в обители и не части в келлии их, зная, что чрез это не только страсть тщеславия начнет пускать в тебе свои корни, но и самому настоятелю сделаешься ненавистен; а почему это – разумевай да разумеет. Сиди в мире в келлии своей, какова бы она ни была; но и хотящего посетить тебя и побеседовать с тобой не отвращайся, ради сохранения своего благоговения, потому что, с совета отеческого беседуя с ним, не потерпишь вреда, хотя бы он и был из противных, т. е. не согласен с тобою ни в правилах, ни в мыслях. Если и не видишь, чтоб это было полезно для тебя, делай так, побуждаясь возможностью доставить пользу другому.

2) Должно всегда иметь страх Божий и каждодневно обследовать и обсуждать, что доброго и что худого сделано тобою, – и доброе предавать забвению, чтоб не впасть в страсть тщеславия, а о противном тому проливать слезы с исповедью и напряженной молитвой. Суд сей над собою совершай так. Когда кончится день и настанет вечер, начинай разглагольствовать с собою и вопрошать себя: как, с помощью Божией, провел я день сей? Не осудил ли кого? Не досадил ли кому словом? Не соблазнил ли кого? Не посмотрел ли страстно на чье-либо лицо? Не ослушался ли в чем настоятеля по послушанию своему и понерадел о нем? Не прогневался ли на кого? Стоя в собрании (церковном), не занимал ли ума своего чем бесполезным или, отяготясь от лености богослужением, не уходил ли из церкви и с правила? Хотя бы нашел себя во всем этом неповинным, – что однако ж невозможно, потому что *никто не бывает чист от скверны, аще и един день будет жития его* (Иов. 14, 4), и *никто же похвалится чисто имети сердце* (Притч. 20, 9); и тогда, помянув это, возопи к Богу со многими слезами: Господи, прости мне, елика согреших словом и делом, в ведении и неведении, ибо мы во многом погрешаем, не зная того.

3) Каждодневно должно исповедовать всякий помысл духовному отцу своему, и что он будет говорить тебе, принимать то как из уст Божиих с полным убеждением (в истине того непреложной); другому же никому не передавать, что-де спросил я отца моего о том-то и о том-то, и он ответил мне то и то; и тем паче не переспрашивать, хорошо ли он сказал мне это, и что мне делать во уврачевание себя? Потому что это суть слова неверия отцу своему и пагубны для души. Это наиболее случается обычно с новоначальными.

4) Всех, сущих в киновии, должно видеть святыми и только себя одного почитать грешным и последним, прилагая к сему, что из всех спасаемых ты один осужден будешь на вечные муки в день он. Когда стоишь на службе, все об этом думай и не переставай тепло плакать в сокрушении сердечном, не обращая внимания на соблазняющихся или насмехающихся. Только когда увидишь, что начинаешь от этого поскользаться в тщеславие, тогда выходи их

¹³ Добротолюбие, 120.

церкви и делай это втайне, поскорее возвращаясь потом на свое место. Это для новоначальных очень полезно; особенно во время шестопсалмия, чтения Псалтири и поучений и во время Божественной литургии. Но смотри никого не осуждай, а вот что положи в уме своем: те, которые видят меня так плачущим, почитая меня многогрешным, усердно молятся о мне. И конечно так непрестанно помышляя и всегда поступая, великую получишь ты пользу, – и Божию привлечешь благодать, и божественного блаженства причастником сделаешься.

5) Не ходи ни к кому в келлию, кроме игумена, и это как можно реже. Но если желаешь спросить его о каком-либо помысле, делай это в церкви; от службы же церковной прямо уходи к себе в келлию и потом на дело послушания своего; а после повечерия, положив поклон игумену и испросив молитв, опять, поникши головой, с молчанием беги в келлию. Лучше одно Трисвятое прочитать со вниманием и лечь спать, нежели без сна провести четыре часа в бесполезных разговорах. Впрочем, где сокрушение и плач духовный, там и божественное осияние; а когда оно найдет, тогда отгоняются и леность, и немощь.

6) Особой любви ни с каким лицом не заводи, особенно из новоначальных, хотя и покажется тебе жизнь его очень хорошей и нимало не подозрительной. Потому что из духовной такая любовь очень часто прелгается в страстную и бывает причиной многих бесполезных скорбей. И это случается наиболее с теми, кои ревностнее подвизаются. Впрочем, смирение и частая молитва научит, как тут поступать; подробно же говорить о сем здесь не нахожу уместным. Разумный да разумеет.

7) В отношении к каждому брату в киновии надо держать себя чужим и отстраненным, особенно из тех, кои были знакомы по мирской жизни, но всех любить, и любить равно, – на благоговейных и подвижников смотреть как на святых, а о подобно мне нерадивых прилежно молиться. Впрочем, как и выше показали мы, почитая всех святыми, потщися плачем очиститься от страстей, чтоб, осветившись благодатью, на всех смотреть одинаково и сподобиться блаженства чистых сердцем.

8) Вот что почитай совершенным, имени своего достойным, удалением от мира, – всеконечное воли своей умерщвление, потом беспристрастие к родителям, родным и друзьям и совершенное от них отречение.

9) Далее еще обнажение себя от всего имущества своего чрез раздаяние его бедным, по слову Господа, сказавшего: *продаждь имение твое и даждь нищим* (Мф. 19, 21), и забвение действительное всех лиц, какие сердечно любил или плотской, или духовной любовью.

10) Также исповедание всех сокровенностей сердца твоего и всего, что до сего самого часа наделано тобой, духовному отцу или игумену, как Самому Богу, испытующему сердца и утробы, ведая, как Иоанн крестил крещением покаяния, и все шли к нему исповедовать грехи свои (Мк. 1, 4, 5). Ибо от этого бывает великая радость на душе и облегчение совести, по пророческому слову: *глаголи ты первеe грехи твоя, да оправдишися* (Ис. 43, 26).

11) Еще и то, чтоб положить в помысле такое убеждение, что после твоего поступления в обитель померли твои родители и друзья, почитать отцом и матерью лишь Бога и настоятеля; затем ничего уже у них не просить ради телесной потребности. Если они по своему о тебе попечению пришлют тебе что, прими то и помолись о них за их о тебе заботу, но присланное отдай в гостиницу или в больницу, и сделай это со смирением, потому что это не есть дело совершенных, но последних.

12) Делай всякое дело доброе со смирением, помня слова Господа: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10).

13) Всячески блюдись, чтоб никогда не принимать Св. Причастия, имея что-либо на кого, даже в виде прилога помысла, пока не устроишь совершенного примирения с ним посредством покаяния. Впрочем, и этому научишься от молитвы.

Каждодневно будь готов к подъятию всякой скорби, помышляя, что скорби суть избавление от многих долгов, и благодаря за них (когда встретятся) Святого Бога. Сим образом стяжается непостыдное упование по слову великого Апостола: *скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит* (Рим. 5, 3–5); так как, по неложному обетованию, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 8), есть достояние тех, кои, с помощью благодати, показывают полное терпение в скорбях; без благодати же ничто не может быть сделано, как следует.

14) Не имей в келлии своей никаких вещей, даже до иглы, кроме рогожи, овечьей кожи, рясы и того, во что одеваешься (или чем одеваешься ночью), – если возможно, ни даже подножия. Есть что сказать о всем этом; но разумный да разумеет.

15) Опять и у игумена не проси ничего потребного, кроме положенного по уставу; но и это, когда сам он позовет тебя и даст, никак не соглашаясь при сем с помыслом, внушающим переменить что-либо из даваемого, но каково бы оно ни было, принимай то с благодарностью, как от Бога, – и тем довольствуясь, без замысла купить другое от себя, потому что это неуместно. Так как платье загрязняется, то его надо мыть дважды в год, выпрашивая на это время подобно нищему и страннику, со всем смирением у другого брата, чем одеться, пока своя одежда вымытая высохнет на солнце, и потом опять отдавая то с благодарностью. Так и с рясою поступать надобно, и со всем другим.

16) Трудись по силе (не ленись) в деле послушания, а в келлии прилежи молитве, со вниманием, сокрушением и частыми слезами, не слагаясь в сердце с помыслом, что-де, как ныне я перетрудились, то отниму немного от молитвы, труда ради телесного: ибо говорю тебе, что, сколько бы кто ни преутруждал себя в деле послушания, коль скоро чрез это отвлекается он от молитвы, пусть держит в мысли, что потерял нечто великое. И это так есть воистину.

17) Прежде всех приходи в церковь на богослужение и после всех выходи, кроме крайней какой нужды, – особенно на утреню и Литургию.

18) Всякое повиновение имей к своему игумену, от которого и пострижен ты, и без раздумий исполняй, что ни повелит он, даже до смерти, хотя бы то казалось тебе и невозможным. Действуя так, будешь подражателем Того, Кто послушлив был даже до смерти, смерти же крестной. Но не только игумена, но и всю братию, и того, кому поручено смотреть за послушаниями, ни в чем не должно ослушаться. Если он назначит тебе что не по силам тебе, положив поклон, проси снисхождения; если не снизойдет, понуди себя исполнить то, помышляя, что *нудящихся есть Царствие* и что *его восхищают те, которые нудят себя* (Мф. 11, 12).

19) С сокрушенным сердцем припадай к ногам всей братии, как ничтожный, безвестный и совсем будто не сущий. Кто так обращается со всеми и так проводит жизнь свою, тот, дерзаю сказать, бывает прозорливым и с помощью благодати многое предсказывает. Таковой молится и о прегрешениях других братьев, пребывая не развлекаемым пристрастием к вещественному, так как духовная Божественная любовь не попускает ему поскользнуться на это. Предсказывать не дивное дело. Часто бывает это и от бесов, – но разумный уразумевает сие. Впрочем, когда кто начнет исповедовать или принимать открытия ему помыслов другими, то бывает, что лишается и сего, будучи занят рассуждением помыслов других. Но если по великому смирению перестанет это делать, т. е. выслушивать и говорить по сему случаю, то опять возводится в прежнее устройство. Почему так бывает, знает един Бог; я же, страхом объемлем, не дерзаю говорить об этом.

20) Имей ум всегда в Боге и во время сна и во время бодрствования, при вкушении пищи и беседе, за рукоделием и всяким другим делом, по слову пророка: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 9). Почитай себя грешнейшим паче всякого человека. Ибо когда такое помышление долгое время занимает ум и сердце, тогда внутри обыкновенно является некое духовное сияние света, наподобие луча. И чем более взыски-

ваешь его со вниманием крепким, мыслью неразвлеченной, трудом великим и слезами, тем более оно является яснейшим и яснейшим: являясь таковым, возлюбляется; любимо бывая, очищает; очищая, делает благовидным, просвещая и научая различать доброе от худого. Впрочем, брате, много требуется труда и с Божией помощью, чтоб такое сияние благодатное совершенно вселилось в душу твою и ее освещало, как луна мрак ночи. Потребно также внимательно смотреть, не прокрались бы прилоги помыслов тщеславия и самомнения, чтоб не осудить кого, видя, что он делает что-нибудь неподобающее. Ибо демоны, видя, что душа чрез вселение в нее благодати и установление в ней мирного устройства освободилась от страсти и искушений, обыкновенно влагают в нее такие помыслы; но помощь от Бога (приходит и разоряет их козни). Да будет у тебя и плач непрерывный, и сытости в слезах не знай. Внимай еще, как бы не пострадать чего из-за обильной радости духовной и умиления; а постраждешь, если подумаешь, что они суть плод собственного твоего труда, а не благодати Божией, потому что за это они взяты будут от тебя, – и ты много поищешь их в молитве и не обрящешь, – и узнаешь, какое потерял ты дарование благодати. Но, Господи, никогда не попусти нам лишиться благодати Твоей. Впрочем, брате, если и случится сие с тобою, возверзи на Бога немощь свою и, восстав, воздешь руки свои и так говори в молитве: Господи! Помилуй меня грешного, немощного и бедного, и ниспосли на меня благодать Твою, не попуская мне искушаться паче, нежели могу. Видь, Господи, в какое бездушие и в какие помыслы ввергли меня грехи мои многие. Я, Господи, если бы и захотел почесть, что мое самомнение, бывшее причиной лишения Твоего благодатного утешения, произошло у меня от бесов, не могу тем извинить себя, ибо знаю, что с теплым усердием творящие волю Твою легко сопротивляются им. Не они, а мои собственные грешные расположения, кроющиеся в сердце, искусили меня. Каюсь в сем, Господи мой, Господи, и молю Тя, если благоугодно Тебе и для меня полезно, да внидет паки благодать Твоя в раба Твоего, да, видя ее, радуюсь со умилением и плачем, – будучи просвещаем присносветлым сиянием ее и сохраняем от скверных помыслов, и всякой злой вещи, и от всех недобрых дел и слов, коими каждодневно согрешаю я в ведении и неведении, – укрепляясь в благонадежном дерзновении пред Тобою, Господи, скорбями, каждодневно приключающимися рабу Твоему от бесов и людей, и отсечением собственной воли своей, помышляя и о благах, уготованных любящим Тебя. Ибо Ты сказал, Господи, что *просьба приемлет, ищет обретает, и толкующему отвержется* (Мф. 7, 8). К сему, брате, прилагая и другое, что вложит Бог в сердце твое, пребывай терпеливо в молитве, не расслабляясь скукой и унынием, – и благий Бог не оставит тебя.

21) В келлии, какую вначале получил ты от настоятеля, терпеливо пребудь до конца. Если помысл станет смущать тебя по причине ее ветхости или опасности падения, то, поклонившись настоятелю, скажи ему об этом со смирением. Если он выслушает тебя, радуйся; а если нет, и в таком случае благодари, вспомянув о Владыке своем, не имевшем, где главу подклонить. (И не повторяй уже прошения). Ибо если ты два, три или четыре раза подокучаешь об этом настоятелю (и не получишь удовлетворения), то от этого родится сначала дерзость пред ним, потом недоверие к нему и наконец презрение (и жизнь твоя расстроится). Почему, если хочешь проводить жизнь тихую и покойную, не проси у настоятеля ничего, что служит к удовлетворению телесных нужд. При поступлении твоём в монашество вначале об этом и речи не было. Не обещался ли ты напротив мужественно сносить по Заповеди Божией, если бы тебя все презирали и уничижали? Итак, если хочешь сохранить веру и любовь к настоятелю своему и всегда смотреть на него как на святого, соблюди следующие три вещи: не проси у настоятеля того, что служит к упокоению телесному, не позволяй себе особой пред ним смелости и не учащай к нему, как некоторые делают, имея в виду будто бы то, чтоб пользоваться его наставлениями и руководством, – не иноческое это дело, а человеческое; впрочем, я этого не осуждаю. Прибавь к сказанному еще и то, чтоб не скрывать от него никакого помысла, находящего на тебя. Если будешь соблюдать все сие, то без волне-

ний переплывешь море жизни, и отца своего, каков бы он ни был, не перестанешь почитать святым. Если, подошедши в церкви к отцу своему спросить о своем каком-либо помысле, найдешь, что другой предупредил тебя по тому же предмету или другому какому, и увидишь, что на тебя не обращается внимание, смотри не оскорбись и не подумай чего-либо недоброго; но стань особо поодаль и жди, сложив руки, пока не кончится речь с тем и тебя не позовут. Бывает, что отцы нарочно так делают для испытания и для заглаживания прежних наших в сем обстоятельстве погрешностей.

22) Поститься в посты надлежит тебе так: в Великий пост по два дня, кроме великого какого праздника, субботы и воскресенья; в другие посты через день (вкушать); в прочие же дни года есть по одному разу в день, кроме субботы, воскресенья и праздника, – но не досыта.

23) Старайся быть для всего братства назидательным образцом во всякой добродетели, – в смирении и кротости, в милостивости и послушании даже в низких вещах, в безгневии и беспристрастии, в нестяжательности и умилении, в незлобии и нелюбопытности, в простоте нрава и чуждости ко всякому человеку, в посещении болящих, в утешении скорбящих, – в том, чтобы не отвращаться от ищущих пользы под предлогом беседы с Богом: ибо любовь лучше молитвы, – в том, чтоб быть сострадательну ко всем, нетщеславну, недерзостну, нетребовательну ни от настоятеля, ни от другого какого распорядителя, соблюдающе почтительность ко всем иереям; – в том, чтобы показывать внимание к молитве, неподдельное благонастроение и любовь ко всем, чтоб не славы ради стараться любопытно исследовать Писания, – чему научит тебя молитва, бывающая со слезами, и просвещение благодати. Когда спросит кто о чем подобающем, учи его тому, что касается богодейственных и богоугодных деланий, как подаст тебе благодать, со всем смирением, из опытов своей жизни, как бы другого кого, не тщеславясь в помысле, кто бы ни был ищущий у тебя пользы. И того не отвращайся, кто ищет у тебя врачевства против какого-либо помысла, но восприими его погрешения, какие бы они ни были, и молись о нем с плачем: ибо это есть знак совершенного сострадания и любви. И того ради, чтоб не получить вреда от слышания таких вещей, не отривай от себя приходящего. Действуя из любви, не потерпишь никакого вреда при помощи благодати Божией. Впрочем, чтоб не произошло от этого вреда для других, надобно вести речь о сем (т. е. принимать помыслы и давать уроки по поводу их) в тайном месте. Но если и подвергнешься, как человек, приражению какого помысла, – чего однако ж не потерпишь, если сподобился действия благодати, – то и при этом не переставай так действовать: ибо мы учимся не своей *искать пользы, но многих, да спасутся* (1 Кор. 10, 33). Относительно действия благодати знай, что когда станешь ты воистину иметь себя грешнейшим паче всякого человека, тогда это будет значить, что восприял ты действие благодати. Будь только беспопечителен (о земном) и нестяжателен, – и сподобишься сего. Как же все сие бывает, не умею сказать: Бог весть.

24) Часы бдения проводи так: два часа читай (отеческие книги), два часа молись в умилении со слезами, (это от себя, не по молитвеннику), затем приложи канон, какой хочешь (или из Октоиха дневной, или из Минеи, или общепокаянный, или еще какой), и двенадцать псалмов, если угодно, – наконец молитву: *Нескверная, Неблазная*, и молитву св. Евстратия: *Величая величаю Тя*. Это когда ночи бывают велики; когда же они коротки, тогда и последование молитв пусть будет у тебя покороче, по данной тебе от Бога силе: ибо без Него ничто доброе не делается, как говорит пророк: *от Господа стопы человеку исправляются* (Пс. 36, 23), – и как сказал Господь: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). – Но причащаться никогда не причащайся без слез.

25) Ешь предлагаемое, каково бы оно ни было; подобным образом и вино (пей, какое подадут), с воздержанием, без ропота. Если живешь один, по немощи ешь сырые зелья (овощи, салаты) с маслинами. Если кто из братий пришлет тебе какое варево, прими с бла-

годарностью и смирением, как странник, и поешь того, что бы то ни было, что же останется, пошли то другому брату, бедному и благоговейному. Если кто позовет тебя на угощение, ешь все предлагаемое, но всего помалу, по заповеди, соблюдая воздержание. Вставши из за трапезы, сделай поклон звавшему, по обычаю странников и бедных, и поблаговари его, говоря: Бог да воздаст тебе, отче святой. Говорить же ничего не говори, хотя бы приходилось сказать и что-либо полезное.

26) Если кто из братий в скорби или от настоятеля, или от эконома, или от другого кого придет к тебе, утешь его такими словами: «поверь брате, что это случилось тебе на испытание. Часто и со мною бывало это, и я по малодушию скорбел от того; но когда воспринимал удостоверение, что это посылалось мне на испытание, переносил то с благодарностью. Поступай и ты таким же образом, и не печалиться, а паче радоваться будешь от таких скорбей». Хотя бы тот на брань и поношение (оскорбивших) поползнул, ты и при этом не отворачивайся от него, но как подаст тебе благодать, постарайся утешить его. Ибо много есть рассуждений (пригодных на это дело); и ты, как поймешь состояние брата и его помыслы, сообразно с тем подойди с ними к нему и помоги ему; неуврачеванным же ни за что не отпускай его от себя.

27) Если какой брат болен, и тебе случится долгое время не посетить его, то, желая наконец это сделать, пошли наперед предупредить его и сказать: поверь мне, отче святой, что я ныне только узнал о болезни твоей, и прошу в этом извинения. Потом сам иди, и пришедши, положи поклон и по молитве скажи: как тебе, отче святой? Как милует тебя Бог? – затем сядь, сложа руки, и молчи. Если и другие там будут, пришедшие для посещения, смотри ничего не говори, ни от Писания, ни из естествословия, чтоб после не скорбеть. Это наибольшей частью случается с простейшими из братий.

28) Если случится тебе угощаему быть трапезой вместе с другими благоговейными братиями, все предлагаемое надобно тебе есть без раздумий, что бы там ни было. Если имеешь от кого-либо заповедь не есть, например, рыбы или другого чего, а это предложено: то когда тут же или недалеко давший тебе заповедь, поди и умоли его позволить тебе есть то; когда же нет его, или знаешь, что он не разрешит тебе, а ты не хочешь смутить тех, с которыми сидишь за трапезой, ешь не колеблясь, и после стола расскажи ему все, как и почему так ты поступил, прося прощения. Если не хочешь ни того, ни другого, то лучше тебе не ходить на такое угощение. От этого получишь ты два добрых плода: и беса тщеславия избежишь, и тех братий избавишь от смущения и неприятности. – Но если то будут братия из дебелейших, то соблюди свою заповедь. Впрочем, лучше и при них есть понемногу от всего. – Таким же образом поступай и при утешении всей братии кем-либо (когда кто для всей братии предлагает трапезу), по Апостолу, заповедавшему нам *все предлагаемое есть ничтоже сумняся за совесть* (1 Кор. 10, 27).

29) Если кто из братий, когда ты творишь молитву в келлии своей, постучит в дверь, отвори ему и сядь побеседуй с ним со смирением о том, что предложит он из относящегося к душеполезным предметам, и если он отягчен скорбью, постарайся утешить его словом или делом. Потом, когда удалится он, затвори опять дверь и закончи свою молитву, начав с того, на чем прерван был. Ибо утешение и уврачевание приходящих равнозначительно с примирением (враждующих). Впрочем, с мирскими не так должно поступать, – но начинать с ними беседу уже по окончании молитвы.

30) Когда молишься, страх ли нападет на тебя, или стук подымет, или свет воссияет, или другое что случится, не смущайся и не робей; но пребудь на молитве гораздо долее обыкновенного. Такое смятение, страхование и ужасание бывает от демонов, чтоб, растерявшись и расслабев, оставил ты молитву, а когда такие тревоги обратятся у тебя в навык, чтоб совсем тебя взять в свои руки и помыкать тобой. – Но, если во время совершения тобою молитвы своей, иной некий воссияет тебе свет, которого изобразить в слове я не в силах, от которого

душа преисполняется радости, возрождается вожеление лучшего и начинают течь слезы со умилением; то ведай, что это есть Божеское посещение и заступление. Если слишком долго будет держаться такое состояние, то, чтоб по причине обилия слез не показаться тебе пред собою чем-либо более, нежели каков ты на деле, обрати ум свой на что-либо телесное и тем смири себя. Из-за страха же вражеского смотри никогда не оставляй молитвы; но как дитя, убоявшись каких-либо страшилищ, бежит в объятия отца или матери и там отлагает всякий страх, так и ты, востекши к Богу с молитвою, избежишь страха, наводимого бесами.

31) Если, когда ты сидишь в келлии, какой-нибудь брат придет и спросит тебя о плотской брани, не отсылай его ни с чем; но с умилением из того, что подаст тебе благодать Божия и что стяжал ты собственным опытом, попользуй его и так отпусти. Когда же будет он выходить, поклонись ему и скажи: поверь мне, брате, — уповаю на человеколюбие Божие, что отбежит от тебя эта брань, только не поддавайся и не расслабляйся (не поблажай). А когда выйдет, встань и, вообразив брань его, воздешь руки свои к Богу и помолись Ему о брате со слезами и воздыханиями, говоря: Господи Боже, не хотящий смерти грешника, устрой дело сие, как знаешь и как полезно брату сему. И Бог, зная веру его к тебе и твое к нему из любви сострадание и искреннюю о нем молитву, облегчит ему брань его.

32) Все сие, брате, пригодно к возбуждению и укреплению умиления, и должно все то исполнять с сокрушенным сердцем, терпением и благодарением; так как в этом причина слез, очищение страстей и прямой путь в Царствие Небесное: ибо Царствие Небесное есть достояние нудящих себя, и только нудящие себя восхищают его. Если исполнишь все это, то совершенно отстанешь от прежних навыков и расположений, а может быть, станешь свободен и от самих прилогов помысла: ибо обыкновенно свету уступает тьма и солнцу тень. Кто же вознерадит о сем вначале, тот, расслабев в помысле и сделавшись пытливым (заяввшись пустыми вещами), лишается благодати и вследствие того впадши в злые страсти, познает свою немощь (являет опыты немощи, или опытом изучает ее), полон будучи боязни и робости (того не могу, другого не в силах — говорит он и чувствует, когда сознает, что следовало бы то и то сделать). Тому, кто исполняет это, не должно думать, что исполняет то собственными силами, но все приписывать благодати Божией. Ему прежде надобно себя очистить, а потом чисто беседовать с Чистым (Богом), как сказал некто. Когда ум очистится многими слезами и восприимет осияние Божественного света (которое не умалится, хотя бы его весь мир получил), тогда с любовью мысленно пребывает весь в будущем¹⁴ и созерцает его, как то показывает ему Бог, и радуется радостью духовной, по Апостолу, который говорит: *плод духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, кротость* (Гал. 5, 22, 23).

33) Кто стяжал сие, да внимает себе и бдительно смотрит за прилогами помыслов. Ибо кто живет среди множества людей, тому невозможно, думая, избежать их, особенно прилогов зависти и тщеславия тому, кого хвалят мирские люди за славную жизнь его и презрение видимых вещей. Но и то бывает, что иной раз видя или слыша, как кто-нибудь поступает неподобающим образом, невольно осуждает его. Почему таковой пусть остерегается от любопытства знать, что говорит или что делает игумен или помощники его; если же побеждаемый страстью подумает или скажет что с любопытством (или то, что узнал, или чтоб узнать о них), пусть исправит себя в этом покаянием. Пусть смотрит он за собою в сем отношении и во время стояния в церкви, и во время исправления дела послушания; потому что помыслы тщеславия и в это время обыкновенно нападают на ревнителей доброго действия, когда или по тому поводу, что они добре внимают псалмопению, или по тому, что молятся без блуждания ума туда и сюда, внушают им, будто другие братья все мнутятся помыслами и только они одни пребывают в созерцаниях, возбуждаемых духовной мелодией (пением псалмов), мысленно подражая чинам ангельским, — что однако ж никому не явно,

¹⁴ Отселе до конца глав в Добротолюбии нет.

кроме одного Бога и тех, которые одинакового суть с ними устройства. – Бывает, что иным еще образом искушают их помыслы, именно или осуждая их, или ублажая. – Впрочем, всего этого можешь ты избегать, если будешь блюсти себя и себе внимать со смирением, любовью, исповедью и беспристрастием.

34) Старайся никого не опечалить ни словом, ни делом; напротив, даже тех, которые опечалены другими, утешай, сколько можешь. Однако ж, никогда не думай, что ты препобедил козни дьявола, и не тщеславься. Ибо все человеческое естество не может препобедить их; одна благодать Божия творит сие. – Итак, живущие братством в подчинении настоятелю должны поступать, как сказано. Что же касается до любителей безмолвия (живущих одиноко), тем я не могу ничего сказать. Впрочем, судя по тому, что я сказал, всякий пусть сам додумывается и до того, что свойственно безмолвникам. Безмолвие требует более строгой и внимательной жизни.

35) Если стяжал ты полную веру к кому-либо из братьев киновии и исповедуешь ему свои помыслы, смотри не опускай этого никогда, но всякий день и час ходи к нему и открывай помыслы, находящие и смущающие. Следовало бы всем ходить к игумену и исповедоваться; но как иные не хотят открывать помыслов своих игумену по немощи своей и неверию к нему, то я и говорю так по снисхождению к сему. Впрочем, не следует тебе переходить от одного к другому, слушая врага нашего, который обыкновенно внушает тайно, что-де ты тяготишь брата того, принимающего твои помыслы, тем, что часто ходишь к нему, или что стыдно тебе многократно сказывать ему о себе одно и то же, почему перестань исповедоваться у него, а ходи к другому. Ибо, если не послушаем таких внушений, а все будем ходить к первому, то еще большую возымеем к нему веру и еще большую получим пользу и от жизни его, и от слов его. За такую жизнь никто не будет осуждать нас, напротив, все будут хвалить, что с таким постоянством храним веру к нему одному. – Если вознерадим мы часто открывать помыслы свои, то впадем в большие страсти, и затем, стыдясь открыть их, впадем в ров нечаяния. – Если пойдем к другому духовнику (что непозволительно нам делать), то когда духовник этот одной с нами киновии, все братия осудят нас за то, что оставили веру, какую имели к прежнему, и Бог крепко осудит нас за это. Да и самый духовник, к которому перейдем, подумает, что и в отношении к нему мы так же поступим наконец. И наверное поступим; и таким образом, привыкши переходить от одного к другому, уже никогда не прекратим этого; начнем пытаться, где есть какие столпники, затворники, безмолвники, и ходить к ним исповедоваться, тоже переходя от одного к другому и теряя веру к каждому. Наконец, потеряем веру ко всем, сделаемся неверующими никому и во всем безуспешными; и, что бедственнее всего, подпадем общему осуждению и клятве. Почему тому духовнику, которому исповедовался ты вначале, старайся пребыть верующим несомненно до самой смерти своей. Ибо, как я сказал, если презришь его и перейдешь к другому, то подпадешь многим искушениям, начнешь таким же образом осуждать и всех других, и сам себе уладишь путь в пагубу. Но Господи, Господи, избави нас от всякого неверия и подозрительности, и покрой божественною Твоей благодатью.

36) Если и ты сам приобретешь учеников, имеющих веру к тебе и исповедающих тебе свои помыслы, и увидишь, что они беседуют с некоторыми братьями из более благоговейных, – смотри не соблазняйся тем. Демоны и тем, которые право живут и добре ведут дела свои, внушают тайно, что такие ученики не шествуют в прямоте и простоте сердца и ходят к нам исповедовать помыслы свои не с истинною к нам верою, но прикрываясь лицемерием, не с доброй целью согладают лишь свободу нашу, – и внушая это, возбуждают в нас неудовольствие и недоверие к таким ученикам. – Так ты не принимай такого помысла, когда бесы станут влагать его тебе, но со всей простотой и любовью, Бога ради и ради самого добра старайся исправить таковых и душевно попользовать их, почитая их преуспеяние собственной своей славой.

37) Если какой-либо из учеников твоих возымеет неверие к тебе; ты рассмотри, от чего это случилось, так как это бывает по многим причинам и предлогам: или от того, что, потщеславившись, будто уже достиг совершенства, впал он в гордость и не хочет уже называться учеником, а желает быть в учительском чине; или от того, что, утыв и утолстев (т. е. предавшись беспечности), возлюбил плоть и желает жить в полном довольстве телесном; или от того, что ты прежде любил его больше, а потом стал любить других, – и он впал в зависть; или от того, что он желает рукоположения, а ты препятствуешь ему, так как, судя по делам, им исповеданным, недостойн он священства; или от того, что ты предпочитаешь ему в этом другого, после него, может быть, к тебе пришедшего, потому что такого рода действие сильно причиняет скорбь тому, кто сильно желает и не улучшает желаемого, – особенно если он пришел к тебе от малых ногтей и ты любил его по Богу крепко; или, может быть, ты когда-нибудь в побуждение, чтоб он воздерживался от страстей, обещал ему, что дашь ему позволение принять рукоположение (ибо духовники часто имеют обычай давать юным такие обещания рукоположения, чтоб воодушевить их отсечь совершенно наклонность, какую, по злой привычке, имеют они к известным страстям), и он, не улучив по недостойнству своему того, чего надеялся по обещанию твоему, подвигся на зависть и говорит такие обличения против того другого брата, что их даже выслушать нельзя спокойно, а не только высказать. Кроме сказанного, бывают и другие причины неверия, – когда, например, иной по нерадению впадает в сосложения (с худыми пожеланиями) или в действительные грехи, и стыдясь исповедовать то по тщеславию, умалчивает, а чрез умолчание такое мало-помалу приходит и в совершенное неверие (отцу своему); или когда кто, увидев тебя состоящим под влиянием какой-либо страсти, осудил тебя и отвратился от тебя. Признаком отвращения таковых от тебя да будет тебе, если ты опытен, взор лица их или, если это тебе неподручно, изменение во внешнем виде сравнительно с обыкновенным. Ибо учишь ли ты такого, или обличаешь, или утешаешь, он держит вид, будто принимает внушения твои, но видно, что он принимает их слухом, но сердцем не принимает, что они неприятны ему, что он пересмеивает их или раздражается против них. Если иной раз, желая испытать, чист ли он от страсти, велишь ты ему причаститься или другое что сделать, он тотчас соглашается сделать это без всякого раздумывания, чтоб ты не обличил его. – Врачевство для таковых – молитвы к Богу усердные со слезами, умножение любви, частое внушение, телесное упокоение и всегдашние собеседования, иногда кроткие и усладительные, а иногда строгие и обличительные, как лучше и пригожее к тому, чтоб они слушались и умягчались нравом.

38) Когда ученик твой скажет о некоторых братиях, что они благоговейны и похвалит их, ты промолчи. Если он спросит тебя о них, ответь со смирением: «поверь мне, отче, – не знаю; я, будучи малосмыслен, долг имею смотреть за своим нерадением; что касается до других, то они все по благодати Божией святы и добры; впрочем, каждый что посеет, то и пожнет». И ты не хвали и не осуждай никого в частности, но всех их хвали, – особенно, когда придет ученику твоему помысл, будто ты имеешь к кому-либо из них особую веру. Таким способом он ублагонастроится и избавится от того помысла.

39) Если два юных брата возымеют любовь между собой в простоте сердца, и ты, услышав от иных, что эта любовь их не добрая, а страстная, – чувствуешь понуждение пресечь такое их друг к другу пристрастие, когда случится, что они часто ходят к тебе; то добре суди, как надлежит тебе вести к ним беседу о том, что может их употребить, чтоб вместо пользы не причинить им вреда. Итак, если думаешь, что что-либо из сказанного тебе похоже на правду, позови одного из них и, беседуя с ним с истинной любовью, с лицом радушным и с душевной приятностью, толкуй ему о многих и разных предметах, но в эту речь свою внеси малое нечто и некоторым образом прикровенно и касающееся той страсти; затем скажи ему: *внимать себе подобает нам, брате, потому что ходим посреди сетей, и несть наша брань к плоти и крови, но к началу и ко властям, к духовому злобу* (Еф. 6, 12), и враг наш яко лев

рыкая ходит, иский кого поглотити (1 Петр. 5, 8). Уже многих он из великих подвижников победил в брани; тем легче одолеет он тех, кои подобно мне нерадивы. Внимай убо себе и блюдись от сосложения со всякими помыслами, и от особенного с каким-либо братом содружества, чтоб не вплестись тебе опять в прежние грехи или может быть и худшие. Прибавив после сего еще что полезное о других вещах, чтоб рассеять всякое подозрение, – отпусти его. Другого же совсем не трогай. Если этот, с коим говорил ты, дельный человек и подвижник истинно духовный; то он от одних к нему твоих слов разойдется с тем, если имеет веру к тебе, или разорвет он содружество то от стыда, или от тщеславия, или от страха, – так как иные по этим трем причинам с помощью благодати Божией отстают от страстей без труда и подвига. Если увидишь, что и после этого взаимное пристрастие сих юных остается по-прежнему, тогда призови и другого – одного, может быть, более бесстрастного, и потолкуй ему, подобно как и первому, или больше того. Потом прибавь и следующее: «слышал я, что ты имеешь любовь к такому-то. Зная вас обоих, я уверен, что эта любовь между вами духовная. Но чтоб иные не соблазнялись, послушай меня, если хранишь любовь и веру ко мне, перестань вести с тем братом беседы и сидеть наедине. И это тем охотнее, что игумен имеет хорошее о тебе мнение и намерен представить тебя к рукоположению». Сказав это, начни бранить и укорять другого, что он и страха Божия не имеет, и принадлежит к числу плотных людей. Этим расположишь его отстать от того или по духовному побуждению, или по страсти тщеславия, хиротонии ради, о коей ты сказал.

Преподобный Никита Стифат

Краткое сведение о преподобном Никите Стифате

Преподобный Никита, пресвитер Студийской обители, искреннейший ученик св. Симеона, Нового Богослова, процветал в одиннадцатом столетии. Он посвящен был св. Симеоном во все таинства духовного любомудрия и в такой мере усвоил себе все добродетели его, что являлся воистину вторым параллельно с учителем своим солнцем, отражающим в душе своей все лучезарные преломления благодатных даров его и учений. – Потом и сам по себе, с неусыпными трудами углубляясь в Божественные Писания, иное же и делом испытав и пережив, собрал он премножество прекраснейших воззрений на порядки духовной жизни, и соделав чрез все сие ум свой как бы чреватым божественных и преестественных созерцаний, породил высокие и премудрые изречения, как желающим можно удостовериться из предлагаемых трех сотниц их, которые, если кто назовет точным правилом деятельной жизни, руководством к непогрешительному ведению, – зеркалом совершенства богоподобной жизни, одним словом, богатейшею сокровищницею нравственных уроков и умозрительных идей, тот скажет о них настоящую истину. Они как высоки по мыслям, так благолепны и по красоте выражений, так что недоумеваешь, мысль ли, в них заключающаяся, или красота изложения такое услаждение вливают в душу читающих.

Никиты преподобного монаха и пресвитера святейшей обители студийской Деятельных глав¹⁵ сотница первая

1) Четыре, полагаю, есть причины, побуждающие писать о душеспасительных вещах. Первая есть свобода, самое, разумею, бесстрастие души, чрез притрудное делание достигшее до естественного созерцания творения и оттоле вступившее в мрак Богословия. Вторая, слезами и молитвою производимая, чистота ума, от коей рождается слово благодатное и источаются струи спасительных разумений. Третья – вселение в нас Святой Троицы, от Коей исходит светолитие Духа на пользу всякому из очищаемых для проявления таин Царствия Небесного и откровения сокрытых в душе сокровищ Божиих. Четвертая, – лежащий на каждом, получившем талант *слова разума* (1 Кор. 12, 8), долг, по смыслу угрозы Божией, гласящей: *рабе лукавый и ленивый, подобаше тебе вдати сребро Мое торжником: и Аз пришед, истязал бых свое с лихвою* (Мф. 9, 25–27); по каковой причине, конечно, и Давид говорил: *се устам моим не возбраню: Господи, Ты разумел еси. Правду Твою не скрых в сердце моем, истину Твою и спасение Твоерех, не скрых милость Твою и истину Твою от сонма многа* (Пс. 39, 10, 11).

2) Начало жизни по Богу – всецелое удаление от мира. Удаление же сие есть отвержение пожеланий души и земного мудрования отменение: вследствие чего, востекая к божественному мудрованию, соделоваемся мы из плотских духовными, умерщвляемы бывая плоти и миру, оживотворяемы же в душе, во Христе и Духе.

3) Ведение о Боге неложное, вера глубоко-внедренная, при презрении всего видимого, и добродетельное действование, чуждое самолюбия – се *трепетная вервь*, которая, по Соломону, *не скоро расторгнется* (Еккл. 4, 12) от духов лукавствия.

4) Верую чаем получить воздаяния за труды; потому легко переносим труды добродетели. Духом же Святым будучи в чем удостоверяемы, любовью воспаряем к Богу.

5) Не тогда, как терпим приражения нечистых помыслов, бываем мы уже принадлежащими и к части тех, кои делают непотребное. Но когда, по ослаблении в душе усилий ревности о добром, и ум вследствие небрежного и беспорядочного поведения начнет вращаться в смутительных и омрачительных воображениях, и труды по добродетели, при лености к богомыслию и молитве, престанут. Тогда, и не делая непотребного, числимся мы на стороне произвольно валяющихся в блате нечистых сластей.

6) Когда ослабнут бразды владычественнейших (высших) чувств, тогда тотчас поднимается восстание страстей и приходит в движение действо раболепнейших (низших) чувств. Ибо обычно неразумным сим (чувствам), разрешась от уз воздержания (или удержания и обуздания), бросаться на предметы страстей и пастись на них, как на смертоносных пажитях, и это тем ненасытнее, чем долее продолжается услаждение ими; потому что не могут, когда свободны от уз, удерживаться от вкушения того, к чему естественное имеют стремление.

7) Из чувств одни, – именно зрение и слух, – словесны суть и паче других любомудреннейши и владычественнейши; а другие, – именно вкус, обоняние и осязание, – бессловесны и животны, назначенные служить словесным. Ибо сначала видим и слышим, а потом, движимые помышлением, осязаем предлежащий предмет и по обонянии предаем вкусу. Таким образом три последние чувства более скотны и беспрекословнее раболепны, чем два первые; и преимущественно над удовлетворением их трудятся те из скотов и зверей, которые более

¹⁵ Которых глав по нумерации недостает, те опущены по крайней темноте их.

чревонеистовы и более похотливы, день и ночь или пищею ненасытно себя наполняя, или неудержимо ища соития.

8) Кто действие внешних чувств заменяет внутренними, – зрение – устремлением ума к зрению света животного, слух – вниманием душевным, вкус – разумным рассуждением, обоняние – умным постижением (ощущением, чувством), осязание – бодренным трезвением сердечным: тот ангельскую на земле проводит жизнь; – для людей он и есть и видится человеком, для Ангелов же и есть и понимается Ангелом.

9) Умным зрением приемлем свет Божественный, ведение сокровенных таин Божиих; душевным вниманием восхождение (возникновение) в сердце помыслов располагаем с разумом (или распоряжаемся ими, различая хорошие от худых); разумным рассуждением, как вкусом, распознаем виды разумений, и те, которые произрастают из горького корня, или преобразуем в сладкую для души пищу, или совсем отбрасываем, а которые от былий добрых и злых отрождаются, те приемлем, *пленяюще всяк разум в послушание Христово* (2 Кор. 10, 5); умным постижением обоняем мысленное миро благодати Духа, исполняясь веселием и радованием сердечным; бодренным трезвением сердца благоумно ощущаем, как свыше Дух орошает пламень наших добрых вожделений или согревает наши силы, охладевшие под действием хлада страстей.

14) Кто славы человеческой, которая ничтоже есть, ищет, как бы она чего-либо стоила, сластолюбие лобызает с душевною ненасытимою и любоименно предается сребролюбию; тот или в демона превращается чрез высокоумие и гордыню, или скотам уподобляется чрез порабощение похотям чрева и подчревных частей, или зверем для ближних делается чрез ненасытимое и бесчеловечное сребролюбие. Ибо таковой, по слову Господню, отпадает от веры в Бога, потому что *славу от человеков приемлет* (Ин. 5, 44), – отвращается от целомудрия и чистоты, потому что ненасытно услаждается жжением подчревных частей и подчиняется срамным их влечениям, – отторгается от любви, потому что об одном себе печется, ближним же нуждающимся ничего не уделяет из своих имений: чрез что все является чудовищем неким, из многих противоположностей сложившимся, и враждебным и Богу, и людям, и скотам.

15) Гнев, вожделение и разумная сила ума, когда в естественном своем чине стоят и действуют, тогда соделовают человека всего божественным некако и боговидным, всегда здраво действующим и отнюдь не уклоняющимся от естественного ему ступания. Когда же они в противность естеству уклоняются от надлежащего образа действия и принимают движения (или направления), не свойственные их естеству, тогда являют его, как сказано, чудовищем неким, из многих противоположностей сложившимся.

16) Гнев в междупределии стоит вожделения и разумной силы души, служа для каждой из сих сил оружием, по естеству ли они действуют, или противоестественно. Когда вожделительная и разумная сила души действует по естеству, направляясь к вещам божественным, тогда гнев для каждой из них служит оружием правды против злобного змия, нашептывающего им и предлагающего вкушать от сластей плоти и утешиться славою человеческою. Когда же они уклоняются от естественного им движения и обращаются к противоестественному, и свой труд и занятия от божественных вещей переносят на человеческие, тогда он служит для них оружием неправды, которым они борются и воюют со всеми, кто полагает им преграду в их похотениях и стремлениях: так что человек в среде церкви верных является или деятельным, созерцательным и богословствующим, когда действует по естеству, или скотным, зверонравным и демоноподобным, когда уклоняется к тому, что противоестественно.

17) Если кто прежде душевных своих сил болезненным покаянием и усиленными подвигами не преобразит и не сделает такими, какими вначале дал их нам Бог, когда, создав Адама, вдунул в него дыхание жизни: то ни самого себя познать не может когда-либо, ни

стяжать помысл владычественный над страстями, не кичливый, не пытливый, не лукавый, простой, смиренномудрый, чуждый зависти и клеветы, – чрез пленение всякого помышления в послушание Христово. Но и души своей никогда не будет он иметь горящую и пламенеющую любовь к Богу, не претупающую пределов воздержания, довольствующуюся предлагаемым и желающую упокоения святых. Если же она этого не стяжет, то и сердца своего никогда не возможет иметь кротким, смирным, безгневным, благим, не задорным, полным милости и радушия, потому что она так наветует сама против себя и так расстроивает свои силы, что является неспособною вмещать в себе лучи благодати Святого Духа.

18) Кто таким образом не воспримет в себе снова первоначального благолепия и не возобразит отличительных черт образа Того, Кто вначале создал его по образу Своему: тому как возможно когда-либо соединиться с Тем, от Кого он отделился неподобием отличительных черт, и Коему, Свету сущему, погасив свой свет, привлек в себя противное (т. е. тьму)? Не соединившийся же с Тем, от Кого получил начало бытия, и из несущаго стал сущим, и над сущими получил власть, куда ввержен будет, как не подобный Создавшему его, по отсечении от Него? Сие явно видящим, хотя я промолчу.

19) Пока имеем мы в себе вещества страстей и причины их самоохотно лелеем, не произволяя оттрясти их; дотоле сила их превосходит над нами, приемля власть на то от нас же самих. Когда же мы отвергнем их от себя и сердце свое очистим слезами покаяния, возненавидев и обольщение видимыми вещами, тогда соделоваемся причастными присесения Духа Утешителя, Бога зря и зримы бывая от Него.

20) Отрешившиеся от уз пристрастия к миру пребывают в свободе от всякого порабощения чувствам, Единому Духу живя и с Ним беседуя, яко движимые от Него, чрез Коего они обычно сочетаются и с Отцом и Словом, единосущными Ему – един дух, по св. Павлу, с Ними бывая. Таковые не только неуловимы бывают для демонов, но и страшны, как причастники Божественного огня и сами огнем соделавшиеся.

21) Осязание есть не частное некое чувство, в одной какой части тела действие свое проявляющее, но чувство общее, по всему телу распространенное. Почему, когда оно осяжет без нужды что-либо, питая еще пристрастие к вещам нежащим, тогда колеблет ум страстными помыслами. Когда же коснется чего по необходимой естественной потребности, отрешившись уже от всяких нежностей и преодолев чувственность, тогда оно не колеблет душевных чувств.

22) Когда ум преселится к вещам сверхчувственным, тогда чувства, состоя в своем чине, бесстрастно входят в соприкосновение с предметами страстей, исследуя лишь причины их и природу и верно определяя их действия и свойства, без пристрастия к ним и без склонения к ним желания против естества.

23) Подвиги и труды духовные рожают радование душевное, коему предшествует умирение страстей. Вследствие сего, что для людей, чувственности поработанных, тяжело и неприятно, то для души, в духовных трудах пребывающей и священными потоками любовь к Богу стяжавшей и вожделением божественного ведения уязвленной, легко и весьма сладостно. Для тех, как преданных упокоению тела и наслаждению чувственными удовольствиями, труды и подвиги добродетели неприятны и жестоки, так как они не предпринимали сланость удовольствий сих отмывать потоками слез; а для этой (т. е. для души, работающей Богу) они вожделенны и сладостны. Так как она мерзит удовольствиями, причиняющими ей зло, и отрясла всякое к ним пристрастие и всякое самолюбивое угождение телу, то для нее прискорбно одно – покой от трудов и пресечение подвигов. Таким образом, что для тех служит к плотскому веселию, то душе, всецело расположившейся к Божественному, причиняет скорбь, а что ей доставляет духовное радование, в том же для тех причина воздыханий и мучений.

24) Труды мучительными кажутся вначале для всех, вводимых в поты и подвиги духовные. Когда же они начнут охотно упражняться в них для возвращения в себе добрых расположений и достигнут до середины преуспевания в том; тогда труды сии являются для них источником дивной некоей отрады и утешения. А когда, наконец, мертвенное сие мудрование плоти пожретса бессмертною жизнью, подаемою присещением Духа Святого в тех, кои, пребывая в неутомимых трудах, простираются к последним пределам добродетели; тогда лица такие исполняются неизреченною радостью и веселием, потому что чрез это в них самих открывается чистый источник слез и сладкие струи свыше дождем льющегося утешения.

25) Если желаешь достигнуть последних пределов добродетели и непогрешительно обрести путь ведущий к Богу, не давай *сна очам своим, ни веждам своим дремания* или, *покоя скраниям* (вискам, бокам) своим (Пс. 131, 4), пока многими трудами и слезами не обретишь места бесстрастия для изможденной души твоей и не вступишь в святилище ведения Божия и чрез ипостасную Премудрость Его не прозришь разумно в последние концы человеческих дел, и презрев долнее, жаждастельнейше, подобно еленю, не востечеши на высшие горы созерцания.

26) Краткий путь к стяжанию добродетели для начинающих есть молчание уст, смежение очей и ушей до глухоты заткнутие. Ибо ум, вследствие сего пользуясь бездействием сих чувств и заключив входы к себе совне, начинает всматриваться в себя самого и в свои движения и тотчас исследует, какие воспоминания плавают по мысленному морю помыслов, и какие помышления ввергаются в горнило рассуждения его, для дознания, чисты ли они и не смешаны с горькими семенами, яко от Ангела света подаемые, или суть плевелы непотребные, всеваемые свету противными, темными силами. Таким образом он, как бы некий самодержавный владыка, стоя посреде помышлений, обсуждает их и разделяет лучшие помыслы от худших, и одни из них влагает в мысленную житницу свою, как хлебы некие, на воде божественной замешанные и огнем Духа испеченные, коими питаюсь, возмогает и светом наполняется, – а другие отсылает в глубину забвения, стрясая с себя горечь их. Это впрочем бывает делом одного того, кто духовно вступил на путь, незаблудно ведущий на небеса и к Богу, совлекишись плачевного рубища темных страстей.

27) Душа, решительно отвергшая лукавство и непотребное мудрование неразумнейшего кичения, вместо же того обогатевшая простым и незлобивым сердцем под действием присещения Утешителя, всегда бывает вся в себе и в Боге, и все, что видит и слышит (в области веры), почитает верным и истинным несомненно, как переступившая чрез пагубные пропасти неверия и носящаяся выше адской зависти.

28) В главе всех добродетелей шествует искренняя вера, при коей душа не колеблющаяся водится мыслию, но всецело отменяет самолюбие. Ибо только что выступившему на подвиги ничто так не препятствует исполнять делом заповеди, как всезлойнейшее самолюбие (жаление плоти). Оно служит препотою к преуспеванию даже и ревностным. Оно влагает в них мысль о неисцельных болезнях и страданиях тела (если станут строго жить) и тем охлаждает жар ревности душевной и склоняет ее отказаться от злостраданий (произвольных лишений) ради добродетели, как навета против самоугодливой жизни. Есть же самолюбие неразумная любовь к телу, или саможаление, которое делает монаха самолюбивым, душелюбивым и телолубивым и отдаляет его от Бога и Царствия Его, по следующему преподобному слову: *любяй душу свою, погубит ю* (Ин. 12, 25).

29) Кто трудолюбно начал исполнять Заповеди Божии и с теплым рачением взял на рамена свои легкий ярем подвижничества: тот не щадит здоровья тела, не ужасается тяжести дел добродетели, не отступает в болезненном страхе пред трудами и не посматривает на другого кого, нерадиво и беспечно относящегося к подвигам; но с горячим желанием шествует стезею добродетелей во всяком злострадании (при всяких лишениях), смотря на

себя одного и на заповеди Бога, и каждодневно бросает в слезах семена свои на поле живых, пока породится в нем злак бесстрастия, возрастет в стебель ведения божественного и даст клас, приносящий зерно слова и порождения правды.

30) Ни от чего, думаю, преуспевание души не бывает так скоро и поспешно, как от единой веры, но веры не той только, коею веруют в Единого Бога и Единородного Сына Его, но особенно той внутреннейшей веры, коею веруем, что как все обетования Христовы, какие обетовал и уготовал Он любящим Его, так и угрозу и муки адские, кои уготованы диаволу и рабам его, несомненно истинны. Такая вера убеждает душу, в подвиге сущую, уповать, что достигнет устроения святых и блаженного их бесстрастия, встечет на высоту святости их и соделается сонаследницею с ними Царства Божия. Будучи же так удостоверяема, она ревностнее устремляется к деланию заповедей, и нимало не колеблясь, старается подражать трудам их, в чаянии подобными подвигами достигнуть и совершенства их.

32) Внутреннее делание или венцы заслуживает душе, или казни и муки. Ибо если оно божественными занимается вещами и с любовью удобряет поле смиренномудрия, то, имея слезное свыше орошение, возделывает к Богу любовь и веру, а к ближнему сострадание, чрез кои душа, отображая в себе красоту образа Христова, бывает светом для людей, лучами добродетелей привлекая к себе взоры их и всех возбуждая к славословию Бога. Если же оно занимается вещами дольными и человеческими и подземные прокапывает и взрывает мины греха, то, обдаваемо будучи снизу смрадом и мраком, возделывает ненависть и отвращение к добру, чрез кои душа, отображая в себе перстный и безобразный образ ветхого человека, мраком всецело бывает для приближающихся, непотребными делами и беседами развращая незлобивые и неутвержденные души и возбуждая хулы на Бога. В конце же всего, в каком состоянии застигнута будет душа смертию, сообразное с тем получит и воздаяние.

33) Возделыватель худых помышлений мрачным и печальным делает внешний вид лица своего, язык – неспособным к пению божественных песней и себя – для всех неприятным и нежеланным встречником и собеседником. Возделыватель же благих и бессмертных произрастений в сердце радующееся и улыбающееся имеет лицо и сладкозвучный в молитвах язык и для всех всегда бывает приятным собеседником. Так что отсюда для всех, видящих *добре*, явно есть бывает, кто из таковых находится еще в рабстве нечистых страстей и состоит под невольным законом земного мудрования, и кто освобожден от такого рабства законом Духа.

34) Делами укореняющиеся страсти делами же, противоположными им, и *врачуются*. Ибо как невоздержание, сластолюбие и объядение, жизнь изнеженная и рассеянная образуют в душе страстное настроение и ведут ее к делам неуместным: так утеснение себя во всем и воздержание, труды и подвиги духовные снабжают ее бесстрастием и из состояния страстного переводят ее в состояние бесстрастное.

35) Когда кто чрез притрудное и усиленное подвижничество при смиренномудрии сподобится от Бога великих даров, а потом, поступившись оттуда, предан будет страстям и демонам наказателям, да ведает таковой, что превознесся и великое нечто о себе возмечтал, с презрением смотря на других. Начало греха гордыня (Сир. 10, 15). И ему ни в чем другом не найти врачевства и избавления от овладевших его жизнью страстей и демонов, как в возведении себя в прежнее благонастроение чрез покаяние, избрав себе в посредники при сем добрые – смирение и сознание своих мер, под действием коих всякий, добре стоящий на основании добродетелей, почитает себя низшим всякой твари.

36) Равное зло есть и пред Богом, и пред людьми, во Христе живущими, как то, когда кто страстен делами, так и то, когда кто надменен в добродетелях духом самомнения. Ибо как о делах первого и о том, что у него бывает *отай, срамно есть и глаголати* (Еф. 5, 12): так и высокосердие второго *мерзость есть пред Богом* (Притч. 16, 5); и как тот отвратителен

Богу, так что Он не может иметь в нем покоя, потому что он плоть, по слову Божию (Быт. 6, 3), так и этот нечист пред Господом, потому что горд.

37) Не так, что если страсть, то и грешное дело; но ино это, и ино то: страсть в душе движется, а деяние греховное телом видимо совершается. Так – сластолюбие, сребролюбие и славолубие суть пагубные страсти душевные, а блуд, лихоимание и неправда суть греховные деяния; похоть, гнев и гордость суть страсти душевные, – следствия противоестественного движения сил ее, а блуд, убийство, кража, пьянство и другое что, противозаконно телом совершаемое, суть плотские деяния грешные и пагубные.

38) Есть три главнейших начальника всех страстей, и три против них ополчения, и три чина лиц, кои борются с ними и низлагают трехглавого дракона сластолюбия, сребролюбия и славолубия: новоначальный, средний и совершенный.

40) Кто теперь только обнажился для подвигов благочестия и вводится в ополчение против страстей, тот всю брань свою устремляет против духа сластолюбия и сильно поражает его посредством всякого злострадания, – плоть измождая неядением, санием на голой земле, бдениями и всенощными молитвами, а душу сокрушая помышлением об адских муках и памятию смертною, и сердце от осквернения сочетанием и *сосложением* омывая слезами покаяния.

41) Кто ступание свое от начала простер до среды, и поты от борения с духом сластолюбия отер губкою бесстрастия (т. е. прогнал сего духа), и открытыми очами начал смотреть на естественные вещи, – тот теперь поднимает оружие веры против духа сребролюбия, веры не имеющего, ум возвышая к помышлению о божественных вещах, разум устремляя к уразумению значения тварей и к изъяснению свойств их, а душу возводя верою от видимого на высоту невидимого, питая убеждение, что Бог, приведший все из небытия в бытие, Он же есть и Промыслитель о Своих произведениях, и надеждою окрыляясь к достижению Божественной жизни.

42) Кто с помощью созерцания и бесстрастия прошел средину и, миновав прелести мирского чувства, вступил с помощью слова разума и ипостасной Премудрости Божией во мрак Богословия, тот силою смирения поднимает теперь оружие против духа славолубия, душу сокрушая священными откровениями и заставляя ее небезболезненно проливать слезы, мудрование же свое низлагая памятованием о человеческой немощи и возвышая его разумениями Божественного разума.

43) Постами, бдениями и молитвами, санием на голой земле, трудами телесными и отсечением своей воли в смирении душевном ставим мы духа сластолюбия безуспешным; поработаем его себе слезами покаяния, и вводя в узилище воздержания, делаем недвижимым и бездейственным, – разумеется тогда, как сами состоим в ополчении ревностных подвижников.

44) Оружиями веры и *мечем духовным, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17), победив духа сребролюбия, закалаем его, и вместе с тем с помощью слова премудрости востекаем к созерцанию существующего, словом разума становимся выше ничтожества видимых благ, и в царских дворах любви упокоиваемся под действием многобогатых сокровищ упования.

45) На крыльях бесстрастия и смиренномудрия плавая в воздухе таинственного богословия и входя в горную глубину ведения таин Божиих действием Божественного Духа, молниями божественных догматов и разумений попадаем духа славолубия; взирая же на конец человеческих дел, дождем слез и потоками сокрушения потопляем бесов его тристатов, воюющих против нас самомнением, тщеславием и гордынею.

46) Кто похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую, – мирские сии неправды, по причине любления коих бываем мы врагами Богу, – душевно возненавидел и отрекся от них; тот распял себе мир и сам распялся миру, разрушив во плоти своей вражду между Богом и душою и сотворив в обеих мир. Ибо умерший сим в совлечении плотского мудрования при-

мирил себя с Богом, убив вражду мира в умерщвлении сластей чрез распятую миру жизнь, и облобызал возлюбление Иисуса. Почему таковой бывает уже не враг Божий, как друг мира, но друг Божий, как распявшийся миру и могущий говорить: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14).

47) Всякое подвизающихся оставление благодатию бывает обыкновенно за следующие вины: за тщеславие, за осуждение ближнего и надмение добродетелями. Почему коль скоро что-либо из сего окажется вошедшим в души подвизающихся, то это причиняет им оставление от Бога; и не избежать им праведного осуждения за это при падениях, пока отвергши то, что было прежде причиною оставления, не убегут на высоту смиренномудрия.

48) Не то только есть нечистота и осквернение души, когда кто нечист бывает от скверных страстных помышлений; но и то, если кто превозносится всегдашнюю исправностию поведения и *надымается* добродетелями, также, когда много думает о своей премудрости и своем познании Бога и осуждает кажущихся беспечными и нерадивыми братий. Это видно из притчи о мытаре и фарисее.

49) Не думай получить ослабу от страстей и избежать осквернения происходящими от них страстными помышлениями, нося еще в себе гордостное и *дмещаеся* о добродетелях мудрование. Не увидеть тебе двора мира в благодости помыслов и не войти в храм любви с радостью во всякой милостивости и тишине сердца, пока надеешься на себя и на дела свои.

50) Если душа твоя страстно прилепляется к красивым телам и подвергается потом тиранству страстных помыслов, рождающихся от сего: не предполагай, что *они-то* и суть причина происходящей в тебе бури помыслов и страстного движения; но знай, что причина сего сокрыта внутри души твоей, которая, как камень некий магнит железо, привлекает к себе вред от лиц в силу предрасположения к тому и злой страстной привычки. Творения же Божии все добры зело, по слову Самого Бога, и ничего не имеют такого, что давало бы основание к похулению создания Божия.

51) Как плывущие по морю и страждующие морской болезнию не по естественному свойству моря страдают сие, но по причине внутреннего некоего к тому предрасположения в них самих: так и душа не по причине красивых лиц, но по причине в ней самой залегающего расположения к сему злу подвергается крайне сильному влечению и тревоге страсти.

52) Соответственно внутреннему настроению души, инаковым и инаковым представляется ей и естество вещей. Когда умные чувства стоят в ней в своем естественном чине и ум незаблудно шествует в понимании тварей, разумно объясняя существо и движения их, тогда в естественном чине видятся ей и вещи, и лица, и всякое естество вещественных тел, не имеющими сокрытой какой-либо причины заразы или вреда. Когда же силы ее действуют не по естеству своему, восставая одна против другой, тогда и это все видится ей, но как оно есть по естеству своему: оно естественною своею красотою не возводит уже ее к познанию Творца, но, по причине страстного ее состояния, низводит в глубину погибели.

53) Если, оставлен быв благодатию, пал ты падением плоти, или языка, или помысла, да не покажется тебе сие удивительным или странным: твое это падение и по твоей вине. Ибо если б ты прежде не подумал о себе что-либо особенное и важное, как не следовало, или не вознесся над кем-либо в горделивом о себе мудровании, или не осудил другого кого в естественной какой немощи человеческой, то не был бы, по Праведному суду Божию, оставлен благодатию и не испытал бы сам своей немощи. Испытал же ее ты теперь, да научишься из сего не осуждать, *не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовать* (Рим. 12, 3) и ни над кем не возноситься.

54) Падши во глубину зол, отнюдь не отчаивайся в возможности воззвания оттуда, хотя бы ты низвергся на последнюю ступень адской злобы. Ибо если ты имеешь у себя основание благочестия, усердно заложенное прежде деятельными добродетелями, то, хотя бы построенная тобою на нем из разных камней добродетели храма его, поколеблена быв, подверг-

лась падению и разорению с верха до низу, до самого лица страшнейшей земли зол, и тогда Бог не забудет прежних твоих трудов и потов, коль скоро ты сокрушенное от падений своих носишь сердце, которое, помня прежние дни, с воздыханием взывает к Нему о своих падениях. Призирая, воззрит Он на тебя, *трепещущаго словес Его* (Ис. 66, 2), невидимо коснется очес болезнующего сердца твоего, и прежде трудами заложенное тобою основание добродетели взяв под свой покров, даст тебе силу, большую и совершеннейшую прежней силы в пламенной ревности горящего духа, на то, чтоб ты снова трудолюбно стяжал дела добродетели, сгубленные по зависти лукавого, и в духе смирения воздвигнул дом ее, светлейший прежнего, для вечного ее упокоения, как написано (Пс. 131, 14).

55) Все, к бесчестию нашему с нами случающееся от людей или от демонов, праведным судом Божиим, по Его домостроительству случается к смирению суетного надмения наших душ. Цель у Бога, Правителя жизни нашей, та, чтобы мы были всегда смиренны, *не мудрствовали паче, еже подобает мудрствовать, но мудрствовали в целомудрии* (Рим. 12, 3) и не думали о себе много, но на Него взирали и Его блаженному смирению по возможности подражали, ибо Он *кроток был и смирен сердцем* (Мф. 11, 29); каковыми и нам желает быть Он, претерпевший за нас смерть несправедную и бесчестную. Почему ничто другое так Ему не любезно и не привлекательно во всякой воистину добродетели, и ничто так не сильно возвысит нас от гноища страстей, как кротость, смирение и любовь к ближнему: так что, когда мы творим добродетели без соприсутствия их, тогда всякое наше делание суетно, и всякий труд подвизания бесполезен и Богу неприятен.

56) Вводимым в жизнь добродетельную к исполнению заповедей и избежанию грехов содействует страх мучений вечных. Тем же, которые чрез добродетель достигли до созерцания славы Божией, – иной, подобно тому, сопутствует страх, крайне страшный им из любви к Богу, страх чистый, который и содействует им к неуклонному пребыванию в любви Божией, так как они боятся страшного от нее поскользновения. Первым, когда они падают, уклоняясь от своей цели, и потом, раскаиваясь, тотчас встают, сопутствует первый страх с благими надеждами; а за вторыми, по зависти диавола погрешившими падением с высоты созерцания славы Божией, не тотчас последует второй страх, но их приемлет мгла некая и тьма осязаемая, полная малодушия, скорбения и горести с первым страхом мук. И если бы Господь Саваоф не сокращал оных дней такого нестерпимого скорбения, то не спасся бы никто из падающих сим образом.

57) Когда душа успокоится от постоянного докучания страстных помыслов и мучительное жжение плоти увянет, тогда ведай, что внутрь совершилось наитие Святого Духа на нас, возвещающее об оставлении прежних грехов и о даровании нам бесстрастия. Пока же она воню сих помыслов чрез частое их докучание ощущает, и пока подчревание плоти ее возжигается, дотоле ведай, что далеко от нее благоухание Духа, и что она вся держится в неразрешимых узах страстей и чувств.

59) Люта и неудобопобедима страсть хуления, которая источником своим имеет гордое мнение сатанинское. Она и на всех, по Богу живущих добродетельно, нападает, но особенно на тех, кои преуспели в молитве и созерцании божественных вещей. Сего ради надлежит всяким хранением блюсти чувства и благоговеинствовать пред всеми страшными тайнами Божиими и внимательно наблюдать за нападениями духа сего. Он приседит нам, когда молимся и поем псалмы, и отрыгает иной раз, по нашему невниманию, нашими устами клятвы на нас же и странные хуления на Бога вышнего, приводя их в стихи псалмов и в слова молитвы. Но против него, когда он что-либо такое произносит устами нашими или всевает в мысли наши, надо обращать Слово Христово, говоря к нему: *иди за мною, сатано* (Мф. 4, 10), всякого зловония исполненный и осужденный на вечный огонь; хула твоя да падет на главу твою. Сказав это, тотчас насильно, как пленника, обратим ум на другой какой пред-

мет божеский или человеческий, какой вспадет на мысль, или со слезами вознесем его на небеса и к Богу. Так, с Божиим нам содействием, избавимся мы от тяготы хуления.

60) Печаль есть страсть тлетворная для души и тела и самых мозгов касающаяся. Но такова печаль мира сего, нападающая на людей по причине временных потерь и неприятностей, которая нередко бывает для них причиною даже смерти. Печаль же по Богу весьма полезна и душеспасительна: она подает терпение в трудах и искушениях, открывает источник умиления для подвижающегося и жаждущего правды Божией и слезами, как хлебом, насыщает сердце его, так что на нем исполняется Давидское слово: *напитаеши нас хлебом слезным, и напоиши нас слезами в меру* (Пс. 79, 6), – вином умиления.

61) Части души, расстроены деланием худых дел, успешно воссозидает печаль по Богу и снова поставляет их в естественное им состояние: она слезами так истончает зиму страстей и облак греха и из мысленного воздуха души изгоняет их, что в помыслах ума нашего тотчас соделовается ведро, в море мыслей тишина, в сердцах наших веселие и в виде лица нашего изменение, на которое взирая, имеющие очи видеть могут с Давидом взывать: *сия измена денницы Вышняго* (Пс. 79, 11).

62) Не принимай всеваемых в тебя помыслов на ближнего по подозрениям, потому что они лживы, гибельны и всегда прельстительны. Знай, что чрез это демоны покушаются ввергать в ров пагубы тех, кои делают уже успехи в добродетелях: ибо иначе не могут они кого-либо из подвижающихся направить в ров осуждения и деятельного греха, как внушив ему наперед принять лукавые подозрения на ближнего по его внешнему поведению и обычаю, потому что, подводя его таким образом самого под суд (за осуждение) и доводя до падения в грех, они вплетают его в осуждение вместе с миром по следующему святому изречению: *аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были: судими же* (судя же других), *от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. 11, 31, 32).

63) Когда по небрежности дадим демонам место вlagать в уши наши подозрения на братьев, – именно не наблюдая за движениями очей, тогда доводимы бываем ими до осуждения иной раз даже и совершенных в добродетели. Иной, улыбающимся лицом смотрящий и доступный для беседы со всеми, может показаться сластолюбивым и страстным, а другой, строго и мрачно смотрящий, – гневным и гордым. Но по таким внешним чертам не следует составлять суждения о людях, потому что они всегда почти бывают в таком случае погрешительны. Ибо в людях замечаются большие различия в естественных свойствах, навыках и телосложениях, на которые верно смотреть и верно о них судить могут одни те, кои умное свое око душевное очистили многим сокрушением и имеют пребывающим в себе безмерный свет Божественной жизни, – коим дано видеть и тайны Царствия Божия.

64) Сделавшись самоделателями срамных дел плотских, в противность естеству служим похоти и гневу, плоть оскверняя срамными токами, а душу омрачая горечию гнева, и за то отчуждаемы бывая от Сына Божия. Почему надлежит нам осквернение нечистыми токами из тела очищать потоками слез, а омрачение души горечию гневную прогонять светом сокрушения и сладостной по Богу любви, и таким образом опять соединяться с Тем, от Кого прежде были ими отчуждены.

69) Иногда горесть и болезнование причиняются сердечному чувству изливанием слез, а иногда радость и веселие. Когда очищаемся мы покаянием от яда и скверны греха, довольные к тому имея из него слезы, тогда, как млатами тяжелыми, бывая поражаемы воспоминаниями о содеянном, глубокие из сердца испускаем стенания от полноты чувства горести и болезнования о том. Когда же, довольно быв очищены слезами, почувствуем свободу от страстей, тогда, обвеселяемы бывая божественным духом, как тихое и чистое стяжавшие сердце, неизреченно сладостного преисполняемся утешения от радостотворных слез умиления.

70) Ины слезы, проливаемые от покаянного сокрушения, и ины, проливаемые от божественного умиления. Те, как река, потопляют и разрушают все твердыни греха, а эти бывают то же для души, что дождь для нив и роса для злаков, питая клас ведения и делая его многозерненным и многоприплодным.

71) Не то же слезы, что и умиление; но между слезами и умилением большое расстояние. Те приходят от раскаяния в прежнем образе жизни и прежних падениях души для очищения сердца как бы огнем и кипящею водою; а это свыше находит от божественной росы Духа в утешение и прохлаждение души, тепле вступившей теперь во глубину смирения и причастившейся неприступного света созерцания, и так к Богу Давидски в радости вопиющей: *приидохом сквозе огонь и воду и извел ны еси в покой* (Пс. 65, 12).

72) Говорят, слышал я, будто невозможно навикнуть добродетели без ухода в даль и убежания в пустыню, и удивлялся, как вздумалось им неопределимое определять местом. Ибо если навик в добродетели есть восстановление сил души в первобытное благородство и сочетание воедино главнейших добродетелей для свойственного ей по естеству действия; а это не совне привходит в нас, как нечто вводное, а прирождено нам от сотворения, и чрез это входим мы в Царствие Небесное, которое внутри нас есть, – по слову Господа: то пустынь излишня, когда мы и без нее входим в Царствие чрез покаяние и всякое хранение заповедей, – что возможно на всяком месте владычества Божия, как поет божественный Давид: *благослови, душе моя, Господа, на всяком месте владычества Его* (Пс. 102, 22).

73) Кто в массе царского ополчения под воеводами и командирами в ряду с другими воинами, готовыми помочь ему и защитить его, выступив на брань, не мог показать воинской доблести и храбрости против супостатов и хоть одного из них поразить: тот как один станет воинствовать и бороться с толпою многих тем вражеских, или как может показать при этом воеводское какое дело, неискусен будучи в воевании? Если же в человеческих делах это невозможно, не тем ли более в Божеских? Кто, убежав в пустыню, может узнавать набегии бесов и подступы страстей, явные и неявные, или на них делать нападение, наперед добре не обучившись отсечению своей воли среди общества братий, под руководством опытного вождя в деле такой брани невидимой и мысленной? Если же это невозможно, то тем паче невозможно, чтоб такой за других успешно воевал и других научал одерживать победы над врагами.

74) Отсеки укоризненное нерадение и достойное поношения небрежение о Заповедях Божиих; отбрось самоугодие и вооружись нещадно против плоти; презри славу и честь; возненавидь сластные похотения тела; бегай сытости, от коей возгорается огонь в подчревии; облобызай скудость и всякие лишения; противостой страстям; обрати чувства свои вовнутрь души; направь внутреннее твое к деланию лучшего; не осучайся человеческими делами; всю силу твою иждивай на делание заповедей; плачь, спи на земле, люби лишение и уединение; познай, наконец, не то, что окрест тебя, а что такое ты сам; будь выше ничтожности видимых вещей; устремляй мысленное око свое к созерцанию Бога, узревай красоты небесные, и сошед оттуда возвещай братиям о благах Вечной жизни и о таинствах Царства Небесного. Вот это и есть делом убежание от людей чрез крайнее подвижничество и цель пребывания в пустыни.

75) Если желаешь увидеть блага, которые уготовал Бог любящим Его, вселись в пустыню отречения от своей воли и бегай мира. Какого же это мира? – Похоти очес и плоти, гордости помыслов и прелести видимых вещей. Если убежишь от такого мира, то *рано возсияет тебе свет* чрез узрение Божественной жизни и *исцеления души твоей*, т. е. слезы, *скоро возсияют* (Ис. 58, 8), и ты изменишься изменением *десницы Вышняго* (Пс. 76, 11), и *рана страстей после сего не приблизится телеси твоему* (Пс. 90, 10). Таким образом ты, среди мира и людей пребывая, будешь как живущий в пустыне и людей не видящий. Если

же таким образом не убежишь ты от сего мира, то убежание из мира видимого нисколько не послужит тебе к преуспеянию в добродетелях и соединению с Богом.

76) Быть монахом не то есть, чтоб быть вне людей и мира, но то, чтоб, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страстей (т. е. в бесстрастие). Если великому оному (авве Арсению) и сказано: бегай людей, и спасешься, то сказано в этом именно смысле. Ибо видим, что он и после того, как убежал из мира, водворялся среди людей, проходил по населенным местам и жил с учениками. Но при этом старательно соблюдая внутреннее бегство при чувственном общении, никакому вреду не подвергался он от сопребывания с людьми. *Это же* и другой некто из великих воззвал, выходя из собрания: бегайте, братия, и указал на уста, когда спросили его, от чего бегать.

77) Жизнь сбором в одном месте безопаснее уединения. О необходимости такого совместного жительства свидетельствует Священное Слово Господа Иисуса, Который говорит: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20). Об опасности же жизни уединенной говорит Соломон: *горе единому*, потому что *егда падет, не будет втораго воздвигнути его* (Еккл. 4, 10). И Давид ублажает воспевающих Бога в любви и единомыслии, говоря: *блажени людие, ведущии воскликновение* (Пс. 88, 16). Похваляет он и совместное сожительство, когда говорит: *се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе?* (Пс. 132, 1). – И об учениках Господа говорится в Деяниях, что у них была одна душа и одно сердце (Деян. 4, 32). Наконец и сошествие к нам Бога было не в пустыне, а в населенных местах, среди людей грешных. Итак, необходимо общее единомысленное житие, уединение же поскользновенно и опасно.

78) *Нужда есть прийти соблазном*, говорит Господь, *но горе человеку тому, имже соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Сие горе навлекает на себя тот, кто, потеряв благоговейство и небрежно без страха Божия ведя себя посреди собора братий, многим из простейших подает соблазны. Он то действиями своими, образом держания тела и нехорошими привычками, то словами и беседою растленною растлевает души и нравы добрые и благие.

79) Исполняющий заповеди не бывает камнем соблазна для людей, потому что *в нем нет соблазна* (1 Ин. 2, 10). *Мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна* (Пс. 118, 165), но свет и соль, и жизнь по слову Господа: *вы есте свет мира; вы есте соль земли* (Мф. 5, 14, 13). Свет есть таковой, как добродетельный по жизни, просветительный в слове, мудрый в совете; соль, как богатый божественным ведением и сильный в премудрости Божией; жизнь, как словесами беседы своей оживляющий умерщвленных страстями и выводящий их из ада отчаяния: и при сем светом дел своих праведных сияя пред лицом людей и освещая их, приятностию и горькостию словес своих восстагивая их от разленения и избавляя от растления страстей; а жизненностию речей своих подавая оживление душам, умерщвленным грехом.

80) Страсть тщеславия есть трехостный волчец, тщеславием, самомнением и гордостью от бесов разжигаемый и выковываемый: но теми, кои водворяются в крове Бога Небесного, он легко схватываем бывает на месте преступления (в самом начале зарождения); и остны его сокрушаются, а они на крыльях смирения воспаряют горе и упокоеваются под сению древа жизни.

81) Когда нечистый сей и многокозненный бес приступит к тебе и, если ты делаешь успехи в добродетели, начнет пророчить тебе высоту престолов, приводя на память в помыслах деятельность твою и превознося ее, как превышающую других, и представляя тебе, что ты довольно силен даже и для того, чтоб руководить других; тогда схватив его мысленно, не пускай убежать от тебя, если свыше получил ты силу поступать так, и, взяв его, пойди с ним мыслию в воображении к какому-нибудь прежде сделанному тобою худому делу и, обнажив его пред ним, скажи ему: делающие такие дела достойны ли взойти на сию высоту предстоятельства, и кажутся ли они тебе довольно гожими к тому, чтоб руководить души и приводить их спасенными ко Христу? Ты, может быть, скажешь это, а я молчу. – И он, не имея,

что ответить тебе, исчезнет как дым от стыда и не станет уже более сильно докучать тебе. Если же у тебя нет ничего худого, сделанного или сказанного тобою, – потому что жизнь твоя премирна, то поставь себя пред заповедями и страданиями Господа, и тотчас увидишь, что ты настолько мал пред полною мерою совершенства, насколько купель воды меньше моря. Ибо правда человеческая столько отстоит от правды Божией, сколько величина земли от неба и комар от льва.

82) Глубоко уязвившийся любовью к Богу не имеет достаточных к удовлетворению сего расположения сил тела: ибо в трудах и потах подвижничества нет насыщения сему его расположению. Находясь в состоянии, подобном тому, в каком находится томимый крайнею жаждою, ничем не может он до насыщения удовлетворить внутренней жгущей его жажды; день и ночь готов он быть в трудах, но силы тела оставляют его. Полагаю, что, таким же сверхестественным жаром любви пленены быв, и мученики Христовы не чувствовали мук и насыщения не имели, предаваясь им; но сами себя побеждали распаленным к Богу рвением, и всегда находили, что страдания их далеко отстают от меры их пламенного желания страдать за Господа.

83) Мерящий себя в каком-либо отношении с кем-либо из подвижников или живущих с ним братий, сам себя прельщает в неведении и не Божиим идет путем. Таковой или сам себя не знает, или уклонился от пути, ведущего на небо, по которому ревнители текут в самоуничтоженном мудровании, коим, перелетев чрез сети врага, воспаряют в мысленный воздух на крыльях бесстрастия и в светлых веснунот местах, украшены будучи смиренномудрием.

84) Напыщенный и в самомнении умом прельщающийся никогда во свете смирения не улучит благодати умиления, ради коего даруется свет премудрости Божией тем, кои сокрушены сердцем, как написано: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10). Его покрывает ночь страстей, в коей расхаживают все дубравные звери человеческого естества, скимны самомнения, – бесы, говорю, тщеславия и блуда рыкая ищут, кого поглотить и воврести в чрево отчаяния.

85) Для живущего по-человечески и увлекаемого духом самомнения жизнь настоящая бывает морем зол, погружая умную часть его души в море сладких утех и удовольствий, и троичастность его неистово поражая свирепыми волнами страстей под действием духов злобы. Ему угрожает страшная опасность крайнего отчаяния, пока ладья его и кормило душевное сокрушаются сладостями плотскими и кормчий – ум – остается во глубине греха и в смерти духовной; если море зол не укроет наконец волны свои в глубине смирения, море сладостей не превратит своих течений в обильные дожди слез и не преложится в сладость светоносного умиления.

86) Кто сладостям и делам телесным в сытость поработал, в сытость пусть попользуется и трудами подвижническими в потах злострадания; чтобы сытость отбить сытостью, сладость горечью, покой трудами телесными и обрести сытость веселия и радования в упокоение. Сим образом ты и насладишься благоуханием целомудрия и чистоты, и вкусишь неизреченной сладости бессмертных плодов духовных. Подробно сему обыкновенно кладем мы в одежды очистительные зелья для очищения их от смрада, когда они пропитаны им до невозможности употреблять их.

87) Болезни полезны для тех, кои только вводятся в добродетельную жизнь, тем, что содействуют им к истощанию и усмирению горячей плоти. Они силу плоти делают слабейшею, грубое перстное мудрование души истончают, ее же собственную силу соделывают сильнейшею и мощнейшею, по божественному Павлу, который говорит: *егда немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10).

88) От беспорядочной и неровной диеты у многих часто рождаются болезни, когда кто при усилении ревнования о трудах добродетельных безмерно и без рассуждения налегает на крайнее неядение, то при ослаблении его поблажает телу, естественно врагу нашему,

многоядением и пресыщением. Необходимо мерное воздержание и для тех, кои вступают на путь добродетели, и для тех, кои прошли за средину подвигов и простираются к области высшего созерцания. Оно – мать здравия, друг целомудрия и сотоварищ смиренномудрия.

89) Знай, что бесстрастие двояко, и двояким образом бывает в ревностных особенно. И во-первых, по достижении конца деятельной философии (жизни) первое бывает у ревностных бесстрастие, когда, по преуспевании в многообразных трудах подвижничества, умирают в них страсти, стремления плоти останавливаются в бездействии, и силы души начинают действовать по естеству своему, а ум возводится в первое состояние – поучаться в божественных вещах разумно. Потом, с начатками естественного созерцания, второе, совершеннейшее явно прибывает к ним бесстрастие, в котором ум их, по убезмолвлении помыслов, возводится в мирное устроение и делается зрительнейшим и прозрительнейшим: зрительнейшим в вещах божественных, – в узрениях лучшего и в раскрытиях таин Божиих; прозрительнейшим в вещах человеческих, – кои издали еще идут и имеют случиться. В обоих сих видах бесстрастия действует один и тот же дух, который в первом властно держит и вяжет, а во втором разрешает в свободу Вечной жизни, как говорит св. Павел (Рим. 6, 22).

90) Приблизившийся к пределам бесстрастия правые о Боге и естествах вещей творит умозрения, и от красоты тварей, соразмерно с своею чистотою, востекая к Творцу, приемлет светолития Духа. Благие о всех имея мнения, о всех всегда думает он хорошо, всех видит святыми и непорочными и правое о вещах божеских и человеческих произносит суждение. Ничего не любит он из вещей мира сего, о коих так рачительны люди; но совлекшись умом от всякого мирского чувства, к небесам и к Богу востекает он, чистый от всякой тины земной и свободный от всякого рабства; весь предается мысленным благам Божиим в едином духе, и зря Божескую красоту, любит благолепно пребывать мысленно в божественных местах блаженной славы Божией, в неизреченном молчании и радовании. И изменившись всеми чувствами, как Ангел в вещественном теле, невещественно соображается с людьми.

91) Разум находит и аскетических пять чувств: бдение, богомыслие, молитву, воздержание и уединение. Кто сочетает с сими чувствами свои чувства, именно – зрение с бдением, слух с богомыслием, обоняние с молитвою, вкус с воздержанием, осязание с уединением, тот скорее очистит ум свой и, утончив его ими, соделает его бесстрастным и зрительным.

92) Ум, обуздавший свои страсти и ставший выше печали и радости, бесстрастен. Он и в печальных случайностях не подавляется скорбью, ни в благоприятных не разливается в радостях, но в прискорбностях радующеюся держит душу, а в благоприятностях воздержною в радости и не выходящею из меры в ней.

93) Велика ярость бесов на тех, кои преуспевают в созерцании. Они день и ночь приседают им с наветами, и то чрез тех, кои живут вместе с ними, возбуждают на них лютые искушения, то сами поднимают шум и топот для устрашения их, – иногда нападают на них спящих, завидуя их покойному отдыху, и всячески беспокоят их, хотя не могут причинить вреда тем, кои Богу себя посвятили. И если б не было при них Ангела Господа Вседержителя, охраняющего их, не избежать бы им их наветов и сетей смертных.

94) Состоя в подвиге по деятельному любомудрию добродетели, внимательнее наблюдай за наветами губительных бесов. Ибо сколько положишь ты восхождений преуспевания в высших добродетелях, сколько увеличится Божественный свет в молитвах твоих и ты благодатию Духа Святого внидешь в откровения и видения неизреченные: столько они, видя тебя восходящим к небесам, скрежещут зубами и старательно простирают многоплетенные сети свои по мысленному воздуху. Не только плотолюбивые и зверские бесы похоти и гнева дхнут на тебя, но и духи богохульные в горькой зависти восстанут на тебя. Сверх того эти воздушные начала и власти явленно (наружно) и неявленно в одном воображении начнут принимать разные странные и страшные образы, чтоб смутить тебя или вред какой причинить тебе. Но упражняясь с бодренным оком ума в делании умной молитвы, тебе нечего

бояться такой стрелы, *летящая во дни*, потому что они даже *к обиталищу твоему* не смогут *приблизиться* (Пс. 90, 5, 10), будучи, как тьма, гонимы сущим в тебе светом и божественным огнем опаляемы.

95) Духи злобы крайне боятся благодати Божественного Духа, особенно когда она присветит богато, или когда мы сияем чистотою под действием божественного поучения и чистой молитвы. Не смея по сей причине приблизиться к обиталищу осияваемых таким образом, они одними мечтаниями и призраками, страшными топотами и безобразными криками покушаются утратить и смутить их, чтоб отвлечь от бдения и молитвы. Даже и когда они лягут немного поспать на земле, не щадят их; но, завидя этому их коротенькому отдыху от трудов, нападают на них и некими сотрясениями вземлют сон от вождей их, замышляя сим образом сделать жизнь их более тяжкою и исполненною прискорбностей.

96) Духи тьмы кажутся облеченными в тонкие тела, как подает повод думать опыт, призрачно ли они это представляют, обманывая чувства, или осуждены на это за древнее падение. Как бы то ни было, но они устремляются схватиться с подвижническую душу, когда раб ее тело склоняется ко сну; что, как мне кажется, служит и к испытанию души, стоящей теперь уже выше немощей смиренного тела, – каковы ее энергия и мужество против них, грозящих ей страшным чем-либо с яростию и неистовством великим. Душа, уязвленная любовью к Богу и главнейшими добродетелями преисполненная, не только сопротивляется им в праведном гневе, но и бьет их нещадно, если есть какое чувство в них, как видится, оземленившихся вследствие отпадения от первого Божественного света.

97) Прежде схватки и победы бесы часто возмущают душевное чувство и отъемлют сон от вождей ее. Но душа, от Духа Святого исполненная дерзновения и мужества, ни во что ставя такой их обход и горькое неистовство, одним животворящим изображением (креста) и призыванием Иисуса и Бога разрушает их призраки и самих их обращает в бегство.

98) Если по деятельному любоумудрию вышел ты расхитить добычи враждебных духов, смотри и внимай, отсюду вооружив себя оружиями духовными. Ибо знаешь, чьи сосуды похитить вознамерился ты? – супостатов, конечно, но мысленных и бесплотных, тогда как ты, в теле еще сущи, воинствуешь Царю духов и Богу. Знай, что теперь они сильнее, чем прежде, станут нападать на тебя и множайшие на тебя начнут строить козни; пока или отво-евывая скрытно свою добычу и тебя вместе с нею заберут в плен, и многот горести исполнят душу твою, или ввергнут тебя в злые и болезненные искушения чрез уязвление и озлобление плоти твоей.

99) Не может добрый источник испускать ручьи нечистые и вонючие, отдающиеся запахом мирским, – ни сердце, вне Царствия Небесного сущее, когда-либо источат струи божественной жизни, издающие благоухание мысленного мира. *Еда ли*, говорит св. Иаков, *источник от единого устия источает сладкое и горькое* (Иак. 3, 11)? Может ли терновник производить маслины, и маслина желуди? Так ни единый источник сердца не может в одно и то же время порождать злое и благое помышление. Но, по слову Господа, *благий человек от благаго сокровища сердца своего износит благое: и злый человек из злаго сокровища сердца своего износит злое* (Лк. 6, 45).

100) Как невозможно без елея и огня гореть светильнику и светить сущим в храме: так и душе без Божественного Духа и огня явственно возвещать о божественных вещах и просвещать тем людей: ибо *всяк дар совершен свыше есть, от Отца светов* подаваемый любящей душе, *у Него же несть пременение, или преложения осенение* (Иак. 1, 17).

Преподобный Никита Стифат Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума

1) Начало любви к Богу – презрение вещей видимых и человеческих; середина – очищение сердца и ума, от коего мысленное умных очей открытие и познание сокровенного в нас Небесного Царствия, а конец – неудержимое вожделение преестественных даров Божиих и естественное желание общения с Богом и упокоения в Нем.

2) Где любовь Божия, делание мысленных дел и причастие непреступного света, там мир душевных сил, очищение ума и вселение Святой Троицы. Так говорит Господь: *любяй Мя, Слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23).

3) Три состояния жизни признал разум: плотское, душевное и духовное. Каждое из них имеет свой собственный строй жизни, отличный сам по себе и другим неподобный.

4) *Плотское* устройство жизни то, когда всецело предаются удовольствиям и наслаждениям настоящей жизни, ничего не имея из душевного или духовного устройства и даже не желая стяжать то. *Душевное* стоит в середине между грехом и добродетелию, когда пекутся о довольстве и здравии тела, и заботятся о славе человеческой, равно и труды по добродетели не отметають, и избегают дел плотских, не прилежат ни к добродетели, ни к греху: к добродетели, по причине несладости ее для них и притрудности, а греху, из-за страха лишиться человеческих похвал. *Духовное* же устройство – то, когда не изволяют иметь ничего из первых двух и не допускают худа, отличающего каждое из них, но, будучи свободны от того и другого, на посребренных крылах любви и бесстрастия перелетают чрез обеи их, не позволяя себе делать ничего из запрещенного.

5) *Живущие плотски* и плотское мудрование всегда в себе пребывающим имеющие, будучи совершенно плотяны, Богу угодить не могут, как *омраченные смыслом* и никаких лучей божественного света к себе не пропускающие. Ибо приналегшие на них облака страстей, наподобие высоких стен, отгораживают их от духовных светочей, и они остаются без света. Будучи расстроены и повреждены во внутренних чувствах душевных, не могут они воззреть на мысленные красоты Бога, видеть свет воистину истинной жизни и стать выше ничтожных видимых вещей. Но как бы оскотинившись и мирским переполнившись чувством, привязывают ум к видимому, и все попечение и труд обращают на преходящие блага, друг с другом из-за них воюют, а бывает, что и души свои за них полагают, прилепившись к богатству, славе и плотским удовольствиям и великим лишением почитая неимение их. К ним праведно как от лица Божия пророческое оное слово: *не имать Дух Мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. 6, 3).

6) *Душевно живущие* и потому называемые душевными суть какие-то полу-умные и как бы параличом разбитые. Никакого никогда не имеют они усердия потрудиться в делах добродетели и исполнения Заповедей Божиих, и только славы ради человеческой избегают явных укоризненных дел. Одержимы будучи самолюбием, сею питательницею пагубных страстей, все попечение обращают они на сохранение здоровья и услаждение плоти, от всякой же скорби, от всякого труда и всякого злострадания из-за добродетели отказываются, паче надлежащего питают и греют враждебное нам тело. Держась такого образа жизни и поведения, оземляют они ум, отучневший от страстей, и делаются неспособными к приятию мысленных и божественных вещей, коими душа отторгается от земли и вся устремляется к мысленным небесам. Это страждут они, потому что обладаемы еще суть вещественным духом, по коему любят свои души и исполнение своих желаний всему предпочитают. –

Будучи чужды Духа Святого, они непричастны и даров его; почему и плодов божественных не увидишь в них, – не только любви к Богу и ближнему, радости в нищете и скорбях, мира душевного, искренней веры и всестороннего воздержания, но и сокрушения, слез, смирения и сострадания: все в них полно надмения и гордости. В глубины Духа входить не имеют они сил: ибо нет в них света, который руководил бы их к тому и отверзал их ум к уразумению писаний, а других, когда они вещают о том, слушать неохочи они. Праведно потому и о них изрек св. Апостол: *душевен человек не приемлет яже Духа Божия, юродство бо ему есть: и не может разумети; зане духовне востязуется* (1 Кор. 2, 14).

7) *Духом ходящие* и духовную всецело восприявшие жизнь благоугодны Богу, как Ему, яко назореи, себя посвятившие и всегда об одном заботящиеся, чтоб очищать души свои трудами подвижническими и соблюдать заповеди Господни. Готовые и кровь свою пролить за любовь к Господу, они плоть свою истощают постами и бдениями, дебелость сердца утончают слезами, уды яже на земли умерщвляют злостраданиями (произвольными лишениями), молитвою и богомыслием ум исполняют света и светлым его соделывают, отвержением своих пожеланий освобождают души свои от пристрастия к телу и становятся совершенно духовными; почему духовными не только признаются, но и именуются от всех праведно. Они, идя к бесстрастию и любви, окрыляются к созерцанию творения и оттуда приемлют ведение сущего чрез сокровенную в Боге премудрость, одним тем даемую, которые стали выше тела уничиженного. Прешедши таким образом всякое чувство мирское и мыслию просвещенною став выше чувства, они светлы бывают разумом и посреде церкви и многочисленного собрания верных отыграют благие словеса из чистого сердца, и бывают для людей соль и свет, как и Господь изрек об них: *вы есте свет мира; вы есте соль земли* (Мф. 5, 13. 14).

8) *Упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). Это глас божественного слова и хотящими деятельно познается. Почему отказавшемуся однажды от многмятежия жизни и пагубной суетности ее полезно, со многим вниманием и безмолвием, тщательно исследовать внутреннее свое, пока познает, что находит в себе Бога, так как Царствие Божие внутрь нас есть. Ибо и таким образом действуя, едва кто сможет в продолжение многих лет изгладить из души худые образы (воображения) и древнюю вполне восстановит красоту для Того, Кто даровал ее.

9) Поелику прежде заложенный в нас яд зла многообилен; то многого и огня требует для очищения своего, т. е. слез покаяния и произвольных подвижнических трудов, ибо мы очищаемся от скверн греха или произвольными трудами, или невольными скорбями. Когда то, что от воли, предупредит сделать требуемое, тогда не встречается нужды в том, что не от воли. Когда же первое не производит должного очищения внутреннего стекла или блюда (Мф. 23, 25), тогда второе посылается в сильнейшей степени к восстановлению в нас древнего устройства. Так бывает по домостроительству Творца нашего и Бога.

10) Посмеваются над благочестием и посмеваемы бывают делами те, которые совершили свое отречение не как следует и с самого начала не восхотели пользоваться учителем и руководителем, своему последовав разуму и *пред собою показавшись себе разумными* (Ис. 5, 21).

11) Как в телесных болезнях никто не может точно узнавать причины их и врачевства против них без большой опытности во врачебном искусстве, так и в душевных – без долгого подвижничества. Ибо как удобопогрешительным кажется и на деле очень немногим доступно бывает телесных болезней распознавание, в коем упражняется искусство врачей, так тем более удобопогрешительно и более трудно, чем оно, распознавание болезней душевных. Ибо чем душа превосходнее тела, тем труднее узнаваться болезни, чем тела сего, всеми чувственно видимого.

12) Главные и начальственные над другими добродетели вместе с сотворением вселены в естество человеческое, из которых, как из четырех источников, реки всех других добродетелей наполняются водою и напаяют град Божий, который есть сердце, очищаемое и утешаемое слезами. Соблюдший их нерушимыми или, по падении, многими трудами покаяния восставивший, устроил в себе царский дом и палату, в коей обитель Себе творит Царь всяческих, и тем, кои себя так благоустроили, богатые дары Свои распределяет и дает.

14) Не хочет Бог, чтобы делание ревностных подвижников оставалось не искушенным, но чтоб подвергалось большим испытаниям. Почему напускает на них огонь искушений и на время сокрывает даемую им свыше благодать, а духам злобы иной раз попускает взволновывать тишину помыслов их, чтоб видеть склонение души, кому она больше угодить хочет, – Творцу ли и благодетелю своему или мирскому чувству и сласти удовольствия чувственного. – И потом или усугубляет им благодать, если они преуспевают в любви Его, или бичует искушениями и скорбями, если пристрастны к земным вещам, пока восприимут ненависть к видимым благам по причине изменчивого их непостоянства, и горесть удовольствия от них потопят в слезах.

15) Как только мир помыслов бывает возмущен духами злобы, тотчас и разжженные стрелы похоти начинают быть часто пускаемы другими ловцами, бесами плотолюбивыми, на быстро востекающий на высоту ум. Когда же движение ума горе пресечено, тогда впадает он в движения нелепые и смешанные; и таким образом плоть начинает бесчинно восставать на дух, щекотаниями и разжжениями совлекая ум долу и желая погребсти его в рове сласти. И если бы *Господь Саваоф не сокращал дней* таковых, и рабам своим не подавал силы терпения, то не бы спаслася всяка плоть (Мф. 24, 22).

16) Многоискусный и многокозненный бес блуда для одних бывает *причиною падения* в ров тинный, для других служит *бичом и жезлом* праведным, для третьих – *испытанием и камнем Лидийским*. Из сих первое усматривается в новоначальных еще, когда они лениво и нерадиво тянут иго подвижания; второе – достигших середины преуспеяния в добродетели, когда они коснее простираются к ней; третье – в протянувших уже крыло ума к созерцанию, когда они только что сделали сильный порыв к совершеннейшему бесстрастию. Каждому домостроителю обращается сие свыше на пользу.

17) *Причиною падения* в ров тинный бывает бес блуда для тех, кои в совершенном нерадении проводят монашескую жизнь. Он разжигает члены их огнем блуда и похотию и способы им доставляет творить волю плоти и без общения с другою плотию: о чем срамно и говорить и помышлять. Таковые плоть сквернят, как сказано (Иуд. 8), и плоды сланой сласти снедают, – в зраках мраком исполняются и праведно лишаются лучшего (настроения душевного). Врачевство для тех из них, кои пожелают, теплое раскаяние и рождающееся от сего слезное сокрушение, которое и бегать зла сего располагает, и душу очищает от скверн его, и наследницею ее делает милости Божией. О нем-то гадая, и премудрый Соломон праведно сказал: *исцеление утолит грехи велики* (Еккл. 10, 4).

18) *Бичем и жезлом* праведно бывает сей бес для тех, кои в первом бесстрастии совершенствуются чрез деятельное любомудрие и делают успехи в простирании в предняя к большему совершенству. Ибо когда они по разленению ослабят силу держимого ими подвижничества и немного уклонятся к неохраняемому смотрению мирского чувства и войдут в вожделение человеческих вещей; тогда по великой к ним благодати Божией попускается на них сей бес, яко бич, и начинает бить их, когда они помышляют таковое, помыслами похоти плотской, чтоб, не терпя сего, они поспешили востечи в свою башню усиленного делания и тщательного внимания и еще усерднее взялись за спасительные дела свои, восприяв более трудный образ жизни. Ибо Бог, благолюбив сущи, не хочет, чтоб душа, до сего достигшая, совсем возвратилась к мирскому чувству, но все простиралась в *предняя* и усердно бралась за совершеннейшие дела, чтоб бич злобы и не приближался к ее обиталищу.

19) *Испытанием и камнем Лидийским*, по домостроительству, бывает дух сей для тех, коих первое бесстрашие довело до второго; чтоб, будучи им докучаемы, помнили о своей естественной немощи и при умножении откровений, бывающих от созерцания, не превозносились, по слову Апостола (1 Кор. 12, 7), но видя, кто этот противодействующий закону ума их, отрясали и самое тонкое воспоминание греховное, боясь, как бы не приять сочувствия к этой, порождаемой такими воспоминаниями, срамной нечистоте, и с высоты созерцания не низвести долу ока ума своего.

20) Одни те возмogli сохранить ум свой нестужаемым даже тонкими воспоминаниями греховными, которые сподобились свыше чрез Духа получить животворную мертвость Господа и в членах и в помышлениях своих; и плоть мертвую греху носят они, дух же жизнью обогатили чрез *правду, яже о Христе Иисусе*. Которым дан ум Христов в слове премудрости, в тех оказалась и нестужаемая животворная мертвость в ведении Божиим.

21) В очищаемые еще души обычно некако привходить духу похоти и гнева. Чего ради? Для того, чтоб страсти плоды Духа Святого, висящие на них. Поелику же и радость свободы в некоей мере разливается в душах сих, то все на пользу домостроительствующая премудрость, — желая всегда своими дарами к себе привлекать их мысль и их держать в непоколебимом смиренномудрии, чтоб они не превознеслись над другими многою свободою и богатством даров и не возомнили, что своею силою и своим разумом стяжали великую сию палату мира, — попускает сим духам нападать на них, между тем как сама скрывает свое действие, дабы, поражаемые страхом падения, твердо стояли они в хранении блаженного смиренномудрия, и убедившись, что все еще связаны плотию и кровию, взыскали безопасной для себя крепости, в которой могли бы сохранены быть силою Духа.

22) Наслание искушений бывает соответственно обдерживающей нас болести страстей и залегшей внутри нас прели греховной, и судя по ним горькая чаша судеб Божиих растворяется для нас или лютее, или милосерднее. Когда залегшая внутри нас материя греховная, от помыслов сластолюбивых или животолюбивых происшедши, удобо-излечима и легко поддается врачевствам, тогда Врачом душ наших подается чаша искушений, растворенная милосердием, потому что в таком случае мы истязуемся за человеческие немощи, как страждующие нечто человеческое. Когда же она, как от помыслов надмения и крайней гордости происшедшая, неудобоизлечима, глубоко залегла внутри и производит смертоносное расстройство, тогда чаша сия подается нерастворенною, в лютости гнева: дабы болезнь, будучи ослаблена и истончена огнем непрерывно одних за другими следующих искушений, отошла наконец от душ наших под действием порожденного ими смирения, после того как мы горькие помыслы гордыни потопим в слезах и Врачу душ наших чистыми покажемся во свете смирения.

23) Невозможно подвижающимся избежать следующих одних за другими искушений, если они не сознают немощи своей и не почтут себя чуждыми всякой правды и недостойными никакого утешения, никакой чести, никакого упокоения. У Бога, Врача душ наших, цель та, чтоб мы всегда были смиренны, сокрушенны, устранялись от всякого человека и подражали Его страданиям. Будучи Сам кроток и смирен сердцем, хочет Он, чтоб и мы в кротости и смирении сердца текли путем заповедей Его.

24) Смирение состоит не в наклонении выи, или в распущении волос, или в одеянии неопрятном, грубом и бедном, в чем многие поставляют всю суть добродетели сей, но в сокрушении сердца и смирении духа, как сказал Давид: *дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

25) Ино смиреннословие, ино смирение и ино смиренномудрие. Смиреннословие и смирение проявляются подвижающимися во всяком злострадании (в произвольных лишениях) и во внешних трудах добродетели, — так как они все обращаемы бывают на делания и занятия телесные, почему при них душа, не всегда бывая в твердом благонастроении, при

встрече искушения смущается. А смиренномудрие, дело некое сущи божественное и великое, бывает в одних тех, кои наитием Утешителя переступили уже средину, т. е. далеко прошли вперед кратчайшим путем добродетели посредством всякого смирения.

26) Смиренномудрие, проникши во глубину души и тяжелым камнем налегши на нее, так сильно гнетет ее и стискивает, что вся крепость ее истощается в неудержимом излиянии слез, от коих ум очищается от всякой скверны помыслов, бывает в видении Божиим и под действием его понуждается воззвать, подобно Исаии: *о окаянный аз, яко умилихся, яко человек сый, и нечисты устне имый, посреде людей нечистыя устне имущих аз живу: и Царя Господа Саваофа видех очима моима* (Ис. 6, 5).

27) Когда придет к тебе глубокое смиреннословие, тогда высокоречие отойдет от тебя. Когда смирение вкоренится в глубине сердца твоего, тогда и смиреннословие всякое отпадет от тебя. Когда же свыше обогатишься смиренномудрием, тогда и внешнее смирение и смиреннословие языка упразднится в тебе, по слову апостола Павла: *егда же придет совершенное, тогда, еже от части, упразднится* (1 Кор. 13, 10).

28) На сколько отстоит восток от запада, на столько отстоит истинное смиреннословие от истинного смирения. На сколько же небо больше земли и душа тела, настолько Духом Святым подаемое совершенным смиренномудрием и совершеннее и больше истинного смирения.

29) Ни того, кто при смиренном виде и одеянии говорит смиренно, не тотчас предполагай смиренным в сердце, ни того, кто говорит высоко и высокопарно, не вдруг почитай исполненным надмения и гордости, не испытавши их наперед; но от дел их познай их.

30) Плод Духа Святого есть *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22). Плод же противоположного духа есть ненависть, малодушие мирское, нестроение душевное, тревожность сердечная, лукавство, любопытное мудрование, беспечность, гнев, неверие, зависть, многоядение, пьянство, бранчивость, осуждение, похоть очес, надмение и гордость. От таковых плодов познавай древо, и сим способом верно будешь ты узнавать, какого духа тот, кто говорит с тобою. Имеешь признаки их и словом Господа еще яснее указанными. *Благий человек, говорит Он, от благаго сокровища сердца своего износит благая: лукавый же от лукаваго сокровища сердца своего износит лукавая* (Мф. 12, 35). Ибо по древу и плод его.

31) В ком есть и усматриваются плоды Духа Святого; в тех и Бог обитает. От них и немутный источник Слова с мудростию и разумом, смиреннословащими ли ты слышишь их, или высокое вещающими. В ком же не усматриваются плоды и дары Святого Духа, а видятся плоды противного духа, в тех – мрак неведения Бога, толпа страстей и жилище вражеских духов; смиренноглаголивymi ли и смиренно мудрствующими видятся они тебе, или говорящими о высоких вещах, в одежде заморской и с представительною наружностью.

32) Не лицами, не внешним видом и не словами характеризуется истина, и не в них почивает Бог, но в сердцах сокрушенных, в духах смиренных и в душах просвещенных Боговедением. Бывает, что иной, как видим, наружно на словах ставит себя ниже других и пред всяким смиренные о себе употребляет речения для уловления похвалы человеческой, внутри будучи полон самомнения, лукавства, зависти и злопамятства против ближнего. Бывает напротив, что иной, как видим, наружно высокомудрыми словами ратует за правду и восстает против лжи или преступления Божественных законов, на одну только при сем взирая истину и внутри полон будучи скромности, смирения и любви к ближнему, хотя иногда хвалится о Господе, подражая Павлу, который, хваляся о Господе, говорил: *похваляюся в немощех моих* (2 Кор. 12, 9).

33) Бог смотрит не на наружность того, что мы говорим или делаем, но на душевное расположение и цель, с какою или делаем что из видимых дел, или говорим о чем из вещей мысленных: как из людей превосходящие других разумением смотрят паче на силу слов и

цель дел, и по ним составляют суждения о лицах непогрешимые. Обыкновеннее же бывает, что *человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце* (1 Цар. 16, 7).

34) Богом присуждено, чтоб из рода в род не прекращалось уготовление Духом Святым пророков Его и друзей для благоустроения Церкви Его. Ибо, если змий древний не перестает изрыгать яд греха в уши людей на пагубу душ; то *создавший наедине сердца наши* (Пс. 3, 15) *не воздвигнет ли от земли смирения нища, и от гноища страстей не возвысит ли убога* (Пс. 112, 7), посылая в помощь наследию Своему *меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17)? Преподобно убо те, кои отвергаются себя, начиная смирением, востекают на высоту ведения, и дается им свыше силою Божиею *слово* премудрости, яко *благовествующим* спасение Церкви Его (Пс. 67, 12).

35) Познай себя самого; и это есть воистину истинное смирение, научающее смиренномудрствовать и сокрушающее сердце, и сие самое делати и хранить понуждающее. Если же ты не познал еще себя, то не знаешь и того, что есть смирение, и делания и хранения его еще не коснулся: ибо познание есть конец делания заповедей.

38) Всякий, познавший себя, почил от всех дел, кои по Богу, и вошел в святилище Божие, в мысленное богослужение Духа и в божественное пристанище бесстрастия и смирения. Не познавший же себя чрез смиренномудрие еще в труде и поте шествует путем жизни сей. О сем и Давид гадательствуя сказал: *сие труд есть предо мною, дондеже вниду во Свяtilo Божие* (Пс. 72, 16. 17).

39) Когда кто познает себя; а это требует многого совне охранения, упразднения от дел мирских и строгого испытания совести, – тогда тотчас внезапно приходит в душу и божественное некое паче слова смирение, приносящее сердцу сокрушение и слезы теплого умиления: так что тогда испытывающий его в себе действие почитает себя землею и пеплом, червем, а не человеком, недостойным даже и животной сей жизни, за превосходство сего дара Божия, в коем пребыть сподобившийся исполняется неизреченным неким опьянением умиления, входит в глубину смирения и, из себя изшедши, ни во что вменяет все внешнее яства, пития, одеяния тела, – как изменившийся добрым *изменением десницы Вышняго* (Пс. 76, 11).

40) Смирение есть нечто величайшее в добродетелях: ибо оно в ком вкоренится чрез искреннее покаяние и в спутницы к себе примет молитву с воздержанием, тех тотчас делает свободными от страстей, мир силам их подает, сердце очищает слезами и исполняет его тишины в нашествии Духа. Когда же они так настроятся, тогда для них уясняется чрез то слово ведения Божия, и они входят в созерцание таин Царствия Божия и познания тварей. Но поскольку они углубляются в глубины Духа, потолику погружаются и в глубину смиренномудрия; а от сего возрастает в них познание своих мер и немощи человеческого естества и увеличивается любовь к Богу и ближним, так что они убеждены бывают, что почерпают освящение от одного приветствия и близости обращающихся с ними.

41) Ничто так не окрыляет души к вожделению Бога и возлюблению Его как смиренномудрие, умиление и чистая молитва. Смиренномудрие сокрушает дух, источает потоки слез и, представляя пред очи сознания невеликость наших человеческих мер, научает видеть свою немощность; умиление очищает ум от всего вещественного, просвещает око сердечное и делает душу всю светлостеляющею;

чистая молитва всего человека сочетавает с Богом, делает его сотрапезником Ангелов, дает ему вкусить сладости вечных Божиих благ, сокровищами великих таин снабжает его и, воспламенив любовию, располагает его дерзнуть на положение души своей за друзей своих, как ставшего уже выше пределов человеческого ничтожества.

42) Сохрани ты мне добрый залог обогатительного смирения, в которое складываются на сохранение сокровенные сокровища любви, в коем хранятся маргариты умиления, – и Царь, Христос Бог, покоится как на престоле, окованном златом, разделяя дары Духа Свя-

того питомцам его и великих сподобля их удостоений: слова ведения Его, неизреченной Его премудрости, узрения божественных вещей, предузрение вещей человеческих, животворного умертвия в бесстрастии и соединения с Ним теснейшего для соцарствования с Ним в Царствии Отца и Бога, как Сам Он Ему молится, говоря о нас: *Отче, их же дал еси Мне, хошу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною* (Ин.17, 24).

43) Когда кто, деятельно трудясь в исполнении заповедей, внезапно исполнится радостью неизглаголанною и неизреченною, так что и сам изменится дивным неким и невыразимым изменением, и, как бы совлекшись бремени телесного, забудет о пище, сне и других потребах естества: тогда да ведает, что это есть Божие ему посещение, производящее в подвизающихся животворное умертвие и вводящее чрез то в состояние бесплотных. Такой блаженной жизни виновница есть смирение; питательница и мать – святое умиление; другиня и сестра – созерцание Божественного света; престол – бесстрастие; конец – Пресвятая Троица-Бог.

44) Достигший до сего акрополя (кремля) не может быть держим узами чувства ни к чему из всего тварного, не обращает взора ни на какие утешения житейские, не различает неподобного от преподобного, но как Бог равно дождит и солнце воссиявает на праведных и неправедных, на злых и благих (Мф. 5, 45), так и он воссиявает и простирает лучи любви своей на всех, *не утесняясь в утробах своих* (2 Кор. 6, 12), но чреватый пребывая любовью ко всем, и если чувствует тесноту и тяготу, то только тогда, как не может благотворить, сколько хочет. Отсюда, как некогда из Едема, другой некий исходит *источник, разделяющийся на четыре начала* (Быт. 2, 10), – смиренномудрие, чистоту, бесстрастие и неразвлекаемую ничем (безмолвную) молитву, и напояет лицо всего мысленного творения Божия.

45) Не вкусившие сладости слез умиления и не ведающие, какова благодать их и каково действо, думают, что они ничем не разнятся от тех, кои проливаются по умершим, придумывая при сем многие виды предположений пустых и недоуменных умозаключений. – Но они естественно нам прирождены; и когда гордость ума склонится к смирению, а душа смежит очи свои от прелести видимых благ и устремит их к одному видению первого невещественного света, отрясет всякое к миру чувство и свыше утешения Духа сподобится: тогда слезы, как воды источника, исторгаются из нее, утверждают чувства ее и исполняют мысли ее всякого радования и света божественного; и не это только, но и сокрушают сердце, и ум в видении лучшего соделывают смиренномудрым. Всему сему невозможно быть в тех, кои плачут и рыдают по иным причинам.

46) Невозможно разверзть источник слез без глубочайшего смиренномудрия, ни опять смиренномудрым быть без умиления, производимого наитием Духа: ибо умиление от смиренномудрия, и смиренномудрие от умиления Святым порождаются Духом. Они, как звенья цепи, держась друг за друга и единою благодатию связуясь, составляют неразрывный союз духовный.

47) Свет, от Духа Святого нисходящий в душу, обыкновенно отходит по причине уныния, нерадения и безразличия оносительно слов и яств: ибо как безразличие в яствах и вообще сытая трапеза, так равно и неудерживание языка и очес нехранение изгоняют его из нее и делают нас омраченными. Когда же мы наполнимся тьмою; тогда все звери селения сердца нашего и скимны – страстные помыслы – с рыканием расходятся по душе, ища себе пищи в страстях и покушаясь похитить положенное в нас Духом сокровище (Пс. 163, 21). Но истинная другиня наша – воздержание, и ангелотворная молитва не только не попускают ничему такому произойти в душе, но и сохраняют в уме неугасимым светением Духа, сердце делают тихим и чистым, источают божественное умиление, душу расширяют любовью к Богу и всю ее, в веселии и девственности, всецело сочетавают со Христом.

48) Ничто так не свойственно разумности, как чистота и целомудрие души, коих мать и другиня есть воздержание всестороннее, а отец – страх Божий. Страх же Божий, прело-

жившись в вожделение Бога и сочетавшись с сердечным расположением к божественным вещам, соделовав душу свободною от страха, полною любви и божественного разума родительницею.

49) Страх, наперед сочетавшись с душою, чрез покаяние делает ее чреватую помышлением о суде. Тогда окружают ее болезни адских мучений (Пс. 114, 3); воздыхания и скорбные томления с сжатием сердца терзают ее при помышлении о будущем воздаянии за дела злые. Потом она, многими слезами и трудами во чреве помышления зачатое (намерение содевать спасение) возрадившись, рождает на земле сердца своего дух спасения (решимость), и освободившись от мучения при мысли об аде, и избавившись от стенаний под действием представления суда, воспринимает в себя вожделение и радость будущих благ и сретається другою – чистотою с целомудрием, кои искреннею любовию сочетают ее с Богом. – С Богом же сочетавшись, душа ощущает неизреченную сладость, и от сего с удовольствием уже и наслаждением проливает слезы умиления, чуждою делается сочувствия всему, что в мире, и как бы в иступлении сущи, течет вслед Жениха, так взывая к Нему безгласным гласом: *«вслед Тебе, в воню мира Твоего теку. Возвести ми, егоже возлюби душа моя, где посеши? где почиваеши в полдень* чистого созерцания? чтоб не быть мне вынужденною блуждать по стадам друзей Твоих – праведников (Песн. 1, 3, 6): ибо светлосияние великих таинств у Тебя». – Жених же, введши ее в сокровище-хранительницу сокровенных Своих таин, делает ее созерцательницею существа творений с премудростию.

50) Не говори в сердце своем: невозможно мне прочее стяжать чистоту девства, после того как я столько раз растлевал себя и подпадал неистовству тела. Ибо где приложены будут болезни и труды покаяния с злостраданием и теплотою душевною и источатся реки слез умиления: там все твердыни греха разрушаются, всякий огонь страстей угасает, и совершается новое свыше рождение наитием Духа Утешителя; – и душа опять соделовав палатою чистоты и девства, в которую преестественный Бог, нисшедший во свете и радовании неизреченном, и как на Престоле Славы, восседши на высоте ума ее, дает мир сущим в ней силам, так говоря: «мир вам от борющихся вас страстей, мир Мой даю вам для естественного вам действия, мир Мой оставляю вам для достижения преестественного совершенства». Исцелив таким образом тройственностью дарования мира троичность души и к троичному возведши ее совершенству и с Самим Собою соединивши, всю уже делает ее Богом девственною, всю доброю, всю прекрасною, намастив ее благоуханием мира чистоты, и говорит ей: *«востани, прииди, ближняя моя, добрая моя, голубице моя, в деятельном любомудрии. Яко се зима страстей преиде, дождь сластолюбивых помыслов отъиде, отъиде себе, цвети добродетелей с благоуханием помышлений явишася на земли сердца твоего. Востани, прииди ко Мне в разумном ведении естества, прииди ты, голубице моя сама о себе, в покров и мрак таинственного Богословия и веры, сего твердого во Мне Боге камня»* (Песн. 2, 10–14).

51) Блажен мне из сподобившихся доброго изменения и восхода горе тот, кто, – деятельным любомудрием превзошедши стену страстных привычек и оттуда на посребренных крыльях бесстрастия в ведении поднявшись в мысленный воздух созерцания всего сущего, а отсюда вошедши в мрак Богословия, – почил наконец от всех сих дел своих в Боге блаженною жизнью: ибо он, соделавшись в совершенстве земным Ангелом и небесным человеком, прославил Бога в себе, чего ради и Бог прославил его.

55) Худо неверие, лукавого сребролюбия и зависти лукавейшее порождение. Если же оно худо, не паче ли худо то, что порождает его? ибо сие последнее любовь к злату делает в сынах человеческих предпочтительнейшею любви ко Христу, Содетеля вещества почитает меньшим сего вещества, и ему служить паче, нежели Богу, научает тех, кои охотнее соглашаются *служить твари паче Творца и истину Божию пременяют во лжу* (Рим. 1, 25). Если же недуг сей так худ, то какой степени худости не превосходит душа, произвольно им недугующая?

56) Если любишь быть другом Христовым, ненавидь злато и его ненасытное любление, так как оно к себе обращает помышление любящего его и отрывает его от сладчайшей любви к Господу Иисусу, которая является не в виде слова, а в виде действия по заповедям Его. Если возделеваешь злата, то, уввы! конечно приобретешь его, если приобретением считаешь, а не крайнюю потерю любовь к нему предпочтительно пред любовью ко Христу. Но ведай, что при сем Христа всячески потеряешь, а вместе с Ним потеряешь и Бога, без Коего нет спасения человекам.

57) Если любишь золото, то не любишь Христа. Если же Христа не любишь, а любишь золото; то смотри, кому тиран сей уподобить тебя старается? Оному, хотя ученику, но не верному, хотя другу, но оказавшемуся наветником, зле восставшим на общего Владыку, бедственно отпадшим от веры и любви к Нему и бросившимся в глубь отчаяния. – Убойся же этого примера и ты, и бегай злата и любви к нему, да Христа приобретаешь, оказывая вместе с тем и к себе самому истинную любовь: ибо видишь, какова участь падшего в этот грех?

58) Без призвания свыше никогда не ищи получить председательство при помощи золота или при содействии и ходатайстве людей, хотя бы ты видел, что имеешь силу пользоваться души; ибо три следующие беды могут сретить тебя, и одна из них сбудется: или негодование Божие и гнев найдут на тебя в различных напастьях и скорбных обстоятельствах, когда восстанут на тебя не только люди, но и вся почти тварь, – и жизнь твоя будет многовдохательна; или с великим бесчестьем будешь свергнут оттуда, когда преодолеют тебя другие; или умрешь не в свое время, будучи отсечен от настоящей жизни.

59) Нельзя ни во что вменять славу и бесчестье и быть выше неприятностей и приятностей, если не сподобится кто право смотреть на то, чем кончается все такое. Когда же увидит, как всякая слава, всякое удовольствие и утеха, всякое богатство и благоденствие кончается ничем, потому что смерть все это отнимает и растлевет; тогда, познав явную суетность человеческих вещей, обращает он чувства свои к вещам божественным и к этим, пребывающим и растлеться никогда не могущим, прилепляется, а от тех отвращается, – вследствие чего становится выше скорбей и утешений земных: скорбей, как победивший в душе сластолюбие, славолубие и любоимание, – утешений, как отторгший от души мирское чувство (всякое сочувствие к мирскому). От того, почитают ли его или бесчестят, скорби ли или утешения облежат его, он всегда одинаков и за все благодарит Бога, не ниспадая помыслом долу.

60) Тщательный может и по сновидениям угадывать движения и расположения души и соответственно тому направлять попечение об устройении своего духовного состояния. Ибо по настроению внутреннего человека и его забот бывают и телесные движения, и душевные мечтания. Кто имеет душу веществолюбивую и сластолюбивую, тому мечтаются стяжания вещей и денежные прибитки, также женские лица и страстные объятия, от коих случается с ним осквернение плоти и одежды. У кого душа любостязательна и сребролюбива, тот и во сне видит всегда золото: то взыскивает уплаты, то умножает проценты, то прячет добытое в кладовую, то будто осуждается как немилосердый. Кто гневлив и завистлив, тому представляется, будто за ним гонятся звери или ядовитые пресмыкающиеся, – и он испытывает великие ужасы и страхи. У кого тщеславием напыщена душа; тому мечтаются добрая о нем молва, шумные ему встречи народные, предложение ему или получение им какого-либо чина или начальства. У кого душа горда и самомнением наполнена; тот видит себя разъезжающим на блестящих колесницах или летающим на крыльях по воздуху, а других всех трепещущими пред великостью власти его. Равным образом и Боголюбивый человек, как ревностный о делах добродетели и неутомимый в подвигах благочестия, имея душу чистую от пристрастия к вещественному, видит во сне или сбытие будущих вещей, или откровение страшных видений, и просыпаясь, всегда находит себя молящимся в умилении и мирном устройении души и тела, со слезами на ланитах и с беседою с Богом в устах.

61) Из того, что представляется во время сна, иное есть мечтание, иное видение, иное откровение. – Мечтания суть такие сновидения, которые не стоят неизменными в воображении ума, но которых предметы перемешиваются, одни вытесняют другие или изменяются в другие; от них никакой не бывает пользы, и самое мечтание их исчезает вместе с пробуждением; их тщаливейшие ревнители презирать должны. – Видения суть такие сновидения, которые во все время стоят неизменными, не преобразуются из одного в другое и так впечатлеваются в уме, что остаются на многие лета незабвенными: они показывают событие будущих вещей, доставляют душе пользу, приводя ее в умиление представлением страшных видов, и видящего их делают самоуглубленным и притрепетным от неизменного созерцания представляющихся страшных вещей; тщаливейшие ревнители должны считать такие видения драгоценными. – Откровения суть сущие выше всякого чувства созерцания чистейшей и просвещенной души, представляющие дивные некие божественные дела и разумения, тайноводство сокровенных Божиих таин, событие наиважнейших для нас вещей и общее премещение мирских и человеческих дел.

62) Из сказанных видов сновидений первые свойственны людям чувственным и плотолюбивым, для коих Бог чрево и укоризненное насыщение, коих ум объят тьмою по причине нерадивой и страстями истертой жизни, и над коими издеваются бесы посредством мечтаний; вторые – тщаливым ревнителям, очищающим душевные чувства и чрез видимое благодетельно возводимым к постижению божественных вещей и приумножению преуспевания; третьи – совершенным, действительно наитествуемым Божественным Духом и с Богом соединенным богоглаголивою душою.

63) Не у всех людей сновидения бывают истинны и не у всех печатлеются во владычественной части ума, но у одних тех, коих ум очищен и чувства душевные просветлены, кои востекли к естественному созерцанию, у коих нет попечения о житейских вещах, ни заботы о настоящей жизни, коих долгие пощения установились в общее воздержание, а поты и труды по Богу обрели покой во святилище Божиим в ведении сущего и в высшей премудрости, коих жизнь ангельская сокровенна ныне в Боге, и коих преуспевание в священном безмолвии возвело на степень пророков Церкви Божией, о которых и в книге Моисея сказал Бог: *еще будет пророк в вас, во сне явлюся ему, и в видении возлагаю к нему* (Чис. 12, 6), и в книге Иоила: *и будет по сих, излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваши, и старцы ваши сония узрят, и юноты ваши видения увидят* (Иоил. 2, 28).

64) Безмолвие есть состояние ума нестужаемого (помыслами), тишина свободы (от страстей) и отрады душевной, стояние сердца в Боге, нетревожимое и невлаемое, светлое созерцание, ведение Божиих таин, слово премудрости из чистого ума, бездна разумений Божиих, восторжение ума, беседа Божия, неусыпное око, молитва умная, беструдный в великих трудах покой, и наконец единение и совокупление с Богом.

65) Пока душа расстроена в себе по причине беспорядочного действия ее сил и потому неспособна вместить в себе божественные лучи, пока не сподобилась она свободы от рабства мудрованию плоти и не вкусила еще мира по причине недавности прекращения в ней брани неустойчивых страстей; дотоле потребно ей многое молчание уст, до того, чтоб и она могла говорить с Давидом: *аз же яко глух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих* (Пс. 37, 14). Всегда должно ей быть печальною и в сокрушении ходить путем заповедей Христовых, пока еще оскорбляет ее враг, и она ждет пришествия Утешителя, Коим, когда она пребывает в сокрушении и оmyвает себя слезами, даруется ей свобода.

66) Когда в безмолвии уготовляющий мед добродетелей станет выше смиренной плоти вследствие подвигов любомудрия (подвижнических) и его душевные силы придут в естественное состояние по причине низвержения долу мудрования (самоумнения, гордости), когда, очистив сердце слезами, сделается он способным вмещать лучи Духа, облечется в нетленную животворную мертвость Христову и, сидя в горнице безмолвия, примет Утеши-

теля с огненным языком; тогда долженствует он с дерзновением *глаголати величия Божия, и в Церкви велицей благовестить правду Его* (Пс. 144, 5, 11, 12, 21; 39, 10), яко приявший внутрь чрева закон Духа, да не подобно оному рабу лукавому, скрывшему талант своего господина, ввержен будет в огонь вечный. Так и Давид, после того как омыл грех свой покаянием и опять восприял пророческое дарование, не могши скрывать Божия благодеяния, такое обращал к Богу слово: *се устнам моим не возбраню, Господи, Ты разумел еси: правду Твою не скрых в сердце моем, истину Твою и спасение Твое рех, не скрых милость Твою и истину Твою от сонма многа* (Пс. 39, 10, 11).

67) Ум, очищенный от всякой нечистоты, по блестящим и светлым разумениям бывает для души звездным небом, имея в себе Солнце Правды сияющим и светлые лучи богословия испускающим, в уяснение, что есть глубина и высота, и широта ведения Бога. Прияв в недра свои сии лучи, Он изъясняет потом словом глубины Духа всем, имеющим Духа Божественного в себе, обнаруживает лукавство духов и поведает о тайнах Царствия Небесного.

68) Телесные похотения и взыгrania плоти останавливают воздержание, пост и боре-ние духовное; разжжения же душевные и волнения сердечные чтение Божественных Писаний охлаждает, непрестанная молитва смиряет, а умиление, как елей, утишает.

69) Ничто другое так, как чистая и чуждая всего вещественного молитва, не делает человека достойным собеседником Бога и не соединяет с Ним того, кто словом молится Ему нерассеянно, в духе, когда при том душа его омывается слезами, услаждается сладостию умиления и светом Духа просвещается.

70) Прекрасно и количество в молитвенных псалмопениях, когда им руководит терпение и внимание; но собственно качество оживляет душу и бывает причиною плода (от молитвы). Качество же псалмопения и молитвы (доброе) состоит в том, чтобы молиться в духе умом; а умом молится кто когда, поя и молясь, он умом обозревает то, что содержится в Божественном Писании и приемлет восхождения разумений в сердце своем из бого-лепных мыслей, коими мысленно в воздух света восхищаемая душа светло осиявается, еще паче очищается, вся восторгается к небесам и созерцает красоты уготованных святым благ, вожделением коих возгораясь, тотчас являет плод молитвы источением из очес источника слез от действия светотворного Духа, доставляющих душе вкушение столь сладостное, что сподобившийся его нередко забывает совсем о телесной пище. Это и есть плод молитвы, от качества псалмопения порождающийся в душах, добре молящихся.

71) Где видится плод Духа, там присуще качество молитвы; а где есть это качество, там прекрасно и количество псалмопения. Где же плод не проявляется, там сухо и качество; если же оно сухо, тем паче количество, которое хотя и дает труд телу, но всячески для многих бесполезно бывает.

72) Берегись козней вражеских, когда молишься и поешь псалмы Господу: ибо они всячески ухищряются отвлекать мысль и чувство от того, что поется, и все то изгладить из памяти. Делают же сие для того, чтоб лишить нас плодов молитвы, и чтоб не вкушая сих плодов, мы заскучали на псалмопении и пресекли его, в предположении, что уже долго молились, как подушает враг. Но ты настой мужественно и еще прилежнее внимай псалмам, неспешно читая их; да пожнешь плод молитвы при созерцании того, что представляют стихи псаломские, и обогатишься просвещением Святого Духа, воссиявающим в душах молящихся (сокращенно).

73) Когда что-либо такое случится с тобою, когда стараешься петь разумно, смотри не разленись, возмалодушествовав, и покой тела не предпочти пользе душевной, подумав, что уже позднен час. Но как только заметишь пленение ума, остановись, и хотя бы ты был уже на конце псалма, востеки усердно к началу его, и снова начав, читай порядку тот же псалом, и делай так, хотя бы многократно в час случилось с тобою пленение. Если будешь так делать,

то демоны, не снося твоего терпения и постоянства и силы рвения, убегут от тебя, стыдом покрытые.

74) Твердо ведай, что непрестанная молитва та есть, которая не отходит от души ни днем ни ночью, и которая состоит не в воздеянии рук, не в положении тела молитвенном и не в возглашении молитв языком, чтоб можно было ее видеть телесными очами, но состоит в умном делании с памятованием о Боге при постоянном умилении, и уразумевается только умеющими уразумевать сие.

75) Можно пребывать всегда в молитве, если помыслы свои держать собранными под владычеством ума в мире и благоговейнстве полном, в глубины Божии проникая и ища вкушать оттуда истекающую сладчайшую струю созерцания: что при отсутствии мира (помыслов) невозможно. Только в том, у кого душевные силы умиротворены ведением, может благоустроиться непрестанная молитва.

76) Если когда поешь песнь молитвы Богу, брат придет и постучится в дверь келлии твоей, не предпочти дела молитвы делу любви, призыв стучащегося к тебе брата: ибо это не любезно Богу. Он желает от тебя в сие время елєя любви, а не жертвы молитвы. Почему оставя дар молитвы, дай брату беседу любви и удовлетвори его желание. Потом, возвратившись, принеси дар твой Отцу духов со слезами и сокрушенным сердцем, и дух правый обновится во утробе твоей.

77) Не в определенное время и не в определенном месте совершается таинство молитвы. Ибо если определишь дело молитвы часами, временами и местами; то кроме сего, пожалуй, как бы по праву, станешь проводить время в занятиях суетных. Предел молитвы есть неподвижное пребывание ума в Боге; дело – вращание души в вещах божественных; конец – прилепление к Богу сердцем, чтоб быть с Ним един дух, по определению и слову Апостола (1 Кор. 6, 17).

78) Хотя ты умертвился уже в членах плоти, и душевно оживотворился Духом, и преестественных дарований сподобился от Бога: но ты все же не оставляй блуждать туда и сюда мысленную силу души своей, а приучай ее всегда вращаться в памятовании о прежних твоих прегрешениях и о сущих в аде муках, и смотри на себя как на осужденника. Вращая ум свой в таких помышлениях и так смотря на себя, ты сохранишь сокрушенный дух и будешь иметь в себе живой источник умиления, источающий струи божественной благодати, и Бога будешь зреть смотрящим на тебя и дающим тебе Духа во утверждение сердца твоего.

79) Благоразумное пощение, приившее в спутники себе бдение с Богомыслием и молитвою, скоро делателя своего приводит к пределам бесстрастия, когда у него при сем и душа в преизбытке смирения будет обливаема слезами и воспламеняема любовью к Богу. Когда же он дойдет до сего, тогда оно вводит его в мир духовный, превосходящий всякий ум свободный, и любовь соединяет с Богом.

80) Не так царь о славе и царстве высокоумствует и, восхищаясь державною властью, радуется, как монах о бесстрастии и слезах умиления. Но у того высокоумствование увядает вместе с царством; а этого блаженное бесстрастие с ним переходит туда и там пребывает в радовании в бесконечные веки. Как колесо, вращается таковой в настоящей жизни между людьми, мало касаясь земли и того, что на земле, по необходимым потребам естества; весь же он шаровидно несется в мысленный воздух, в себе самом сочетая начало с концом и неся виды даров благодатных вделанными в венец смирения. Для него обильною трапезою бывает созерцание Сущего, питием – чаша премудрости, упокоением – Бог.

81) Волею предавший себя трудам добродетельным и с теплым усердием совершающий подвижнический путь, великих от Бога сподобляется даров. Подвигаясь в преуспейнии к середине, доходит он до божественных откровений и видений, – и тем более делается световидным и мудрым, чем более напрягается его подвижнический труд. Но чем выше восходит он на высоту созерцания, тем большую против себя возбуждает зависть губительных бесов:

ибо они не могут равнодушно видеть, как человек прелгается в ангельское естество; почему не лентя тайно пускать на него стрелу самомнения. Если он, уразумев кознь вражью, укроется в крепость смирения, зазрев себя (или в чувстве презрения к себе), то избегает бедственности гордыни и вводится в пристань спасения. Если же нет; то оставлен будучи помощью свыше, предается в руки духов злобы, требующих его, как своего по духу, на невольное обучение наказательное, за то что произвольно не явил себя обученным и искусным. Эти обучительно наказательные духи суть духи сластолюбия и плотолубия, злобы и гнева, кои и смиряют его лютыми нападениями, пока познает свою немощь, и оплавав свое падение, побудит отменить обучительное наказание. Тогда и он может с Давидом воззвать: *благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим* (Пс. 118, 71).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.